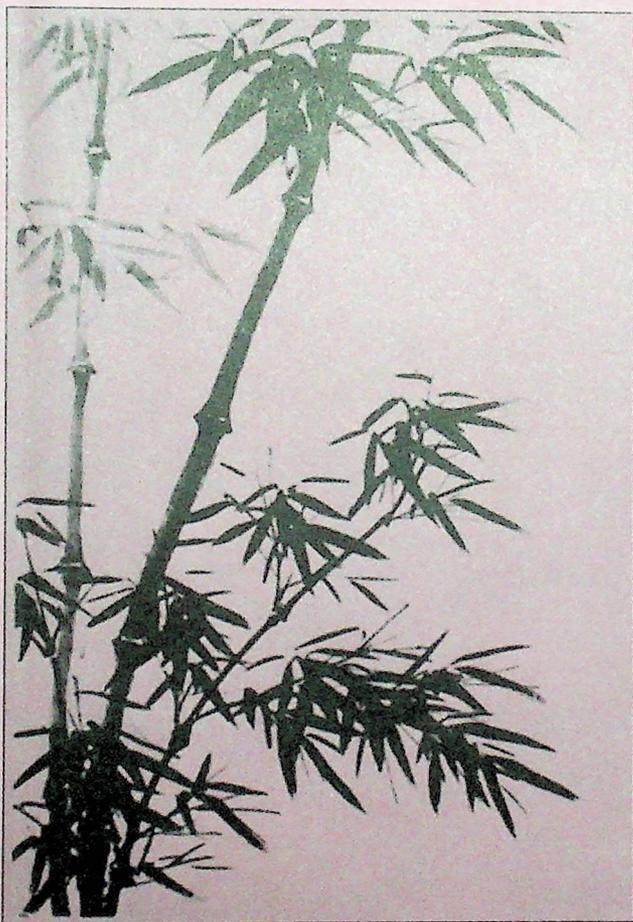

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 3/2001

ISSN 0131-2812

Китайская политика России
при В.В.Путине

Россия и Вьетнам:
новый этап сотрудничества

Дискуссии о национализме в КНР

Япония и американский план
ПРО ТВД

Южная Корея реформирует ФПГ

201 203.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3/2001

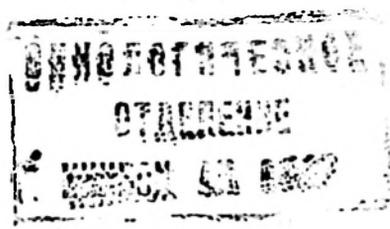
Май - Июнь

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

<i>А.Ларин.</i> Китайская политика России при Президенте В.В.Путине.....	7
<i>А.Поляков, В.Климов.</i> Россия - Вьетнам: от стратегического интереса к стратегическому партнерству.....	19
<i>В.Павлятенко.</i> Япония и американский план создания ПРО ТВД в Северо-Восточной Азии.....	31
<i>А.Москалев.</i> Дискуссии о национализме в КНР.....	46
<i>П.Васильев.</i> Россия, Китай, талибы.....	60
<i>Ф.Хамраев.</i> К вопросу о китайско-афганских отношениях.....	73
<i>А.Асанова.</i> Становление межгосударственных киргизско-китайских отношений.....	76

ЭКОНОМИКА

<i>Хоу Цзиньгуан (КНР).</i> Создание системы современных предприятий в Китае: теория и практика.....	87
<i>С.Суслина.</i> Южнокорейский опыт реформирования финансово-промышленных групп.....	98
<i>Л.Ходов.</i> Проблемы и перспективы внешнеэкономических связей КНДР.....	109

ИСТОРИЯ

<i>Л.Березный.</i> Американская историография новой истории Китая: кризис парадигм? Заметки о дискуссиях синологов США.....	117
---	-----

РУССКИЕ В КИТАЕ

О.Еропкина. Русские и китайские школы на КВЖД. 20-е годы.....132

ФИЛОСОФИЯ

Д.Глазева. Распространение буддизма в Японии: синто-буддийский синкретизм (VI-XII вв.).....139

КУЛЬТУРА

Н.Демидо. Новое поколение "свободных художников" на литературной сцене КНР152

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Передача архивных документов, связанных с образованием Компартии Китая, научным учреждениям КНР.....158

Н.Кобозев. V научная конференция корееведов "Перспективы межкорейского диалога, его внутренние и внешние аспекты".....161

А.Хисамутдинов. Париж и русская эмиграция на Дальнем Востоке. Научная конференция в Париже.....163

РЕЦЕНЗИИ

В.Ф.Ли. Ткаченко В.П. Корейский полуостров и интересы России.....168

Г.Яскина. Лузяниц С.Г. Россия - Монголия - Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг.....171

П.Троцкий. Ахметшин Х.М., Ахметшин Н.Х., Петухов А.А. Современное уголовное законодательство КНР.....176

Е.Таскина. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в АТР и Южной Америке. Библиографический словарь.....181

Е.Бирюлин. Ван Синлинь, Ван Кунсю, Ван Сижун. Обзорное исследование "Устойчивого развития".....183

К.Адамова. Коварж И. Азия - динамичный континент: главные факторы и магистральные направления роста.....186

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

М.Титаренко, А.Яковлев. Академику В.С.Мясникову - 70 лет.....188

Главный редактор А.М. Григорьев

Редакционная коллегия

Р.М. Аспанов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов П.А. Минакир, В.В. Михеев, С.Н. Морозов (первый зам. главного редактора), В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов Л.С. Переломов, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко

Статьи этого номера

А. Ларин. Китайская политика России при Президенте В.В.Путине

Деятельность В.Путина на китайском направлении все более приобретает черты долгосрочной стратегии, отмечает автор. В российском обществе отношение к Китаю варьируется от недоверия до стремления создать антиамериканский альянс. Президент РФ, по мнению автора статьи, отдает предпочтение средней, прагматической линии, означающей сбалансированное развитие отношений как с Западом, так и с Востоком. Это предполагает поддержание близких взаимоотношений с Китаем в обход противоречий и совместное противостояние американскому диктату, серьезно ограниченное, однако, как по масштабам, так и по формам.

Такая модель российско-китайских отношений является оптимальной для обеих сторон и потому обладает высокой степенью устойчивости: она не может ни трансформироваться в союз, ни смениться отчуждением.

А. Поляков, В. Климов. Россия-Вьетнам: от стратегического интереса к стратегическому партнерству.

В статье рассматриваются нынешнее состояние и перспективы развития отношений между Россией и Вьетнамом в свете состоявшегося в марте с.г. официального визита в СРВ Президента Российской Федерации В.В.Путина - первого посещения Ханоя главой российского государства за всю историю двусторонних связей. Подчеркивается, что традиции дружбы и сотрудничества между двумя странами, имеющими более чем полувековую историю, не только не утратили своего значения на современном этапе, но и вышли на качественно новый уровень — уровень стратегического партнерства. При этом накопленный потенциал позволяет вести эффективную работу по всем ключевым направлениям взаимодействия: в политической, экономической, военнотехнической и культурно-образовательной сферах.

Опираясь на богатый фактический материал, авторы приходят к выводу, что дальнейшее наращивание взаимовыгодного сотрудничества и взаимодействия России с динамично развивающимся в последнее время Вьетнамом в XXI веке имеет реальную долгосрочную перспективу и будет способствовать укреплению позиций нашей страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В. Павлятенко. Япония и американский план создания ПРО ТВД в Северо-Восточной Азии

После принятия в июне 1999 г. закона о развёртывании национальной противоракетной обороны (НПРО), США фактически приступили к практической реализации мер по подрыву всей системы международных соглашений в области контроля над вооружениями. Конкретным шагом в этом направлении стало и соглашение между Японией и США о развёртывании исследовательских программ по созданию противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД) морского базирования, что внесло определенную напряжен-

ность в развитие военно-политической ситуации в Северо-Восточной Азии в целом и в отношении Японии с региональными государствами в частности.

Вместе с тем, участие Японии в исследовательской части проекта развертывания ПРО ТВД морского базирования в СВА пока носит проблематичный характер. Токио до сих пор не имеет собственной долгосрочной стратегии в отношении развертывания этой системы и полноценной концепции участия Японии в американских военно-политических планах.

В статье анализируются факторы, обусловившие включение Японии в исследовательскую часть программы, рассматриваются внутренние и внешние причины, тормозящие принятие в Токио окончательного решения по этому вопросу.

П. Васильев. Россия, Китай, талибы

Статья рассматривает политику России и Китая в отношении режима движения Талибан (ДТ), пришедшего к власти в Афганистане. Автор характеризует этот режим как жестокий и деспотический, реализующий войной и репрессивными методами внутри страны обскурантистскую концепцию "истинного" ислама, а вовне - курс на поддержку международного терроризма и религиозного экстремизма. Подробно излагаются события 2000-2001 гг., когда талибы продемонстрировали откровенную враждебность и нежелание искать какие-либо точки соприкосновения с Россией, прямую поддержку чеченских сепаратистов, исламских террористических группировок в других странах.

Автор полагает, что России целесообразно ориентироваться на региональный подход в деле урегулирования ситуации с Афганистаном, активно координируя свое взаимодействие с такими ключевыми в регионе странами, как Китай, Пакистан, Иран.

В отношении Китая, отмечается в статье, Талибан, постоянно получающий помощь и поддержку со стороны руководства Пакистана, проводит более осторожную линию. Несмотря на свое фактическое содействие мусульманским сепаратистам в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, ДТ подчеркивает, что не намерено подрывать единство Китая. Пекин учитывает все это при развитии связей с талибами. Одновременно КНР отчетливо осуждает международный терроризм и поддержку сепаратизма во всех формах и проявлениях, подтверждая политическую готовность идти на межгосударственное сотрудничество по этим вопросам с Россией, центральноазиатскими государствами СНГ, другими странами.

Ф. Хамраев. К вопросу о китайско-афганских отношениях

В статье ученого-международника из Узбекистана названы в качестве устойчивых факторов китайской политики в отношении Афганистана, "кто бы ни пришел там к власти", заинтересованность Китая в транспортных коммуникациях, приближающих его к странам Ближнего и Среднего Востока, в энергоресурсах района Каспия и в обеспечении безопасности Синьцзяна от угрозы исламского сепаратизма и терроризма. Китай, по мнению автора, будет одним из важных действующих лиц в развитии событий вокруг Афганистана.

А. Асанова. Становление межгосударственных киргизско-китайских отношений

Автор, анализируя киргизско-китайские совместные декларации и соглашения, выступления руководителей Киргизстана и КНР, публикации МИД Киргизстана, показывает процесс становления межгосударственных отношений между Республикой Киргизстан и Китайской Народной Республикой после 1992 г., успехи, достигнутые двумя странами в политическом сотрудничестве, связях в экономической сфере и культурно-гуманитарной области.

А. Москалев. Дискуссии о национализме в КНР

Статья знакомит с переменами в отношении к проблеме национализма в КНР в 90-е гг., с обсуждением в среде китайских ученых идеи построения нового "правильного" китайского национализма как полиэтнической идеологии.

Хоу Цзиньгуан. Создание системы современных предприятий в Китае: теория и практика

Автор из КНР сосредоточил внимание на анализе мониторинга всекитайского эксперимента по созданию системы современных предприятий, разработанного Государственным комитетом по реформе экономической системы для реформирования государственных предприятий. Отмечаются положительные изменения в системе имущественных прав предприятий как юридических лиц, в финансовом положении и качестве активов, во внутреннем управлении предприятиями, особенно у тех из них, которые избрали форму акционерной компании.

С. Суслина. Южнокорейский опыт реформирования финансово-промышленных групп

Автор подробно рассматривает роль финансово-промышленных групп (ФПГ) Южной Кореи в развитии ее экономики, останавливаясь и на положительных и на отрицательных сторонах их деятельности. Охарактеризована суть реформы ФПГ после финансово-экономического кризиса 1997-1998 гг., характер возникших при этом трудностей. Затрагивается проблема роли государства в условиях южнокорейской экономики, и с этой точки зрения проводятся аналогии с ситуацией в России.

Л. Ходов. Проблемы и перспективы внешнеэкономических связей КНДР

На фоне общей характеристики экономики КНДР сделан обзор конкретных плюсов и минусов ее развития, с учетом в особенности интересов России. Довольно подробно описана деятельность свободной экономической зоны Раджин-Сонбон. Содержатся также полезные для российских экспортеров сведения о рынке КНДР.

Л. Березный. Американская историография новой истории Китая: кризис парадигм?

Автор раскрывает тему на материалах дискуссии, развернувшейся в 90-х гг. среди синологов США вокруг двух основных западных парадигм истории развития Китая в XX в. - "парадигмы модернизации" и "парадигмы революции". Он приходит к выводу о том, что обе парадигмы, обремененные к тому же идеологически, действительно находятся в состоянии кризиса, что препятствует адекватному познанию истории Китая XX в., особенно периода реформ последней четверти века.

О. Еропкина. Русские и китайские школы на КВЖД. 20-е годы

Автор рассказывает о роли, которую сыграли русские школы на КВЖД в развитии образования в Маньчжурии. Особенности организации обучения в русских школах было преподавание в них китайского языка, их взаимодействие с китайскими учебными заведениями, включая оказание последним помощи в постановке изучения русского языка.

Д. Главева. Распространение буддизма в Японии: синто-буддийский синкретизм (VI-XII вв.)

В статье раскрываются особенности культурно-мировоззренческого механизма, который обеспечил укоренение на Японских островах пришедшего с континента буддизма. Автор показывает, что успешное вхождение буддизма в культурный генотип японской нации было не в последнюю очередь порождено успешным взаимодействием буддийских идеологии и верований с синтоизмом - комплексом религиозных представлений коренного населения Японии. Это взаимодействие стало возможным в том числе благодаря разграничению социальных функций синтоизма и буддизма: первый "отвечал" за благополучие рода, коллектива, за их связь с природными силами, а буддизм брал на себя духовные потребности личности и в то же время выполнял функции общегосударственной идеологии. Философско-мировоззренческие корни синто-буддийского синкретизма автор усматривает в традиционном тяготении культурного сознания японцев к интеллектуальному и духовному освоению близлежащего, "околотелесного", чувственно постигаемого пространства, что обусловило принятие синтоистским сознанием буддийской интроспекции - нацеленности на созерцание внутренней сути человеческой личности.

Н. Демидо. Новое поколение "свободных художников" на литературной сцене КНР

В Китае 90-х гг. изменившиеся воззрения на общество, экономику, культуру вызвали заметное расхождение во взглядах на литературу и искусство, на литературной сцене появилась целая плеяда независимых писателей, получивших название "писатели нового поколения". Статья посвящена анализу характерных черт новой творческой группы и реакции на нее китайской критики.

Политика

Китайская политика России при Президенте В.В. Путине

© 2001

А. Ларин

Приход в марте 2000 г. на пост главы государства в России нового политического деятеля внешне не привел к каким-либо крутым переменам в китайской политике России. Деятельность нынешнего президента на китайском направлении представляет собой вполне логичное и плавное движение в том русле, которое обозначилось в период президентства Б.Ельцина. Тем не менее, анализ этой деятельности не только позволяет констатировать наличие преемственности, но и вызывает вполне определенное ощущение новизны.

Как представляется, подобное ощущение связано с происходящей трансформацией всей мировой обстановки и той эволюцией, которую претерпевает – отчасти в силу этой трансформации – российская внешнеполитическая стратегия в целом. Поэтому, чтобы разобраться в китайской политике Москвы, мы должны бросить взгляд на процесс формирования основ российской стратегии на международной арене. Беспомощная и безответственная политика ельцинского периода (вслед за наивной политикой эпохи горбачевской перестройки) привела к превращению России из сверхдержавы в слабое государство, пребывающее в состоянии перманентного кризиса и в значительной мере утратившее свой вес в мире. В этих условиях США со своими союзниками по НАТО перешли к политике, которую в Москве с полным основанием расценили как силовой диктат, в результате чего между Москвой и Вашингтоном возникли разногласия практически по всем аспектам взаимоотношений, появилось отчуждение, переходящее временами в конфронтацию. Ельцинское руководство, слабое и разобщенное, предприняло ряд ответных мер, однако не сумело выработать адекватной линии поведения. Эта задача досталась нерешенной новому президенту.

Ему, как представляется, удалось выработать, пусть пока в самых общих чертах, такую линию и, в частности, определить место в ней Китая, при том, разумеется, что ее уточнение и наполнение конкретным содержанием – еще впереди, они будут происходить в процессе ее реализации. В этом, собственно говоря, и состоит новизна внешнеполитической деятельности Путина.

Формирование новой стратегии с самого начала протекало в обстановке острых дискуссий о месте России в современном мире, вспыхнувших сразу по-

сле распада СССР и образования Российской Федерации и с тех пор не стихающих. Стержнем этой жизненно важной для страны темы стал вопрос об отношении к западному миру, прежде всего к США. В известной мере производным от него является подход к странам Азии, в том числе к Китаю. Условно участников нынешних дискуссий можно разделить на три группы: западную (сторонников интеграции), антизападную (ее противников) и промежуточную. Обобщенно (и, конечно, упрощенно) их взгляды можно изложить следующим образом.

Лейтмотив всех выступлений “западников”: Россия должна любой ценой добиться интеграции в экономическую систему Запада, влиться в западный мир, а для этого “приглушить опасную тенденцию дрейфа России назад, к конфронтации с Западом”¹ и как можно скорее «заняться наращиванием критической массы доверия»² западных стран, скрупулезно соблюдая установленные ими правила и выполняя по максимуму их требования. (Кстати, почему «критической», а не просто «массы»? Критическая масса – это постоянная величина, порог, его нельзя нарастить, его можно только превысить, и тогда возникает качественно новое явление, если говорить о ядерной физике, то – взрыв).

В большинстве своем “западники” отдают себе отчет, что Россия не имеет шансов стать равноправным членом западного мира, что ее ожидает там лишь “асимметричное партнерство”, что ей придется «сократить свой суверенитет и статус великой державы»³ (последнее, вероятно, надо понимать как дальнейшее понижение ее статуса, уже сейчас отнюдь не великодержавного), но полагают, что даже такое положение для страны лучше, чем изоляция от Запада, фактически означающая конфронтацию с ним. Некоторые другие “западники” такого понимания не проявляют. Но и первые, и вторые с энтузиазмом критикуют Путина за промедление в проведении экономических реформ, и за попытку укрепить государственную власть (“скатывание к тоталитаризму”), и за осуждение практикуемой странами НАТО “гуманитарной интервенции”, и за самостоятельность в отношениях с нелюбимыми Западом членами международного сообщества. При этом почему-то начисто теряется из вида – неужели, ввиду своей очевидности? – или, по крайней мере, существенно недооценивается то обстоятельство, что политика США носит гегемонистский, экспансионистский характер и что она создает угрозу жизненным интересам России.

Интересно, что это обстоятельство куда яснее видят издали наши коллеги – китайские политологи. «Интересы США и России неизбежно приходят в столкновение, – пишут они. – Коренная причина американо-российских противоречий состоит в том, что США стремятся укрепить свое положение «мирового лидера», а Россия стремится занять место, достойное великого государства, обрести уважение и не подчиняться чужим распоряжениям»⁴. Традиционное и отнюдь не случайное стремление китайских ученых стоять «над схваткой» побуждает их выражать свои мысли с некоторой долей округлости, однако едва ли требуется расшифровывать, за счет чего и с какими целями США укрепляют мировое лидерство, или объяснять, что для России «достойное место» – это не предмет амбиций ее лидеров, а проблема выживания.

Оппоненты “западников” воспринимают США и Западную Европу в противоположном ключе, как заклятых врагов, какими они остались со времен “холодной войны”, с той лишь разницей, что идеологические противоречия у них теперь сменились геополитическими. Именно на этой основе, с их точки зрения, должна строиться вся российская стратегия⁵. Иными словами, предлагается что-то вроде возрождения советско-американского соперничества прежних десятилетий. Враждебность США и Европы нашей стране “антизападники” подтверждают такими фактами, как расширение НАТО на

Восток, поддержка Западом чеченских сепаратистов, стремлением вытеснить Россию с Кавказа и из Центральной Азии. Они напоминают также о печальном опыте первой половины 90-х годов. Стоявшие у власти в России в тот период либералы строили свою политику на том, чтобы любой ценой в кратчайшие сроки стать "как Запад" и частью Запада. Результатом стали: отсутствие у России собственной политики, потеря союзников, колоссальный ущерб национальным интересам и при всем том – отказ Запада от партнерства с нами.

Таким образом, различные политические силы предлагают стране дилемму, которая у "западников" звучит так: или интеграция в западный мир (для чего следует ни в чем ему не перечить), или же самоизоляция-конфронтация с ним, означающая для России тупик. "Антизападники" понимают эту дилемму по-иному: превратиться в экономический и политический придаток Запада и даже, возможно, погибнуть как государство – или отстоять независимость страны.

Очевидно, что какие-то грани истины содержатся в каждой из этих двух моделей. Представляется бесспорным, что без западных инвестиций и технологий, без содействия и экономических льгот со стороны, в частности США, реформы в России не могут увенчаться успехом. Бесспорно и то, что российско-американские отношения обладают значительным потенциалом сотрудничества – многообразное сотрудничество существовало даже в годы «холодной войны». С другой стороны, возведение в нерушимый закон жизни отказа от всяких возражений Западу, безоговорочное соблюдение любых либеральных стандартов на практике не могут быть ничем иным кроме полного подчинения американскому диктату. В итоге Россия превратилась бы в неоколониальную страну с бессильной государственной властью, поглощенную внутренними дрязгами и постоянной изнурительной борьбой с исламскими фундаменталистами, продающую по дешевке своё сырьё и, как следствие всего этого – нищую и, скорее всего, дезинтегрированную.

Если мы будем держаться враждебно – не получим ничего. Но будем ли мы вести себя независимо или угождать Западу – он даст нам только то, что ему выгодно, не более. Скажем, его содействие по идее должно бы включать в себя списание и реструктуризацию российских внешних долгов, снятие ограничений на экспорт российской продукции на западные рынки и т.п. Но с какой стати США и Запад согласятся на это? Или – за какую цену?

Короче говоря, для России интеграция в западный мир как средство догнать его – инструмент обоюдоострый и опасный. Изоляция же позволяет избежать этих опасностей, но одновременно отрезает страну от достижений западной технической цивилизации и тем самым лишает ее жизненной перспективы.

Сквозь призму этих аргументов и выводов различные представители политических кругов России смотрят и на Китай. В зависимости от отношения к Китаю группы про- и антизападников можно было бы соответственно назвать анти- и прокитайскими, с той, однако, оговоркой, что в целом и одна, и вторая группа уделяют Западу больше внимания, чем Востоку. Конечно, сегодня никто из поклонников Запада уже не рискует напрямую призывать отгородиться от Китая на том основании, что он является страной с коммунистической диктатурой, идейным противником России, – как это было открыто сделано в первой половине 90-х годов в отношении КНДР и Кубы и как это пытался сделать в отношении КНР Гайдар, заявлявший: "Китай – тоталитарное государство, мы – демократическое, и нам нечему учиться у Китая, нечего сотрудничать с тоталитарным режимом"⁶. Тем не менее, "западники" относятся к сближению Москвы и Пекина с подозрением, опасаясь, как бы это не привело, в конце концов, к попыткам переориентировать главный вектор политики

страны на Восток, на партнерство с Китаем и даже на создание российско-китайской антизападной коалиции.

Побуждаемые этими соображениями, они стремятся дискредитировать в глазах российской общественности едва ли не каждый шаг вперед в области российско-китайского сотрудничества. Утверждается, например, что тезис о недопустимости "гуманитарного вмешательства" в документах "Шанхайской пятерки", принятых в июле прошлого года в Душанбе, появился "с подачи Китая" (из чего читатель должен заключить, что он совсем не обязательно отвечает интересам России)⁷; что ориентация России на многополюсное мироустройство превращает ее в инструмент внешней политики Китая⁸. Критикуя стремление президента Путина укрепить властную вертикаль, скорректировать курс экономической реформы, прозападное крыло усматривает в этом нежелательный дрейф "в сторону одной из азиатских - то ли китайской, то ли южнокорейской модели"⁹.

Со своей стороны, те, кто считает конфронтацию России с Западом неизбежной вследствие гегемонистской политики последнего, естественно, рассчитывают найти опору в лице Китая. С их точки зрения, грядущее обострение отношений между Пекином и Вашингтоном, вытекающее из той же гегемонистской политики, неминуемо приведет к совместному противостоянию России и Китая Соединенным Штатам. Например, одна из схем такого рода, принадлежащая известному китаисту-международнику А.Г. Яковлеву, выглядит следующим образом.

"На протяжении веков и по сей день российское и китайское государства оказывались под постоянным и опасным давлением одних и тех же глобальных сил, каковыми были и остаются поныне державы Запада и Япония. При этом с течением времени угроза самому существованию двух государств со стороны указанных сил обретала все более злоешие очертания". В настоящее время ввиду выявившейся ограниченности сырьевого и экологического потенциалов планеты между этими силами - "сверхразвитым центром" и обширной мировой периферией, в которую входят и Китай, и Россия, возник глубочайший антагонизм. Страны периферии смогут выжить лишь в том случае, если объединятся в "новый глобальный полюс", что может произойти только при лидирующей роли России и, особенно, Китая. Никакая из этих стран не сможет уклониться от этой роли, ибо обе они являются "объектами, причем первоочередными объектами, главного удара в гегемонистской стратегии Запада", ныне сплоченного как никогда прежде¹⁰. А коль скоро альянс необходим для выживания его участников - ясно, что готовить его нужно уже сейчас.

Споры о российско-китайских отношениях, а с ними и вся дискуссия об основном содержании российской стратегии на мировой арене, отражают то критическое, чтобы не сказать тупиковое, положение, в котором оказалась Россия на рубеже веков. Заслуга президента Путина состоит в том, что он, кажется, нащупал - по крайней мере, в первом приближении - оптимальную линию поведения для России, позволяющую отбросить крайности и сочетать то рациональное, что есть в каждой из двух предлагаемых моделей. Она отражает мировоззрение, условно говоря, центра - трезвомыслящих политиков, встревоженных создавшейся ситуацией и чувствующих ответственность за судьбу государства. Новая Концепция внешней политики РФ, принятая в прошлом году, ориентирует внешнюю политику, как отмечает министр иностранных дел Игорь Иванов, "прежде всего на активное, а там, где необходимо, и жесткое отстаивание интересов страны на международной арене. Такой подход не имеет ничего общего с национальным эгоизмом или самоизоляцией. Не противоречит он и нашей линии на последовательную интеграцию в сообщество демократических государств и мировую экономику"¹¹.

Стоит особо подчеркнуть появление в Концепции фразы: "Российская Федерация проводит самостоятельную и конструктивную внешнюю политику"¹². Напоминающая китайскую "независимую и самостоятельную внешнюю политику", эта формула свидетельствует о том, что авторы концепции ясно осознают риск ставки на интеграцию с Западом, да и вообще на сближение с кем угодно, если превратить такую ставку в фетиш и бездумно подчинить ей все остальное. Сегодня в российском политическом мышлении обретает силу положение, сформулированное, в частности, директором департамента безопасности МИД Александром Ранних: "Отношение к нам в силу наших размеров и тех экономических возможностей, которые заложены в нашей территории, у окружающего мира потребительское. Если мы сами не можем реализовать и развивать то, что у нас есть, если готовы отдавать, то желающих воспользоваться этим найдется огромное количество. Нас разберут на куски, если позволим. Как только представится возможность просто взять очередную часть российской территории – возьмут. Возможностью воспользуются, не задумываясь"¹³.

В новой концепции одним из самых фундаментальных является понятие баланса между западным и восточным направлениями российской политики, идея "оптимального сочетания усилий по всем направлениям". Во время визита в Пекин В.В.Путин в интервью агентству Синьхуа подтвердил это: "Мы отдаем должное и европейскому прагматизму, и восточной мудрости, и потому внешняя политика России будет сбалансированной"¹⁴. Смысл баланса в сегодняшних условиях достаточно очевиден, и сам Путин неоднократно разъяснял его. Так, в другом интервью в апреле 2000г. он отметил: "Если Запад нам угрожает, пугает нас санкциями, то фактически он заставляет нас повернуться на Восток, толкает Россию в этом направлении. Причем, Запад проводит ту же политику в отношении тех стран, которые объективно могут стать нашими союзниками"¹⁵. В нынешней концепции внешнеполитические приоритеты России расставлены следующим образом: страны СНГ – европейские государства – НАТО – Азия, имеющая "важное и все возрастающее значение", что "обусловлено прямой принадлежностью России к этому динамично развивающемуся региону, необходимостью экономического подъема Сибири и Дальнего Востока". Несмотря на то, что Азия поставлена в этом перечне на последнее место, по мнению российских экспертов, "азиатское направление внешней политики Путина по своей приоритетности мало уступает западному"¹⁶. Что же касается отношений с Китаем, то Москва, по словам Путина, считает их "одним из высших приоритетов своей внешней политики"¹⁷. Концепция внешней политики РФ, фиксируя важность дружеских взаимоотношений России с Китаем и Индией, придает российско-китайским отношениями особую значимость в международном масштабе, подчеркивая: "Совпадение принципиальных подходов России и КНР к ключевым вопросам мировой политики – одна из базовых опор региональной и глобальной стабильности".

На китайском направлении Путину досталось весьма ценное, с точки зрения российских интересов, наследство, которое заслуживает того, чтобы, во-первых, сохранить его и продолжать накапливать; и, во-вторых, определить ему правильное место во внешнеполитической стратегии страны. О том, как решается вторая задача, мы уже говорили. Достижения в выполнении первой задачи – очевидны. Российско-китайские отношения при новом президенте развиваются последовательно, без торможений и зигзагов.

В политическом плане стороны осуществляют эффективное взаимодействие по широкому кругу вопросов, среди которых основными, на наш взгляд, являются:

- противодействие планам США по созданию новых систем ПРО, в первую очередь национальной системы ПРО стратегического уровня, запрещенной Договором по ПРО 1972 г., а также нестратегической системы ПРО ТВД в АТР. Подписание в Пекине 18 июля прошлого года во время визита президента Путина Совместного заявления по ПРО представляет собой серьезный политический демарш, посредством которого лидеры двух стран сигнализируют США о твердом намерении объединить свои усилия с целью нейтрализовать, как говорится в Заявлении, "стремление США к одностороннему превосходству в военной сфере и вопросах безопасности";

- оппозиция взятой на вооружение Западом тактике вмешательства во внутренние дела других государств "под предлогом гуманитарной интервенции и защиты прав человека", как то сформулировано в Душанбинской декларации "Шанхайской пятерки". Неприятие "силового давления либо вмешательства во внутренние дела суверенных государств" зафиксировано и в Пекинской декларации;

- борьба с сепаратизмом (эта проблема тесно связана с предыдущей, поскольку Запад в целом ряде случаев оказывает поддержку сепаратизму именно под вышеназванным предлогом). В Пекинской декларации от 18 июля 2000г. стороны осудили "национальный сепаратизм, международный терроризм, религиозный экстремизм и трансграничную преступность". Последние три вида преступности тоже нередко сопровождают сепаратизм, переплетаются с ним, придают ему особенно опасный характер. На встречах государственных лидеров в Душанбе и Пекине Россия подтвердила свое согласие с позицией правительства КНР по тайваньской проблеме, в том числе относительно планов включения Тайваня в систему ПРО ТВД. Солидарность Пекина с позицией России по Чечне была отмечена в Душанбе в Совместном коммюнике министров иностранных дел. Активизация мусульманских сепаратистов, широкое использование ими террористических методов побудила членов "Шанхайской пятерки" договориться в Душанбе об организации регионального антитеррористического центра, роль которого в перспективе будет, по всей видимости, возрастать.

Среди новых моментов в сфере двусторонних политических отношений стоит особо отметить записанное в Пекинской декларации согласие сторон начать переговоры по разработке российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Было бы просто замечательно, если бы в этот договор был включен принцип неизменяемости российско-китайской границы наподобие того, как это было зафиксировано в свое время в Хельсинкском акте относительно границ в Европе. Принятие такого принципа позволило бы окончательно закрыть вопрос о территориальных претензиях, которые предъявлял России еще Мао Цзэдун и которые подспудно живут и сегодня в политически активных кругах китайского общества. Заметим, что, с точки зрения сторонников такого рода претензий, подписанные сторонами в 90-х гг. документы о границе (Соглашение 1991 г. по восточному участку, Соглашение 1994 г. по западному участку и Совместное заявление о пограничных вопросах 1998 г.) не обладают достаточной силой, чтобы снять территориальные вопросы. И наоборот, отказ китайской стороны ввести в Договор этот принцип значительно усилил бы существующее в российском обществе недоверие к могучему соседу.

Весьма энергично развивается российско-китайское военное сотрудничество. В.В.Путин является его сторонником. Принимая в Москве в январе прошлого года в должности исполняющего обязанности президента министра обороны КНР Чи Хаотяня, он заявил о "безусловной приверженности" России всем договоренностям с Китаем в военной сфере. С того момента военное сотрудничество двух стран значительно продвинулось. Не вдаваясь в подробный

анализ этой темы (неоднократно затрагивавшейся на страницах журнала «Проблемы Дальнего Востока»), упомянем в качестве примера тот факт, что в конце прошлого года Россия построила для Китая второй эсминец, оснащенный новейшим вооружением, и впервые передала КНР самолеты, еще не поступавшие в отечественные ВВС.

Подъем экономического сотрудничества России и Китая до уровня политического назван в Концепции внешней политики РФ главной задачей во всем комплексе российско-китайских отношений. Для ее решения при президенте Путине были предприняты серьезные усилия, благодаря которым удалось, как считают эксперты, начать поворот к лучшему в двусторонней торговле, стагнирующей последние годы на уровне 5-6 млрд. долл. ежегодного оборота. В прошлом году объем двустороннего товарооборота превысил 7 млрд. долл.

Что еще более важно, стороны начали разработку большого набора проектов, предусматривающих участие России в освоении западных районов КНР, включая разработку нефтегазовых месторождений и строительство газопроводов; совместное строительство метро в нескольких китайских городах; расширение поставок промышленного оборудования гражданского назначения, производимого на российских военных заводах в порядке конверсии. Такого всплеска экономических начинаний и инициатив не было с 50-х гг.

Тем не менее расширение экономических связей по-прежнему сдерживается целым рядом фундаментальных обстоятельств, а именно:

- узость товарной структуры российского экспорта, сводящейся к энергоносителям, промышленному сырью и полуфабрикатам. Другие виды российской продукции не выдерживают конкуренции с товарами, производимыми западными странами или самим Китаем. Продажа вооружений и военной техники – единственного, что относится к наукоемким товарам – дает не так уж много: в среднем порядка 1 млрд. долл. в год. К тому же и эта область становится ареной конкуренции со стороны Франции, Великобритании и Израиля;

- снижение платежеспособного спроса населения на российском дальневосточном рынке в связи с экономическим кризисом и насыщением его более качественными товарами из Южной Кореи и Японии;

- отсутствие надежного и благоприятного климата для иностранных, в том числе китайских, инвестиций в России. Существует также мнение, что китайская сторона не поощряет вложение своих капиталов в российскую экономику, не будучи однозначно заинтересована в ее подъеме;

- отсутствие у российских бизнесменов свободного капитала для вложения его в совместные предприятия в Китае.

В свое время ориентир на рост объема товарооборота к началу XXI века до 20 млрд. долл. был объявлен с расчетом на поставку российского оборудования для гидроузла Санься. Но после того, как Россия проиграла тендер, эта цифра стала недостижимой. Теперь, по мнению экспертов, доминантой экономического сотрудничества двух стран должна стать энергетика¹⁸. В принципе крупномасштабное расширение экспорта в Китай энергоносителей из России вполне возможно. Однако в реальности значительное продвижение вперед экономической составляющей двусторонних отношений – дело не одного года, требующее крупных инвестиций обеих стран, и даже при самых благоприятных обстоятельствах она может остаться в стратегическом партнерстве отстающим звеном.

И все же, несмотря на наличие узких мест, реальная практика подтверждает: для китайской политики президента Путина характерна стабильность, предсказуемость. Эти принципы – последовательность, предсказуемость и прозрачность недвусмысленно декларируются в новой Концепции внешней политики РФ. Но если в отношениях с Западом тенденция к стабильности –

это, скорее, пожелание, стремление, проявляемое пока преимущественно одной, российской, стороной, то для российско-китайских отношений стабильность и предсказуемость, действительно, можно считать отличительной чертой политики как России, так и Китая.

Стабильность эта связана, как представляется, с несколькими группами обстоятельств субъективного и объективного плана. Во-первых, с тем, что Россия вслед за Китаем ценю чрезвычайно дорогостоящих проб и ошибок приблизилась к адекватному пониманию своих национальных интересов и возможностей на международной арене. Деятели, ответственные за формирование и реализацию российской внешнеполитической стратегии, мыслят прагматично, они решительно отказываются от иллюзий и мифов, идеализирующих или, наоборот, демонизирующих тот или иной мировой центр силы, будь то США, Китай или ЕС. Им не свойственны ни рецидивы "нового мышления", ни ностальгия по эпохе советско-китайской "вечной дружбы", ни ксенофобия антиимпериалистического или антикоммунистического толка. Как отмечают эксперты, "сейчас в стране имеется гораздо больший консенсус по вопросам внешней политики"¹⁹.

Во-вторых, стабильность российско-китайского партнерства продиктована фундаментальными потребностями сторон: потребностью в прочном длительном мире и потребностью в торгово-экономическом сотрудничестве друг с другом для решения стратегических задач догоняющего экономического (а для Китая – и военного) развития.

В-третьих, стабильность российско-китайского партнерства проистекает из кардинальных факторов, определяющих ситуацию в "большом треугольнике" США-Россия-Китай: экономическое и военное превосходство США, их гегемонистская политика на мировой арене, технологическая и инвестиционная зависимость России и Китая, переживающих период догоняющего развития, от постиндустриальных стран. Все это делает провозглашенные в Концепции «стабильность и предсказуемость» не просто декларативным тезисом, а действительным свойством современной модели российско-китайских отношений как в сфере двусторонних связей, так и в области международных проблем, в частности, в рамках "большого треугольника". По двусторонним вопросам модель предусматривает поступательное развитие сотрудничества, снятие, сглаживание или обход мешающих ему препятствий; на международной арене она направлена на противодействие гегемонизму, не приводящее, однако, к превращению партнерства в союз. Иной модель просто не может быть. Как уже отмечалось выше, для России неприемлемы ни интеграция в постиндустриальный мир на его условиях, ни глубокая изоляция от него, пусть даже при самых тесных отношениях с Китаем. Иными словами, избранная Москвой политика балансирования втиснута в достаточно жесткие пределы, и столь же узкими рамками ограничена "независимая и самостоятельная" внешняя политика Пекина, в положении которого на международной арене имеется существенное сходство с положением Москвы. Полем для крупных маневров не располагает ни одна, ни другая сторона.

Рассмотрим это обстоятельство несколько подробнее. Военно-политический союз России с Китаем нереален – это мнение разделяет сегодня большинство российских экспертов. Сошлемся в качестве примера на слова заместителя председателя Комитета по международным делам Госдумы К. Косачева: «Китай – великая держава, вероятно, сверхдержава в будущем – вряд ли заинтересован в антиамериканском альянсе с Россией. Пекин ведет собственную сложную игру, в которой учитываются и крепнущие экономические отношения с США, и сложные отношения с Японией и Индией, и многое дру-

гое. Китайские лидеры могут говорить о многополярности, угрозе американской гегемонии и т.д., но это лишь ходы в их игре, так что обольщаться не стоит»²⁰.

Ранее мы уже разбирали подробно аргументы, подтверждающие вывод о том, что ни Россия, ни Китай не согласятся взять на себя обязательства по обеспечению взаимной безопасности ни в форме официального, ни даже неофициального союза²¹. Вкратце эти аргументы сводятся к следующему: во-первых, Россия и Китай слишком нуждаются в западных инвестициях и технологиях, чтобы рисковать своими отношениями с обладателями этих благ, объединяясь друг с другом против США. Во-вторых, созданию такого союза мешают известные противоречия между Москвой и Пекином, проистекающие, в конечном счете, из слабости России перед лицом набирающего силу Китая.

Правда, новая американская администрация сделала отчетливую заявку на более жесткую политику в отношении КНР. Так, главный специалист по внешней политике в команде Дж. Буша-младшего К. Райс заявила: «Надо исходить из того, что Китай – великая держава с рядом неразрешенных проблем, затрагивающих ее жизненно важные интересы. При этом Китай не приемлет ведущей роли Соединенных Штатов Америки в АТР. Значит, КНР не стремится к поддержанию статус-кво, а, напротив, хочет изменить соотношение сил в Азии в свою пользу. Уже это одно заставляет считать Китай нашим стратегическим соперником, а не «стратегическим партнером», как его однажды называли в администрации Клинтон»²².

Такой поворот в позиции Вашингтона, естественно, должен был бы усилить тягу КНР к сближению с Россией. Однако история показывает, что смена команды у государственного руля сама по себе, в отсутствие крупных перемен в балансе сил, не ведет к серьезным сдвигам во внешней политике. Поэтому скорее всего китайская политика Буша будет отличаться от политики Клинтонна стилем, нюансами, некоторым варьированием пропорций между «вовлечением» и «сдерживанием», а не глубинным содержанием. Но даже если антикитайский компонент во внешнеполитической стратегии Буша заметно возрастет, это обстоятельство все равно не сможет перевесить факторы, удерживающие Китай от союза с Россией. Прецедент уже имеется: ухудшение российско-американских отношений, произошедшее после интервенции НАТО в Югославии, заставило Москву искать поддержку в Пекине, однако отнюдь не привело участников диалога в состояние готовности к заключению союза между собой.

С другой стороны, ни Москва, ни Пекин ни в коем случае не допустят охлаждения своих отношений, как бы ни хотели того прозападные деятели в одной или другой стране или политологи типа Бжезинского в США. Каждая из них связана с другой глубинными интересами, каждая ценит другую как надежный тыл в своих взаимоотношениях с Западом. Отказываться от этих политических и экономических выгод ни одной из них нет никакого резона. В частности, российские политики отмечают: «Исходя из общей логики политики Путина, трудно допустить, чтобы он принес свои отношения с Китаем и Индией в жертву налаживанию связей с Западом, даже если Запад будет на этом очень настаивать»²³. Представляется нереальным и китайско-американский альянс, направленный против России: слишком много фундаментальных противоречий разделяет Пекин и Вашингтон. Да, в прошлом году в американо-китайских отношениях был сделан важный шаг вперед, имеющий не только экономическое значение: КНР получила, наконец, от США статус «нормального торгового партнера». Однако от этого коренные расхождения между сторонами, в том числе те из них, которые проистекают из намерения Вашингтона «изменить Китай путем вовлечения его в глобальную экономику», не становятся меньше. Указанные расхождения, кстати сказать, нашли отра-

жение в самом тексте принятого конгрессом закона о нормальных торговых отношениях с КНР. Предусмотренное им постоянное слежение за соблюдением в Китае прав человека эксперты в Пекине расценили как вмешательство во внутренние дела страны. Они предупредили, также, что принимаемые Соединенными Штатами меры по ограничению импорта китайских товаров «выходят за пределы стандартов ВТО, а это в будущем может сыграть роль бикфордова шнура в китайско-американских противоречиях»²⁴

Именно в последнее время Китай ощутил на себе возросшее давление со стороны США, особенно в вопросах создания национальной и региональной систем ПРО, в связи с чем критическая направленность в анализе политики Вашингтона и китайско-американских отношений китайскими политологами заметно усилилась. Нелишне, наверное, привести для примера одну из таких оценок: «Китайско-американские отношения «конструктивного стратегического партнерства» – это лишь ожидание того, какими они станут в будущем, а не определение их состояния на сегодня. Это – плод субъективных потребностей, а не описание реальной действительности».²⁵

Российско-американское сближение еще менее реально, чем китайско-американское: именно Россия, с ее природными богатствами и слабой государственной властью, а не Китай является главным объектом экспансионистских устремлений США, охотно поддерживаемых в этом остальными странами НАТО.

Все это в совокупности позволяет сделать вывод, что российско-китайское партнерство надолго сохранится в том виде, в каком оно сформировалось сегодня, хотя усиление нажима со стороны Вашингтона приведет, вполне вероятно, к тому, что совместный протест партнеров будет звучать громче, а их взаимодействие в военной сфере расширится. При этом, однако, должно выполняться одно необходимое условие, а именно: Россия должна быть достаточно сильной. Если существующий сегодня разрыв между мощью России и Китая будет возрастать, нетрудно предположить, что возникнет кризис. Политологи в России осознают это: «Если нынешняя тенденция продолжится – Китай все больше будет усиливаться, а мы слабеет, то отношения могут начать осложняться. Трудно сказать, как поведет себя Китай, став сверхдержавой. Из истории мы знаем, что когда Китай был сильнее соседей, то он считал их и варварами, и вассалами. Не беремся утверждать, что в будущем Китай так же себя поведет. Но остерегаться такого поворота нужно»²⁶.

Прежде всего предполагаемые осложнения могут коснуться Сибири. Образовавшийся в Сибири экономический и демографический вакуум на фоне общего упадка российского могущества – большое место России, потенциальный вызов ее партнерским отношениям с великим соседом. Во время пребывания в Сибири в июле прошлого года В.В.Путин сделал красноречивое заявление: «Если в ближайшее время не предпримем реальных усилий по развитию Дальнего Востока, то русское население через несколько десятилетий будет в основном говорить на японском, китайском и корейском языках».²⁷

Решение этой задачи может уже сейчас стать одним из важных элементов внутренней политики страны. В частности, если говорить о военном строительстве, то в российских силовых ведомствах бытует мнение, что «поставки оружия Китаю должны «компенсироваться» превосходящими качественно и количественно поставками вооружений в расквартированные на российско-китайской границе части российской армии»²⁸. Что же касается внешней политики России, то с провозглашением ее «независимой и конструктивной», она в ближайшем будущем станет, по всей видимости, напоминать «независимую и самостоятельную» политику Китая: развитие отношений по всем азимутам, сотрудничество по максимуму, с кем и как только возможно, конфронтация только в случае крайней необходимости, движение к интегра-

ции, но постепенное, не в ущерб национальным интересам и, в частности, жизненному уровню населения. Это позволит России получить доступ, хотя и ограниченный, к западным сложным технологиям — такой доступ имеет Китай, имел его даже грозный идеологический враг Запада — Советский Союз. При этом сохраняется надежда, что недоступные технологии (стратегического назначения) Россия сумеет создать своими силами, опираясь на собственный научный потенциал. В дальнейшем интеграция приобретет новые масштабы, если удастся создать в стране крупный рынок и соответствующий климат, привлекательные для иностранных инвестиций. Партнерство с Китаем, бесспорно, должно быть одной из важнейших составляющих такой политики. Возникает, однако, вопрос: может ли взаимодействие с Китаем стать эффективным средством противостояния американской стратегии силового нажима и диктата?

По всей видимости, эффективность его в ключевой в этом отношении области — военной — может быть лишь достаточно скромной, и вот почему. Во-первых, средства, которые каждое из двух государств может выделить на военные цели, весьма невелики по сравнению с теми, которыми располагают США, не говоря уже о потенциале Запада в целом; во-вторых, между российским и китайским стратегическими партнерами нет такой степени близости и доверия, какая существует, скажем, между странами НАТО, и нет такой иерархии, которая в НАТО автоматически вытекает из очевидных различий в национальной мощи ее участников. А раз так, то кто же из двух партнеров согласится передать в руки другому право руководить строительством боевых систем, требующих огромных затрат, и тем более право принимать ответственные решения об использовании этих систем? Но отсюда следует, что такие системы не могут быть построены.

В первую очередь это относится к проблеме ПРО. На наш взгляд, расплывчатость формулировок в Совместном заявлении по ПРО, подписанном в июле 2000г. в Пекине, подтверждает вышеизложенное соображение. Стороны не нашли общего конкретного ответа на угрозы, вытекающие из американских планов создания новых систем ПРО. Их прямое сотрудничество может включать в себя обмен данными со станций слежения, возможно даже, строительство общих станций слежения, но это, наверное, предел.

Разумеется, взаимодействие сторон вполне может расширяться косвенно, так сказать, в товарной форме: Россия будет поставлять Китаю современные ракетно-космические технологии и использовать вырученные средства в целях укрепления собственной ракетной (или противоракетной) мощи. Однако те же факторы — проблема финансов (с китайской стороны) и проблема доверия (с российской) — накладывают серьезные ограничения и на этот вид сотрудничества.

Вследствие этого, в особенности из-за относительной слабости обоих стратегических партнеров, их стратегическое взаимодействие, по-видимому, не пугает США, и, что бы ни предпринималось, трудно допустить, чтобы Вашингтон отказался от реализации своих планов строительства ПРО. Наоборот, США были бы рады втянуть Россию и Китай в новую гонку вооружений, повторив эксперимент, столь успешно поставленный в свое время над СССР. «Курс США на испытание, создание и размещение НПРО не может измениться, хотя под давлением международной общественности, они, возможно, будут прибегать к обходным маневрам и даже замедлению темпов» — считают китайские эксперты.²⁹

Поэтому основной формой общих действий Москвы и Пекина против попыток Вашингтона добиться монопольного положения в мировом балансе сил останутся чисто политические акции: совместные декларации, координация позиций в международных организациях и т.п. Это касается и сферы ПРО, и

линии «гуманитарного вмешательства», и любой другой области. Степень реального сопротивления нажиму, оказываемому Западом, будет определяться силой сопротивления каждого из двух государств в отдельности. Только сохраняющийся у России военный потенциал помешал странам НАТО повторить в Чечне сценарий Косово, а там, в Косово, оказались бессильными самые решительные протесты России и Китая.

Итак, Россия и Китай ни порознь, ни вместе не в состоянии оказать сколько-нибудь существенное влияние на враждебную им стратегическую линию США. Тем не менее, при всех своих слабостях партнерство с Китаем остается для России крупнейшим достижением в международных делах. Оно ценно для России и само по себе, и потому, что позволяет ей в противостоянии с США избегать изоляции и иметь спокойный тыл. Балансирование между Западом и Востоком, предполагающее тесное взаимодействие с Китаем, является для России оптимальной стратегией. Не факт, что эта стратегия сыграет решающую роль в том, чтобы вывести Россию из тупика: в конце концов, будущее страны зависит от решения собственных проблем, прежде всего экономических. Однако лучшей политики у нее в запасе нет.

1. Новое время. 2000. № 29. С. 25.
2. Новое время. 2000. № 38. С. 30.
3. Международная жизнь. 2000. № 10. С. 71.
4. Гоцзи чжаньван. 2000. №11. С. 4.
5. См. напр.: Трофименко Г. Китайский вызов Америке и России. Китай в мировой и региональной политике. Институт Дальнего Востока РАН. М., 1999.
6. Международная жизнь. 2000. № 2. С. 33.
7. Новое время. 2000. № 29. С. 26.
8. Сегодня. 2000. 4 апреля.
9. Новое время. 2000. № 29. С. 22.
10. Яковлев А.Г. Международно-политические факторы развития стратегического взаимодействия России и Китая в XXI веке. Россия и Китай: перспективы партнерства в АТР в XXI в. Институт Дальнего Востока РАН. М., 2000.
11. Международная жизнь. 2000. № 6. С. 7.
12. Независимая газета. 2000. 11 июля.
13. Международная жизнь. 2000. № 2. С. 17.
14. ИТАР-ТАСС. 2000. 16 июля.
15. Независимая газета. 2000. 18 апреля.
16. Независимая газета. Дипкурьер № 10. 2000. 1 июня.
17. The New York Times. 2000. 18 July.
18. Каримов Р.А. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество – резервы стратегического взаимодействия. Россия и Китай: перспективы партнерства в АТР в XXI в. Институт Дальнего Востока РАН. М., 2000.
19. Международная жизнь. 2000. № 2. С. 7.
20. Международная жизнь. 2000. № 12. С. 23.
21. См.: Ларин А.Г. Американский фактор в российско-американском стратегическом партнерстве// ПДВ. 2000. № 6.
22. Независимая газета. 2000. 19 декабря.
23. Независимая газета. Дипкурьер № 10. 2000. 1 июня.
24. Сяньдай гоцзи гуаньси. 2000. № 10. С. 5.
25. Сяньдай гоцзи гуаньси. 2000. № 9. С. 2.
26. Сегодня. 2000. 18 июля.
27. Независимая газета. 2000. 21 июля.
28. Известия. 2000. 8 декабря.
29. Сяньдай гоцзи гуаньси. 2000. № 8. С. 17.

Россия — Вьетнам: от стратегического интереса к стратегическому партнерству

© 2001

А. Поляков, В. Климов

Официальная история российско-вьетнамских контактов насчитывает более полувека. За эти годы сложился уникальный комплекс сотрудничества, охватывающий все ключевые направления: политическое, торгово-экономическое, военно-техническое, культурно-образовательное и научно-техническое.

Развитие связей с Вьетнамом началось еще в 50-е гг., когда СССР, одним из первых признавший Демократическую Республику Вьетнам, стал оказывать ДРВ помощь в борьбе за независимость и объединение страны. Они не только приобрели всеобъемлющий характер в годы мирного строительства уже единой Социалистической Республики Вьетнам, но, пережив распад мировой социалистической системы, вышли на качественно новый уровень — стратегическое партнерство. Это выглядит впечатляюще на фоне практически полного свертывания Москвой сотрудничества с бывшими союзниками по соцлагерю и "третьему миру" и переориентации большинства из них на западные державы. Более того, после распада СССР и до недавнего времени в глазах значительной части россиян, во многом "благодаря" средствам массовой информации и поначалу пассивной позиции в правительственных кругах, Вьетнам рассматривался как один из бывших потребителей нашей помощи, взаимодействие с которым на современном этапе утратило актуальность и перспективность.

Заметное оживление в последние годы двусторонних контактов, развившееся, в первую очередь, в активизации визитов на высоком уровне, возродило в России значительный интерес к этой стране в Юго-Восточной Азии. В средствах массовой информации все чаще стали говорить и писать об экономических успехах СРВ, российско-вьетнамском сотрудничестве в области нефтегазодобычи, приносящем в российский бюджет ежегодно сотни миллионов долларов чистой прибыли. Крайне важным для дальнейших перспектив российско-вьетнамских связей стал недавний, первый за всю историю взаимотношений, официальный визит в Ханой главы российского государства, в ходе которого была подписана совместная Декларация о стратегическом партнерстве, отражающая обоюдную заинтересованность в наращивании многопланового взаимодействия и выведении его на новый уровень в соответствии с накопленным потенциалом.

Поляков Алексей Борисович, советник Второго департамента Азии МИД России, кандидат исторических наук.

Климов Владимир Борисович, третий секретарь Второго департамента Азии МИД России, аспирант Института стран Азии и Африки при МГУ имени М.В.Ломоносова.

Можно назвать несколько причин набирающего ход после некоторого перерыва сближения двух государств. Во-первых, за прошедшие пятьдесят лет была сформирована солидная, подкрепленная перспективными жизнеспособными проектами экономическая основа российско-вьетнамского взаимодействия, а построенные при советском и российском техсодействии объекты не только продемонстрировали свою эффективность, но во многом стали базой для развития ключевых промышленных и сельскохозяйственных отраслей СРВ, позволив успешно решать задачи социально-экономического развития. Во-вторых, в отличие от крупнейших держав, ведущих борьбу за укрепление своих позиций в регионе и самом Вьетнаме, относительно России здесь не существует каких-либо синдромов или предубеждений, связанных с историческим прошлым или подходом к решению международных и внутриполитических вопросов. В-третьих, значительная прослойка вьетнамского общества, включая и высшее руководство, получила образование в нашей стране и испытывает глубокие симпатии к ней. В-четвертых, сохраняются тесные связи в военно-технической сфере. Все это создает благоприятную почву как для продолжения доверительного политического диалога, так и для конструктивной работы по традиционным и новым направлениям взаимодействия.

В РОССИИ пробуждение интереса к Индокитаю относится к концу позапрошлого столетия, что в значительной мере было связано с осознанием военно-стратегического значения Вьетнама и других сопредельных стран в происходившей борьбе за передел мира. Именно в это время во вьетнамские военные порты Хайфон, Сайгон и бухту Камрань заходили русские военные эскадры, совершавшие походы в Тихом океане.

Сравнительно "позднее" внимание к этой стране можно объяснить тем, что Вьетнам долгое время находился вне сферы геополитических интересов России. Однако уже в XIX в., особенно после начавшегося французского проникновения в Индокитай, в российской печати стали довольно регулярно публиковаться отрывки из дневников путешественников, записки морских офицеров, статьи ученых о Вьетнаме¹.

В марте 1891 г. во Вьетнаме побывал будущий царь Николай II, совершавший девятимесячное кругосветное путешествие. Его описание содержалось в книге "Путешествие на Восток его Императорского Величества Государя Наследника Цесаревича. 1890-1891". Хотя в ней много было так называемой светской хроники, у читателей возникало определенное ощущение, что, помимо чисто развлекательной и познавательной, эта миссия преследовала и весьма конкретную политическую цель — определить место России в быстро меняющейся ситуации на Востоке.

В дальнейшем, после Октябрьской революции, при подготовке партийных кадров для коммунистических организаций зарубежного Востока десятки вьетнамцев обучались в советских учебных заведениях. В 20-30-е гг. Советский Союз неоднократно посещал будущий первый президент независимого Вьетнама Хо Ши Мин.

После провозглашения независимости 2 сентября 1945 г. Демократическая Республика Вьетнам была вынуждена отстаивать достигнутую свободу сначала в антиколониальной войне с Францией 1945-1954 гг., а затем в 1964-1973 гг. отражать агрессию со стороны США, пытавшихся навязать Вьетнаму свою модель развития. Победа в тяжелейшей 30-летней борьбе была одержана благодаря умелому сочетанию успехов в сражениях и усилий на политическом и дипломатическом фронтах, поддержке и помощи со стороны дружественных стран, в первую очередь Советского Союза.

Объединение страны в 1975 г. не только привело к образованию единого государства — Социалистической Республики Вьетнам (СРВ), но и заложило основу для последующего социально-экономического развития. С середины 70-х гг., когда Вьетнам приступил к восстановлению своей экономики, российско-вьетнамские отношения приобрели наиболее масштабный характер. Обе страны выступали с общих позиций на международной арене, осуществлялось тесное политическое взаимодействие, ежегодно возрастали объемы советской экономической помощи. СССР и страны-члены СЭВ в тот период были практически единственными донорами СРВ. Из Советского Союза сюда поступали жизненно необходимые товары, включая продовольствие, лекарства, машины и оборудование, нефтепродукты, сырье и т.д.

При техническом содействии СССР во Вьетнаме был создан солидный производственный потенциал — построено около 300 предприятий в различных отраслях народного хозяйства: горнодобывающей, машиностроительной, химической, пищевой промышленности, производстве строительных материалов, осуществлялась реконструкция основных морских портов, трансвьетнамской железной дороги и других транспортных объектов. Была заложена надежная топливно-энергетическая база: введены в действие тепло- и гидроэлектростанции общей мощностью более 3 тыс. МВт, в том числе крупнейшая в Юго-Восточной Азии ГЭС “Хоабинь” (1920 МВт). В настоящее время ими производится около 80% электроэнергии в стране. В рамках долгосрочных целевых программ закладывались крупные плантации по выращиванию кофе, чая, гевеи, кокосовой пальмы.

С 1951 г. в СССР началось обучение вьетнамских специалистов. В образовательных учреждениях СССР и России их подготовлено около 30 тыс., в том числе свыше 3 тыс. кандидатов и более 100 докторов наук. В СРВ при участии советских специалистов была создана система профессионально-технического обучения, около 83 тыс. рабочих прошли подготовку на наших предприятиях.

НАЧАЛО 90-х гг. стало временем серьезных испытаний для российско-вьетнамских отношений. Распад СССР, отказ Москвы от прежних идеологических основ партнерства, перемены во внешнеполитических приоритетах и переход экономики обеих стран на рыночные рельсы развития привели к свертыванию двустороннего сотрудничества по большинству направлений. В новых условиях требовалось создание качественно нового механизма взаимодействия, основывающегося на эффективной реализации и дальнейшем наращивании уже созданного потенциала.

Нельзя не признать, что переходный этап, несмотря на свою относительную краткость, был весьма непростым. Нелегко принимались решения на первых заседаниях начавшей в 1992 г. работу Российско-Вьетнамской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству (МПК). В ходе встреч с вьетнамцами чувствовалась их искренняя обида на Россию за столь резкое изменение отношения к партнеру, оказавшемуся брошенным, по их мнению, на произвол судьбы перед острыми экономическими и внешнеполитическими проблемами. Тем не менее уже тогда становилось все более очевидно, что российско-вьетнамские связи в отличие от других “братских связей” имеют неплохие перспективы: требовался лишь своего рода прорыв на высоком уровне, и этот прорыв вскоре произошел.

В 1994 г. в ходе посещения Москвы Премьер-министром Правительства СРВ Во Ван Киетом был подписан Договор об основах дружественных отношений между Россией и Вьетнамом, определяющий главные принципы двусторонних связей в новых условиях.

В 1997 г. состоялся первый за последние три десятка лет официальный визит в Ханой главы российского правительства², в рамках которого стороны

приняли Декларацию о содействии развитию торгово-экономического и научно-технического сотрудничества.

Пребывание в том же году во Вьетнаме делегации Государственной думы Федерального собрания во главе с Г.Н.Селезевым послужило важным стимулом для укрепления межпарламентских контактов.

В 1998 г. во время официального визита в Россию Президента СРВ Чан Дык Лыонга руководители двух государств подписали Совместную декларацию, в которой подтверждалось обоюдное стремление к активизации многоплановых двусторонних связей, приданию им черт стратегического партнерства.

Наконец в 2000 г. переговоры в Москве между вьетнамским Премьер-министром Фан Ван Кхаем и Председателем Правительства Российской Федерации М.М.Касьяновым позволили окончательно поставить точку в решении одной из ключевых проблем отношений двух стран — вопроса о долгах.

В ходе упомянутых визитов был также подписан ряд других важных документов, имеющих практическое значение для развития российско-вьетнамского сотрудничества по самому широкому спектру: в области нефтегазодобычи, в инвестиционной, торговой, правовой и научно-технической сферах, по линии межрегиональных связей.

Ярким свидетельством роста интереса России и Вьетнама друг к другу стали регулярные в последние несколько лет встречи на высоком уровне в рамках международных саммитов и форумов.

Значительную роль в переходе российско-вьетнамского партнерства на новый механизм взаимодействия сыграла продуктивная деятельность МПК, проведенной с 1992 по 2000 гг. 7 пленарных заседаний. Высокий ранг ее сопредседателей (вице-премьеров правительств) создал необходимые условия для надежного государственного контроля за выполнением достигнутых договоренностей, своевременного и эффективного решения текущих вопросов сотрудничества.

Стабильность межмидовских контактов, активная работа российских дипломатических учреждений в СРВ и вьетнамских в Российской Федерации во многом стали основой не только для координации и согласованности действий двух стран на международной арене, но и для продвижения идей партнерства по ряду перспективных направлений.

Отмечавшийся в прошлом году 50-летний юбилей установления двусторонних дипломатических отношений³ подвел своего рода итоги партнерства между Россией и Вьетнамом в XX веке: обе страны сумели несмотря на зигзаги и наслоения переходного периода не только успешно преодолеть вызовы и проблемы конца тысячелетия, но с уверенностью и оптимизмом встретить начало нового.

ДИНАМИЧНОЕ развитие СРВ в последние 15 лет стало одним из примеров сравнительно успешной реализации модели перехода от жестко централизованной к рыночной экономике с "социалистической ориентацией", т.е. активным внедрением элементов рынка при сохранении существующего политического строя и монополии государства на основные средства производства.

При этом, если у других стран региона, "азиатских тигров", в основе экономического бума лежала активная деятельность этнических китайцев (хуацяо), составляющих подавляющее большинство местной деловой элиты, и массивная поддержка извне, прежде всего со стороны США, то вьетнамцы, сохранившие социалистически ориентированную политическую систему, даже с учетом огромной роли внешних кредитов и иностранных инвестиций, решали поставленные задачи собственными силами, умело используя народнохозяйственный потенциал, созданный при помощи СССР, искусство дипломатии на международной арене, избирательно подходя к опыту других стран.

Идеологическая платформа преобразований, получившая название "политики обновления", была утверждена в 1986 г. на VI съезде Коммунистичес-

кой партии Вьетнама. В условиях сложной социально-экономической ситуации в стране, под влиянием реформ в КНР и начавшихся перемен в СССР и государствах Восточной Европы вьетнамское руководство, признав просчеты и ошибки, допущенные в ходе предпринимавшихся еще с конца 70-х гг. экспериментов в народном хозяйстве, выдвинуло единую стратегию развития, предусматривавшую осуществление трех программ: продовольственной, по производству товаров народного потребления и экспортной.

Основой выполнения намеченных планов стало признание многоукладности и поощрение деятельности несоциалистических секторов экономики, изменение приоритетов в структуре народного хозяйства, стимулирование подрядных отношений в агросфере, расширение элементов самостоятельности местных органов власти и предприятий в производственно-хозяйственной деятельности.

Нормализация отношений с международным финансовым сообществом и бывшими политическими противниками (в 1994 г. было снято американское эмбарго, в июле 2000 г. подписано торговое соглашение с США, а в ноябре 2000 г. состоялся визит в СРВ тогдашнего главы Белого дома Б.Клинтон), интеграция в региональные структуры (в 1995 г. — вступление в АСЕАН, в 1998 г. — в АТЭС), а также поощрение иностранного инвестирования открыли путь к активному развитию внешнеэкономических связей и внешнему финансированию проводимых преобразований. Так, к началу 2001 г. общая сумма зарегистрированных зарубежных капиталовложений в экономику СРВ достигла 36,3 млрд долларов.

Все это позволило Вьетнаму самортизировать для себя последствия распада социалистического блока, достичь одних из самых высоких в мире темпов прироста валового внутреннего продукта, стабильно поддерживая их в течение ряда лет (до 1998 г. — в среднем 9% в год), увеличить ВВП почти в два раза и утвердиться в качестве нового перспективного звена как региональной, так и мировой экономики.

Поступательный экономический рост и связанное с ним улучшение благосостояния значительной части населения стали главными стабилизирующими факторами общественной жизни. В свою очередь внутренняя стабильность обеспечила благоприятные условия для последовательного и контролируемого проведения рыночных преобразований.

Существенные изменения произошли в структуре ВВП: при остающемся преобладании сферы услуг заметно увеличился удельный вес промышленности (до 36,9% в 2000г.) и снизилась доля сельского хозяйства (до 25,5%).

В 2000 г. темпы прироста ВВП составили 6,8%, прирост промышленного производства по сравнению предыдущим годом — 15,7%, сельскохозяйственно — 4,9%. Стоимость экспорта возросла до 14,3 млрд долларов (рост — 24%), а импорта — до 15,2 млрд долларов (29,1%).

Несмотря на значительное снижение в первые годы после распада СССР масштабов сотрудничества с Россией, которую в сфере экономики, не говоря уже о сфере культуры и образования, существенно потеснили конкуренты из Японии, стран АСЕАН, Тайваня, Южной Кореи, Австралии, США и ЕС, развитие отношений с нашей страной по-прежнему продолжает рассматриваться в Ханое в качестве одного из приоритетов внешнеполитической стратегии — как в силу политических обстоятельств, так и с точки зрения эффективности делового партнерства.

У многих вьетнамцев сохранилось теплое отношение к России и ее представителям. Как уже говорилось выше, значительное число современных вьетнамских руководителей различного, в том числе и высшего, ранга являются выпускниками советских и российских вузов. В силу особенностей национального характера вьетнамцам присуще глубокое уважение к своим учителям и месту учебы, так что подавляющая часть этих выпускников испытывает нос-

тальгические чувства по отношению к России, искренне переживает в связи с происходящими в ней событиями. Достаточно сказать, что после трагедии с атомной подводной лодкой "Курск" сотни вьетнамцев не только обращались со словами глубокого сочувствия в российские дипломатические учреждения в СРВ, но и старались передать посильную материальную и финансовую помощь родственникам погибших моряков.

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ в общем комплексе российско-вьетнамского сотрудничества приоритетное место занимает взаимодействие в торгово-инвестиционной сфере. Это обусловлено традиционно тесными экономическими связями двух стран и их стремлением найти наилучшие формы взаимовыгодного сотрудничества, поскольку, как зачастую показывает опыт, предпочтительнее иметь дело с проверенным временем партнером.

Наиболее сильные позиции во Вьетнаме Россия сохранила, несмотря на растущую конкуренцию со стороны зарубежных компаний, в топливно-энергетическом комплексе. Основой инвестиционного сотрудничества здесь уже многие годы является совместное предприятие по разведке и добыче нефти и газа на континентальном шельфе юга СРВ "Вьетсовпетро"⁴, входящее по соотношению доходов и расходов в пятерку лучших нефтяных компаний мира. Его деятельность ежегодно приносит нашей стране порядка 500 млн. ам. долларов прибыли, так что "Вьетсовпетро" можно считать, пожалуй, наиболее эффективным проектом с российским участием за рубежом. Являясь своего рода флагманом вьетнамской нефтяной промышленности, в 2000 г. это СП добыло 12,6 млн. тонн нефти, что составляет 90% от общего объема производимого на здешних месторождениях "черного золота".

Три года назад, впервые с момента основания "Вьетсовпетро", Россия и Вьетнам вплотную подошли к новому, столь же масштабному двустороннему проекту по сотрудничеству в нефтегазовой отрасли. Созданное старыми партнерами — "Зарубежнефтью" и "Петровьетнамом" — СП "НПЗ "Вьетросс" приступило к строительству в центральновьетнамской провинции Куангнгай крупнейшего в ЮВА и первого в СРВ нефтеперерабатывающего завода (НПЗ-1) мощностью 6,5 млн.т перерабатываемой нефти в год. Общая стоимость этого проекта составляет 1,3 млрд. долларов при равновеликих долях участников. Ожидается, что после выхода на проектную мощность НПЗ-1 сможет удовлетворять порядка 70% потребностей Вьетнама в высококачественной нефтепродукции. При этом, что самое важное, сырьем завод будет обеспечивать именно СП "Вьетсовпетро".

С сооружением НПЗ-1 наше взаимодействие в нефтегазовой области приобретет комплексный характер, охватывая все виды работ: разведку, добычу, транспортировку и переработку углеводородного сырья.

Эпопея с созданием нефтеперерабатывающего завода во Вьетнаме началась более пяти лет назад. Еще до того, как "Зарубежнефть" и "Петровьетнам" подписали меморандум по вопросу о сотрудничестве в создании во Вьетнаме первого нефтеперерабатывающего завода, а затем и само соглашение об учреждении СП "Вьетросс", предполагалось, что строительство будет целиком финансироваться Вьетнамом. Такое решение было принято властями СРВ после длительных и безрезультатных переговоров с зарубежными партнерами.

Сначала от реализации проекта в 1995 г. отказалась французская компания "Тоталь", а затем международный консорциум из шести крупных нефтяных компаний США, Малайзии, Южной Кореи и Тайваня. В первом случае отказ был мотивирован решением правительства СРВ строить НПЗ-1 именно в этом районе, так как он расположен слишком далеко от самих нефтяных месторождений и от основных рынков сбыта нефтепродуктов. Во втором сами вьетнамцы признали неприемлемыми условия зарубежной стороны, поскольку

консорциум потребовал дополнительных финансовых и проектных уступок. Пытаясь таким образом оказать давление на вьетнамские власти, его участники полагали, что в конечном счете Ханой окажется в безвыходной ситуации и примет навязанные ему условия, что гарантировало бы большие налоговые и финансовые льготы. Эти ожидания не оправдались: вьетнамцы ответили жестким отказом и объявили о намерении самостоятельно соорудить завод, опираясь на льготные иностранные кредиты.

Столь твердую решимость вьетнамской стороны создать завод именно в провинции Куангнгай нельзя считать просто прихотью или делом принципа — принимая такое решение, власти СРВ исходили не из интересов одной отрасли, но ставили цель придать мощный импульс социально-экономическому развитию центральных районов страны в целом, для которых появление столь крупного предприятия означает создание тысяч новых рабочих мест и послужит своеобразным рычагом макроэкономического регулирования.

В отличие от зарубежных предпринимателей, Россия, имеющая неплохую сырьевую базу — СП “Вьетсовпетро”, учла позицию вьетнамской стороны по вопросу об НПЗ. Во время визита в Москву в 1998 г. президента СРВ Чан Дык Лыонга договоренности о создании первого НПЗ во Вьетнаме был придан статус межправительственного соглашения о сотрудничестве в области топливно-энергетического комплекса.

Значительные резервы для двустороннего взаимодействия существуют также в области электроэнергетики и угольной промышленности. Российские организации, в первую очередь, ГУП “ВО “Технопромэкспорт”, продолжают поставку оборудования, участвуют в тендерах по строительству новых перспективных энергообъектов. При содействии специалистов из России завершается создание новой крупной гидроэлектростанции “Яли” (720 МВт).

В целом без учета СП “Вьетсовпетро”, которое создано на основе межправительственного соглашения, подписанного до обнародования действующего Закона об иностранных инвестициях во Вьетнаме, Россия занимает 8-е место в списке стран-инвесторов в экономику СРВ с общим объемом капиталовложений более 1,6 млрд. долларов, в т.ч. по итогам 2001 г. — 3-е место (253 млн.долларов).

Располагая опытом эффективного сотрудничества в сфере ТЭК, Россия и Вьетнам имеют все возможности для его перенесения и на другие перспективные сферы, такие как агропромышленный комплекс (АПК), рыбное хозяйство, пищевая промышленность, судостроение и судоремонт, машиностроение, производство строительных материалов, строительство автомобильных и железных дорог и мостов.

Широкие возможности открываются для малого и среднего бизнеса обеих стран. Помимо проектов, связанных с нефтегазовой сферой, в СРВ работает 33 предприятия с российским инвестиционным участием и общим капиталом около 116 млн.долларов. Основные сферы их деятельности: морские транспортные перевозки, резино-техническая промышленность, добыча и переработка морепродуктов, экспортно-импортные операции.

Однако следует признать, что российские организации во многом работают здесь на свой страх и риск в условиях жесткой конкуренции с ведущими компаниями мира. Наши бизнесмены зачастую недооценивают специфику местных условий, недостаточно активно проводят маркетинг, слабо ориентируются в местном законодательстве. Упрощенный подход в отношениях с партнерами и иллюзия получения “легкой” прибыли нередко становятся причинами ошибок при оформлении учредительных документов, использовании кредитных средств, внесении своей доли в уставный капитал предприятий.

Примечательно, что российские торговые организации, как правило, стараются действовать на здешнем рынке самостоятельно, избегая контактов с

официальными российскими представительствами по вопросам подбора партнеров, подготовки и выполнения контрактов. За консультациями либо за содействием они обращаются лишь при возникновении спорных или конфликтных ситуаций. Недостаток информации, обычно скрываемой под предлогом "коммерческой тайны", не позволяет достаточно мотивированно ставить вопросы перед официальными организациями СРВ и снижает вероятность удовлетворения претензий.

Немаловажными факторами, влияющими на эффективность работы российских бизнесменов на здешнем рынке, остается слабая координация их деятельности, неконструктивная конкуренция между собой, завышение цен или демпинг, снижающие возможности победы в международных торгах. Вместе с тем притягательность вьетнамского рынка для российских предпринимательских структур не только не снижается, но и заметно возрастает. Это подтверждают заметно активизировавшиеся в последнее время контакты представителей деловых кругов двух стран, в частности на межрегиональном уровне. Все больше отечественных бизнесменов проявляет интерес к Вьетнаму, посещая его в рамках визитов высокопоставленных делегаций и деловых ассоциаций.

В настоящее время в России работают около 300 вьетнамских компаний. В производственной сфере действует пока лишь их малая часть, и основным полем деятельности является сфера услуг и экспортно-импортные операции: закупка и переправка во Вьетнам металлопроката, дорожно-строительной техники, автомашин, запчастей, удобрений, ГСМ и пр.; поставка в Россию вьетнамского ширпотреба, электроники, сельскохозяйственных и морепродуктов, а в последнее время также товаров из Китая, Индии, Польши, Турции, Сирии и других стран.

Ряд вьетнамских компаний, учрежденных в Москве, имеют разветвленную сеть своих филиалов и представительств в российских регионах, расширяют партнерские связи с компаниями стран СНГ, Балтии, Европы, Юго-Восточной Азии, Японии, Южной Кореи и США.

В то же время, по мнению вьетнамских предпринимателей, дальнейшее развитие их деловой активности в России тормозится высокими налоговыми барьерами, транспортными расходами, несовершенством системы взаиморасчетов и тендеров, трудностью работы с российскими партнерами.

Притягательность российского рынка для вьетнамцев обусловлена комплексом факторов — его емкостью, способностью "переваривать" весь спектр товаров — от самых дешевых, и не всегда качественных, до предметов роскоши; наличием прочно закрепившейся за последние десятилетия многочисленной вьетнамской диаспоры, хорошо ориентирующейся в хитросплетениях ситуации, разбирающейся в юридической и нормативной базе страны пребывания и быстро приспособившейся к постоянно меняющимся российским реалиям.

Многие вьетнамские предприниматели, заработавшие немалые деньги в России, активно вкладывают средства в реализацию проектов на территории СРВ. Кроме того, в последние годы резко возросло количество всевозможных хозяйственных объектов, по большей части в сфере услуг (гостиницы, рестораны, боулинги и пр.), хозяева которых — вьетнамцы, заработавшие деньги в России.

Несмотря на то, что переход в 1991 г. к расчетам во взаимной торговле в свободно конвертируемой валюте, распад Советского Союза и прекращение в СРВ госкредитования внешней торговли привели к резкому сокращению двустороннего товарооборота (в последнее время доля России во внешней торговле Вьетнама составляет около 3% в импорте и 1,5-2% в экспорте против 60-70% до 1991 г.), в конце 90-х гг. наметилась тенденция к его постепенному увеличению. В 2000 г. объем взаимной торговли составил 420 млн. долларов. В российском экспорте (270 млн. долларов) преобладают сырье, металл и удобрения: немалая часть товаров поставляется как через третьи страны, так и вьетнамски-

ми компаниями, действующими в России. Импорт из Вьетнама (150 млн. долларов) в основном формируется из товаров народного потребления и продовольствия.

Главными причинами, препятствующими более активному наращиванию товарооборота, являются несовершенная система взаимных расчетов, ограниченные финансовые возможности партнеров, большие транспортные расходы, высокие таможенные и налоговые барьеры.

Новые возможности для стимулирования двусторонней торговли и инвестиционной деятельности открывают решение проблемы задолженности Вьетнама России и потенциал межрегионального сотрудничества. Вьетнам до настоящего времени остается достаточно перспективным и емким рынком для российских товаров, в том числе: авиа- и автотехники, дорожно-строительного оборудования, тракторов и запчастей к ним, проката черных и цветных металлов, кабельной продукции, удобрений и др. Одновременно на российском рынке сохраняется спрос на такие вьетнамские товары, как продукция тропического земледелия, включая продовольствие, фрукты и овощи, специи, эфирные масла, натуральный каучук, готовая одежда, обувь, изделия кустарно-художественных промыслов.

По широкому спектру направлений развивается научно-техническое сотрудничество. Согласованы 24 приоритетные направления в сфере передачи технологий, по большинству из которых подписаны и реализуются контракты. При реализации некоторых проектов созданы предпосылки для организации совместных предприятий. Более десяти лет в СРВ действует Совместный Российско-Вьетнамский Тропический научно-исследовательский и технологический центр.

Для гуманитарного сотрудничества между двумя странами важно то, что восстановлено изучение и преподавание русского языка в СРВ. Межведомственным соглашением о сотрудничестве в области высшего образования предусмотрен квотный обмен студентами, аспирантами и стажерами. Прорабатывается вопрос о создании во Вьетнаме Международного регионального университета, основными учредителями которого выступят Россия и Вьетнам при возможном участии других стран Юго-Восточной Азии, а также ЮНЕСКО. Ведутся переговоры с вьетнамской стороной о создании Российского образовательного центра во Вьетнаме с целью подготовки специалистов для народного хозяйства СРВ по приоритетным специальностям и направлениям высшего профессионального образования, в том числе для объектов совместного сотрудничества.

Наметилось оживление российско-вьетнамских связей в области культуры. В 2000 г. в Москве по приглашению Минкультуры России находилась делегация во главе с министром культуры и информации СРВ, в ходе визита был подписан межведомственный Протокол о сотрудничестве на 2000-2002 гг., достигнута договоренность о проведении Дней культуры России в Ханое и Вьетнама в Москве.

Несмотря на общие для обеих стран финансовые трудности, в последнее время активизируются контакты между творческими организациями, научными и высшими учебными заведениями. Московским и Ханойским геологоразведочными институтами согласована программа совместных научных исследований, заключены договоры между институтами философии, Московским и Ханойским университетами.

В российских ВУЗах с начала 50-х гг. налажено преподавание вьетнамского языка. За прошедшие десятилетия были опубликованы десятки монографий, сотни статей в научной и популярной периодике, подготовлен большой отряд квалифицированных кадров. К началу 90-х гг. окончательно сформировались ведущие центры национального вьетнамоведения, которые представле-

ны прежде всего академическими и учебными институтами в Москве и Санкт-Петербурге. Несмотря на непростые условия существования, российское вьетнамоведение продолжает развиваться. Сегодня многие ученые из научных центров и городов России, а также зарубежные исследователи объединились вокруг созданного в ИСАА при МГУ Вьетнамоведческого центра, возглавляемого профессором Д.В.Деопиком.

НОВУЮ СТРАНИЦУ в отношениях между Россией и Вьетнамом открыл визит в Ханой Президента Российской Федерации В.В.Путина (28 февраля — 2 марта 2001 г.), который, что символично, пришелся на начало нового тысячелетия и состоялся тогда, когда российско-вьетнамское партнерство вышло на качественно новый уровень — уровень стратегического взаимодействия.

Главной целью визита было определение стратегических направлений российско-вьетнамского партнерства в XXI веке.

По словам главы российского государства, результаты его визита во Вьетнам и оказанный теплый прием превзошли все ожидания. Как сказал Президент России, прежний высокий уровень связей между Вьетнамом и СССР “не мог быть продиктован только идеологическими соображениями, за этим стоят долгосрочные интересы и было бы непрослительно глупо утратить тот уровень, который был достигнут”, российская и вьетнамская стороны “пришли к выводу, что наши отношения имеют не только сильные корни, но и хорошие перспективы, а результаты встреч послужат стимулом для их развития”⁵.

На итоговой пресс-конференции в Ханое В.В.Путин подчеркнул: “Мы обязаны поддерживать и развивать дальше наши отношения в новых условиях в соответствии с новыми международными реалиями. Выгода этого очевидна и для Вьетнама, и для России”⁶.

Необычайно теплый прием, оказанный российскому президенту связан не только с политико-стратегическими интересами, но и с весьма позитивной оценкой во Вьетнаме его деятельности на посту главы государства. Здесь искренне рады заметному улучшению внутренней ситуации в России за последний год, с пониманием относятся к действиям Москвы на Северном Кавказе, надеются, что наметившиеся тенденции подъема позволят не только упрочить позиции нашей страны на международной арене, но и послужат новым важным стимулом для расширения ее связей с Вьетнамом. Ярким свидетельством этому стала вылившаяся в демонстрацию самых теплых чувств встреча В.В.Путина с выпускниками советских и российских ВУЗов, когда переполненный до отказа Дворец культуры и дружбы в Ханое, построенный, кстати, при российском содействии, приветствовал Президента России бурными аплодисментами и лозунгами на русском языке. По сообщению ИТАР-ТАСС, “кортеж российского президента был встречен барабанным боем, тысячи рук тянулись в Владимиру Путину, звучали пожелания здоровья и просьбы об автографах”⁷.

Об особом отношении в Ханое к российскому Президенту говорит и тот факт, что он стал первым главой иностранного государства, награжденным Орденом Хо Ши Мина, одной из трех высших госнаград СРВ, а также неформальный способ общения, избранный при проведении встречи с генеральным секретарем Коммунистической партии Вьетнама, прошедшей в форме рабочего завтрака.

Главный политический итог визита — подписание Декларации о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам, в которой реально отражены ключевые аспекты российско-вьетнамского взаимодействия на перспективу как в двустороннем, так и многостороннем формате. В документе говорится: “Главы двух государств, рассмотрев весь комплекс вопросов, касающихся российско-вьетнамских отношений, с удовлетворением отмечают, что их характер полностью соответствует

коренным интересам народов двух стран. На протяжении более чем 50 лет, прошедших со дня установления дипломатических отношений, традиционные узы дружбы и сотрудничества между Россией и Вьетнамом способствовали развитию и процветанию двух стран, служили делу мира, стабильности и сотрудничества в регионе и во всем мире. Россия и Вьетнам подтверждают решимость укреплять и развивать традиционную дружбу и разностороннее сотрудничество в XXI веке в духе установившегося между двумя странами стратегического партнерства⁸.

Действие другого важного документа, подписанного в ходе визита, — Межправительственного протокола об инвентаризации договорно-правовой базы и действии двусторонних договоров — направлено на совершенствование юридической базы российско-вьетнамских отношений на новом этапе. В нем учтены все договора и соглашения, заключенные между двумя государствами в период с 1955 по 1991 гг.⁹

Помимо этого представители заинтересованных организаций и ведомств поставили подписи под другими документами, предполагающими расширение зоны деятельности СП «Вьетсовпетро», сотрудничество в области стандартизации, предупреждения и ликвидации последствий стихийных бедствий, в банковской сфере.

Отметив ключевую роль нефтегазовой сферы в двустороннем деловом партнерстве, президенты двух стран определили в качестве наиболее перспективных направлений экономического взаимодействия электроэнергетику, агропромышленный комплекс, рыбное хозяйство, легкую, химическую, фармацевтическую и пищевую промышленность, судостроение и судоремонт, машиностроение, транспорт и связь, строительство и производство строительных материалов, туризм.

Стороны подчеркнули необходимость более активного поиска путей стимулирования взаимного товарооборота и доведения его до уровня, соответствующего имеющемуся потенциалу, отметили важность государственной поддержки среднего и малого бизнеса, широкого использования передовых технологий, всемерного поощрения связей между субъектами Российской Федерации и провинциями СРВ.

При обсуждении международной проблематики В.В.Путин и Чан Дык Льюнг подтвердили близость позиций России и Вьетнама по вопросам безопасности и многополярного мироустройства, разоружения, борьбы с терроризмом, защиты государственного суверенитета и территориальной целостности. СРВ высоко оценивает вклад России в дело укрепления стабильности в АТР и во всем мире, разделяет озабоченность в отношении планов США по созданию национальной ПРО и системы ПРО ТВД в Северо-Восточной Азии, выражает готовность к дальнейшему укреплению взаимодействия в рамках международных организаций и форумов.

ПОЗИТИВНЫЕ СДВИГИ в отношениях между Москвой и Ханоем в последние годы подтвердили растущую обоюдную заинтересованность двух стран в наращивании многопланового сотрудничества. Принимая во внимание неуклонное повышение роли динамично развивающегося Вьетнама в региональных делах, близость подходов наших государств по ключевым международным проблемам, наличие во вьетнамском обществе значительной прослойки, симпатизирующей России и активно выступающей за развитие двустороннего сотрудничества, значительный резерв взаимодействия в торгово-инвестиционной и военно-технической областях, российско-вьетнамское стратегическое партнерство, имеет реальную долгосрочную перспективу, способствуя существенному укреплению позиций нашей страны в АТР.

Необходимо отметить, что в нынешних условиях, когда присутствие третьих стран во Вьетнаме становится все ощутимее, России, по-прежнему находящейся в непростой финансово-экономической ситуации, будет сложно вернуть во многом утраченные позиции. Пройдут годы, и нынешнее поколение вьетнамцев, хорошо помнящее о годах тесной дружбы и сотрудничества, уступит свое место более молодому, представители которого растут в иных условиях. В дальнейшем многое зависит от государственной политики России, при этом не только в политико-экономической, но и культурно-образовательной сфере. В то же время объективная логика стратегического партнерства, лежащего в основе двусторонних связей, позволяет с оптимизмом смотреть в будущее российско-вьетнамских отношений.

1. Первая публикация в России о Вьетнаме появилась в 1783 г., когда в Московской университетской типографии Новикова вышел VI том перевода с французского издания аббата Франсуа Прево "История странствий вообще", в котором было помещено описание королевства Тонкин.
2. Последний визит подобного уровня состоялся в 1969 г., когда Ханой посетила партийно-правительственная делегация СССР во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А.Н.Косыгиным, прибывшая на похороны Президента ДРВ Хо Ши Мина.
3. Дипломатические отношения между СССР и ДРВ были установлены 30 января 1950 г.
4. Крупнейшее совместное российско-вьетнамское предприятие (СП) "Вьетсовпетро" учреждено межправительственным соглашением о сотрудничестве в геологической разведке и добыче нефти и газа на континентальном шельфе юга СРВ от 19 июня 1981 г. (срок действия - по 2010 г.) Российский участник - РВО "Зарубежнефть", вьетнамский - Государственная компания нефти и газа "Петровьетнам". Предприятие расположено в г. Вунгтау на юге СРВ, имеет мощности для сборки морских стационарных платформ, базу технологического флота, геофизическую базу, ремонтно-механические мастерские и другие вспомогательные службы. Уставный фонд СП - 1,5 млрд. долл. США, сформирован на паритетных началах. Разрабатываются два месторождения ("Белый тигр" и "Дракон"), возобновлена деятельность СП на месторождении "Дайхунг". С июня 1986 г. по настоящее время добыто свыше 90 млн. тонн нефти.
5. ИТАР-ТАСС. 2001. 1 марта.
6. Там же.
7. ИТАР-ТАСС. 2001. 2 марта.
8. Проблемы Дальнего Востока. 2001. №2. С. 10.
9. С 1992 г. Министерства иностранных дел России и Вьетнама вели работу по инвентаризации договорно-правовой базы двусторонних отношений, включающей более 70 договоров, соглашений и протоколов, подписанных с 1955 г. по 1991 г. Параллельно с этим в период с 1991 г. по 2001 г. между Россией и Вьетнамом было заключено около 30 межправительственных документов.

Япония и американский план создания ПРО ТВД в Северо-Восточной Азии

© 2001

В. Павлятенко

Развитие военно-политической обстановки (ВПО) в Северо-Восточной Азии во многом является отражением современных тенденций в формировании ВПО на глобальном уровне в целом.

Одной из таких тенденций являются попытки США подорвать важнейшую основу стратегической стабильности в мире – Договор по ПРО 1972 г. Приняв в июне 1999 г. закон о развертывании национальной ПРО (НПРО) на территории страны и возведя, таким образом, стремление к созданию НПРО в ранг государственной политики, США тем самым предприняли первые конкретные действия по подрыву основы всей системы международных соглашений в области контроля над вооружениями.

В рамках разработки планов создания НПРО, США, начиная с 1993 г., последовательно оказывают давление на Японию с целью привлечь ее потенциал (технологический и финансовый) для создания подструктуры НПРО – противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД) в Северо-Восточной Азии. На сегодняшний день после заключения в 1999 г. соответствующего соглашения США и Япония начали осуществление совместной программы исследований в области создания ПРО ТВД морского базирования. Тем самым США совместно со своим союзником приступили к практической реализации подготовительной работы по развертыванию составного элемента НПРО в СВА в непосредственной близости от территории России.

Весте с тем фактом является то, что согласие Японии подключиться к созданию ПРО ТВД морского базирования носит паллиативный характер в силу отсутствия национального консенсуса в отношении полномасштабного участия в развертывании подобной региональной системы. Данное обстоятельство обусловлено целым рядом факторов внутреннего и внешнего характера, которые оказывают и будут в близкой перспективе оказывать решающее влияние на окончательную позицию Японии в вопросе об участии в развертывании ПРО ТВД морского базирования в СВА.

К вопросу о месте и роли Японии в планах создания совместно с США ПРО ТВД в СВА

Сотрудничество Японии с США в вопросах противоракетной обороны, по сути, берет свое начало с 1987 г., когда обе страны подписали «Соглашение об участии Японии в исследованиях проблем стратегической оборонной инициативы».¹ В практическом плане соглашение в силу известных причин осталось на бумаге, однако тем самым был создан прецедент подключения Японии

Павлятенко Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Японии.

к реализации стратегических планов, направленных на военное доминирование США на глобальном уровне.

Реанимация Вашингтоном СОИ уже в виде НПРО и ее составной части – противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД), стали качественно новым этапом японо-американского сотрудничества в военной сфере. В сентябре 1993 г. между Японией и США было достигнуто соглашение о выработке совместной политики в отношении разработки ПРО. Практическая работа по реализации соглашения была поручена подкомитету двустороннего Объединенного комитета по безопасности (SSC – Security Sub-committee). В соответствии с этим решением, в декабре 1993 г. формируется двусторонняя рабочая группа ПРО ТВД (Theater Missile Defense Working Group – TMD WG). За прошедший с тех пор период времени было проведено 12 заседаний этой группы, на которых состоялся обмен мнениями в отношении исследуемой проблемы. На этих же встречах американская сторона довела до сведения японского партнера свое видение путей и форм создания системы ПРО ТВД в регионе.²

В сентябре 1994 г. на двустороннем уровне было принято решение о том, что началу процесса совместных исследований должен предшествовать этап накопления японской стороной необходимых для принятия решений материалов – собранных самостоятельно и предоставленных США. Начиная с января 1995 г., стороны приступили к совместным исследованиям, концентрируя усилия на таких вопросах как характеристики баллистических ракет, технологическая и техническая осуществимость проекта и др.

Японская сторона в целом и руководство Управления национальной обороны (УНО) Японии в частности достаточно осторожно отнеслись к проекту создания системы ПРО ТВД. Следует подчеркнуть, что такая осторожность была обусловлена не столько политическими факторами, сколько факторами технического и технологического характера. Для принятия какого-либо решения в отношении участия в ПРО ТВД руководство вооруженных сил Японии стремилось в первую очередь выяснить не только сам факт осуществимости данного проекта, но и собственные возможности полноправного участия. С этой целью между УНО и Пентагоном был подписан протокол о «Всестороннем исследовании будущей системы противовоздушной обороны Японии», на реализацию которого с 1995 финансового года по 1998 финансовый год УНО выделило 560 млн. иен (около 5,5 млн. долл.). Результаты этих исследований, по мнению представителей японского военного истеблишмента, показали наличие не только технических возможностей создания такой системы, но и технологической способности Японии принять участие в этом проекте, хотя изучение японской стороной вопроса о технической реализуемости проекта продолжается и по сегодняшний день.³

На основании результатов исследования в рамках вышеуказанного протокола о «Всестороннем исследовании будущей системы противовоздушной обороны Японии» на заседании Консультативного совета по безопасности (КСБ -Security Consultative Committee – SSC)⁴ 20 сентября 1998 г. его участники вновь подтвердили готовность своих стран к продолжению совместных исследований. На последовавшей после заседания КСБ встрече министров обороны двух стран, начальник УНО заявил, что японская сторона, исходя из положительных результатов предшествующих совместных исследований, приступает к собственным разработкам и считает возможным техническое сотрудничество в рамках противоракетной системы театра военных действий морского базирования (Navy Theatre Missile Defense – NTMD).

На заседании Совета безопасности Японии 23 октября 1998 г. представитель УНО проинформировал членов Совета о состоянии дел в рамках совместных с США исследований по ПРО ТВД и о работе по согласованию внутри

японского кабинета министров по вопросу о включении дополнительных средств в военный бюджет 1999 ф.г. Следует подчеркнуть, что в самом кабинете министров Японии не было и до сих пор нет всестороннего согласия в отношении участия Японии в американском проекте. Именно по этой причине выработке единой позиции и принятию проекта бюджета на 1999 ф.г. 18 декабря 1998 г. было посвящено специальное заседание кабинета министров. Спустя неделю Совет безопасности Японии одобрил программу совместных исследований по ПРО ТВД морского базирования, а правительство обнародовало свою позицию в «Заявлении Генерального секретаря кабинета министров в отношении совместных технологических исследований проблем противоракетной обороны».⁵ В этом заявлении отмечалось следующее:

1. правительство Японии приняло решение совместно с Соединенными Штатами продолжить в 1999 г. технические исследования проблем создания ПРО ТВД морского базирования;

2. правительство признает важность для национальной обороны ПРО ТВД, «как исключительно оборонительной меры»;

3. правительство считает, что такое американо-японское сотрудничество будет «важным вкладом в углубление доверия в рамках двусторонних соглашений по безопасности» и др.⁶

Согласие официального Токио принять участие в исследовательских программах в рамках проекта ПРО ТВД морского базирования стало возможным в результате отсутствия широкого общественного протеста против создания ПРО ТВД в Японии. По мнению японских аналитиков, этот факт был обусловлен тем, что в период с 1995 по 1998 гг. «японцы испытали тройной шок относительно своей безопасности».⁷ Первый – ракетные пуски КНР в акваторию Тайваня (боеголовки ракет класса DF-15 не имели боезарядов). Этот факт заставил японцев усомниться в реальности провозглашенной Пекином политики не использования ракетно-ядерного оружия первыми.⁸ Второй – запуск КНДР в августе 1998 г. баллистической ракеты «Тэпходон-1», что свидетельствовало о недооценке Японией и США способности и возможностей Пхеньяна производить многоступенчатые ракеты.⁹ Третий – ядерные испытания Индии и Пакистана в 1998 г. и отказ осенью 1999 г. Сената США ратифицировать договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДНЯО). Последнее послужило для многих японцев доказательством того, что США не желают следовать союзническим обязательствам в области нераспространения и беспокоятся «лишь о собственной безопасности».¹⁰

«Обусловленность» программы

Главный аргумент официального Токио в обосновании подключения Японии к исследованию технических аспектов создания ПРО – «активизация на современном этапе процессов распространения оружия массового поражения (ОМП) и средств его доставки, включая баллистические ракеты, а также материалов и технологий, необходимых для их создания».¹¹ Такой подход основывается на реально существующей тенденции смещения акцента в вооружении развитых стран Запада и развивающихся стран Ближнего Востока и Восточной Азии в сторону нестратегических ракетных технологий.

Анализ разносторонних аспектов национальной дискуссии позволяет выделить три основных направления, в рамках которых Япония будет предпринимать шаги для обеспечения собственной безопасности от ракетной угрозы: а) *дипломатическое направление, включающее активное участие в переговорах по контролю над вооружениями и разоружением*; б) *сохранение и обеспечение гарантий сдерживания со стороны США*; в) *создание противоракетной обороны*. Эти направления не являются самостоя-

точными, что, по мнению ряда японских военных экспертов, обязывает Японию рассматривать их как дополняющие друг друга.¹²

Дипломатическое направление. В своей дипломатической деятельности по обеспечению противоракетной обороны Япония исходит из того, что за исключением наличия международного Режимы контроля за ракетными технологиями (РКРТ), отсутствуют действенные международные договоры, обеспечивающие ограничение распространения технологий создания баллистических ракет (БР).¹³ Этим обстоятельством мотивируется активная роль Японии на международной арене по выдвиганию и реализации инициатив, связанных с запрещением испытаний ядерного оружия, сокращением имеющихся ядерных потенциалов, вплоть до их полного уничтожения, распространением ракетно-ядерных технологий и др.¹⁴

Сохранение гарантий США. Сохранение и обеспечение гарантий сдерживания со стороны США – важный фактор в стратегии Японии по обеспечению противоракетной обороны, поскольку Япония не имеет собственного потенциала сдерживания. При определенном толковании права Японии на самооборону можно обосновать и ее теоретическое право на ликвидацию ракетного потенциала противника на его территории имеющимися национальными средствами. Однако таких средств у Японии нет. Поэтому, «у Японии нет другого выбора, кроме как полагаться на сдерживание, которое обеспечивают США».¹⁵

Однако, существует множество факторов, которые обуславливают самоограничение США в отношении использования средств сдерживания для обеспечения безопасности Японии. В частности, США обязались не использовать ядерное оружие против неядерного государства, признающего режим Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и не состоящего в союзе с другим ядерным государством. Кроме того, США, выступающие гарантом нераспространения ядерного оружия, формально не могут использовать свой ядерный потенциал против неядерных стран. Эти и другие факторы, по мнению экспертов Национального института оборонных исследований УНО Японии (НИОИ), свидетельствуют о том, что «надежность сдерживания на основе угрозы возмездия весьма ограничена».¹⁶

Более эффективным средством сдерживания, по мнению японских специалистов, может стать высокоточное оружие. Однако, разные государства по-разному оценивают разрушительные последствия применения высокоточного оружия и их опасения лежат в другой плоскости, чем та, на которую рассчитывает американская сторона. Это реально существующее обстоятельство дает основание считать, что даже высокоточное оружие США не может считаться достаточно эффективным оружием сдерживания, поскольку оно не адекватно оценивается потенциальным противником.

Создание противоракетной обороны. На фоне всех «плюсов» и «минусов» второго направления по обеспечению противоракетной обороны Японии, японские эксперты рассматривают создание собственной или совместной с США ПРО ТВД в качестве реальной меры решения данной проблемы. Несмотря на заявления многих специалистов о том, что эта мера будет применена в случае, если собственные дипломатические шаги Японии и гарантии США будут недостаточно эффективными, представляется, что они являются не более, чем ширмой. Создание Японией ПРО ТВД в любом виде – это не столько «противоракетный щит», сколько практический шаг в направлении разработки и реализации военной доктрины современной Японии, о которой мечтают многие представители политических и военных кругов.

На сегодняшний день существующая система ПВО страны не в состоянии обеспечить соответствующую оборону против БР. На вооружении ПВО сил самообороны состоит 30 пусковых установок зенитно-ракетного комплекса (ЗРК)

«Пэтриот» РАС-2 американского производства, возможности которого по перехвату БР весьма ограничены.

Предлагаемая Соединенными Штатами Японии система ПРО ТВД состоит из двух компонентов – противоракетной системы наземного базирования и противоракетной системы морского базирования.

Противоракетная система наземного базирования включает в себя подсистему заатмосферной обороны ТВД, способной гарантировать поражение нестратегических БР и гиперзвуковых крылатых ракет (ЗРК «Пэтриот» РАС-3, противоракетный комплекс «ТНААД», система «Эрроу-2» американско-израильской разработки).

Противоракетная система морского базирования включает в себя подсистему ПРО расширенного морского (океанского) ТВД с применением корабельного ЗРК «Иджис» заатмосферного перехвата и подсистему ПРО морского (океанского) театра военных действий (ТВД) для перехвата БР на малых высотах (модернизированные комплексы ЗРК «Иджис», уже принятые на вооружение). После 5-летних исследований в 1998 г. японская сторона дала свое согласие и приступила к совместному с США практическому исследованию ПРО расширенного морского (океанского) ТВД. По оценке некоторых японских военных аналитиков, выбор в пользу ПРО ТВД морского базирования не был обусловлен какими-то стратегическими расчетами, а имел другую основу. На фоне достаточно сдержанной позиции ВВС Японии в отношении ПРО ТВД, командование ВМС проявило завидную активность, базируясь на факте наличия отдельных элементов системы в составе ВМС.¹⁷ Кроме того, в этом решении «чувствовалась рука ВМС США», которые были заинтересованы в поддержке собственных программ развития ВМС. Не последнюю роль в окончательном принятии решения играл и ВПК Японии, который тоже был заинтересован в загрузке судостроительной промышленности заказами на строительство новой партии эсминцев.¹⁸

Принятие японской стороной политического решения в отношении участия в программе ПРО ТВД было осуществлено в сложных условиях формирования военно-политической обстановки (ВПО) в Северо-Восточной Азии, где после окончания активной фазы холодной войны весьма важным оставался и продолжает оставаться вопрос о балансе сил между США, КНР, Россией и Японией. Как считают эксперты НИОИ, принятие Японией данного решения было обусловлено убежденностью в том, что американско-японское соглашение по ПРО ТВД морского базирования не нарушает Договор по ПРО 1972 г., не подрывает процесс сокращения стратегических вооружений России и США, усиливает режим нераспространения ракетных технологий и уменьшает политическое и военное значение БР в целом.¹⁹

Кроме того, японские военные эксперты считают, что хотя система ПРО ТВД способствует укреплению оборонного потенциала Японии, она носит исключительно оборонительный характер и не направлена против региональных государств. Помимо этого, развертывание Японией системы ПРО ТВД, по мнению японской стороны, должно рассматриваться региональными странами как гарантия отказа Японии от разработки собственного ядерного оружия, что само по себе могло бы представлять угрозу стратегической стабильности в регионе и имело бы обратный эффект для безопасности Японии.²⁰

В отсутствие региональной системы безопасности, неразвитости системы мер доверия и т.п., японская сторона признает наличие целого ряда проблем, которые отражают обеспокоенность региональных стран в отношении воздействия фактора участия Японии в создании ПРО ТВД на региональную стабильность и безопасность каждого отдельного государства. Признавая этот факт, японские эксперты, тем не менее, считают, что преимущества системы ПРО ТВД для безопасности Японии перевешивают негативные политические

последствия создания данной системы. Преимущества наличия системы ПРО ТВД для Японии представляются следующими:

1. система позволит Японии прикрыть национальную территорию от ударов БР в ядерном, химическом и биологическом оснащении. Сочетание этой системы с американским потенциалом сдерживания значительно «снизит побудительные мотивы агрессии против Японии»;

2. система позволит Японии «избежать рисков шантажа угрозой применения БР, оснащенных ОМП»;

3. система «увеличит готовность Японии противодействовать потенциальной угрозе несанкционированных или ошибочных пусков МБР, вероятность которых по мере распространения ракетных технологий, становится все более высокой»; эта система станет единственной гарантией противоракетной безопасности Японии в случае снижения эффективности американского сдерживания;

4. система «повысит уровень противовоздушного и противоракетного прикрытия дислоцированных на территории Японии американских вооруженных сил и будет способствовать повышению оперативной эффективности японо-американской системы безопасности»;

5. создание такой системы будет способствовать активизации международного сотрудничества в целом в создании системы раннего предупреждения. Такое сотрудничество, в свою очередь, станет средством улучшения «политических отношений среди стран Северо-Восточной Азии» и поможет ослабить возможность перерастания имеющихся «трений» в региональный конфликт.²¹

Технические параметры ПРО ТВД морского базирования

Программа создания системы ПРО ТВД морского базирования первоначально была рассчитана на 5-6 лет с вводом в строй к 2003 – 2004 г. Японская сторона дала согласие на свое участие в исследовательском цикле в пределах 5 лет. Именно в этот период, по расчетам японской стороны, можно будет разработать основные технические средства ПРО ТВД. Что же касается второго этапа – создания опытных образцов, их испытания и «введения в строй», то Токио оставил за собой право принять решение позже, на основе практических результатов первого этапа.²²

Согласно двусторонней договоренности областями совместных исследований станут: система инфракрасного обнаружения и наведения, обтекатель головной части ракеты-перехватчика, кинетическая боеголовка, двигатель второй ступени ракеты.²³

В рамках ПРО ТВД морского базирования предполагается использовать и элементы ПВО, которые уже сегодня состоят на вооружении японских сил самообороны. Речь идет об использовании усовершенствованной автоматизированной системы ПВО на основе ЗРК «Иджис», которой уже оснащены ВМС Японии. В настоящее время в составе ВМС Японии 4 эсминца – «Конго», «Кирусима», «Миоко» и «Тёкай» – оснащены такой системой, которая может одновременно сопровождать и осуществлять поражение до десяти целей. Технические параметры этой системы в настоящее время не позволяют эффективно перехватывать баллистические ракеты с низкой и заатмосферной траекторией. Однако в соответствии с новым среднесрочным планом строительства сил самообороны Японии на 2001-2005 гг. предусмотрено финансирование закупок противоракетных систем, способных поражать баллистические ракеты с низкой траекторией. Речь, в частности, идет о закупке в США двух модернизированных ЗРК «Иджис». По оценке специалистов, тем самым дается старт начальному этапу практической реализации планов ПРО ТВД морского бази-

рования. В частности, в качестве перехватчиков предположительно будут использоваться противоракеты SM-3 или S-2 Block-4, системы вертикального запуска МК-41 и легкие заатмосферные снаряды (LEAP – Lightweight Exo-Atmospheric Projectile).²⁴ Дальность полета ракеты-перехватчика будет составлять 2500 км. при стартовой скорости 4,5 км./сек.²⁵

Предполагается, что основную нагрузку в исследовательских программах возьмет на себя консорциум корпораций ВПК страны. В состав консорциума входят: корпорация «Мицубиси» (Mitsubishi Heavy Industries Ltd) – главный подрядчик, корпорация «Тосиба» (Toshiba Corp.), корпорация «Кавасаки» (Kawasaki Heavy Industries Ltd.), корпорация «Фудзицу» (Fujitsu Ltd.), корпорация «Ниссан» (Nissan Motors Co. Ltd). В 1999 г. УНО объявило корпорацию «Мицубиси» в качестве главного подрядчика, который будет отвечать за разработку систем инфракрасного наведения и других. «Мицубиси» также станет главным поставщиком американских компонентов для японских разведывательных спутников. Стоимость контракта оценивается в 120-130 млн. долл.²⁶ Согласно предварительным планам, «Мицубиси Электрик» и «Тосиба» будет поручена разработка системы инфракрасного обнаружения и слежения, а концерн «Ниссан Моторс» займется разработкой ракетного двигателя второй ступени. Все эти разработки будут проводиться в интересах создания ПРО ТВД морского базирования и для совершенствования ЗРК «Иджис».

Финансирование исследовательских программ

Согласно расчетам американских экспертов, затраты на исследования и разработки в рамках НПРО в 2000 – 2005 гг. могут составить 20 млрд. долл. (в ценах 2000 г.).²⁷ При этом отмечается, что в случае, если к концу 2005 г. расходы увеличатся на 50%, что является естественным явлением для программ разработки высокотехнологичных вооружений, то эти показатели будут «вполне сопоставимы с программами Пентагона по разработке новых поколений истребителей, подводных лодок и эсминцев, каждая из которых будет стоить нескольких десятков миллиардов долларов».²⁸

При обсуждении в 1994 г. в рамках двусторонней рабочей группы по ПРО ТВД условий участия Японии в проекте, американская сторона планировала, что финансовая доля партнера в проведении исследовательских работ и размещении всей системы в 2004-2005 гг. составит от 4,5 до 16,3 млрд. долл.²⁹ После подписания официального соглашения об участии Японии в проведении исследовательских работ в рамках проекта ПРО ТВД морского базирования в японских средствах массовой информации стала циркулировать цифра 30 млрд. долл. – в такую стоимость японские эксперты стали оценивать «японскую долю» в проекте.

Вместе с тем, согласно заявлению начальника отдела планирования оборонной политики УНО Масуда К., на исследовательские работы в течение 5 – 6 лет предполагается израсходовать 200 – 300 млн. долл.³⁰ По его же словам, если разработанные системы будут приняты на вооружение сил самообороны, то стоимость проекта составит 6 млрд. долл., а все совокупные расходы с учетом размещения и постановки всей противоракетной системы морского базирования на боевое дежурство составят 10 млрд. долл.³¹ В бюджете УНО на 1999 ф.г. на исследовательские работы по проекту ПРО ТВД морского базирования было выделено 9,6 млн. долл. (американская «доля» на исследования в 1999 г. составила 36 млн. долл.).³² Один из первых заказов из этой суммы на исследовательские работы стоимостью в 900 млн. иен (примерно 8,5 млн. долл.) получила корпорация «Мицубиси Хэви индастриз».³³ В бюджете УНО на 2000 ф.г. на исследовательские программы по ПРО было выделено уже 20 млн.

долл.,³⁴ а на 2001 ф.г. УНО было запрошено 3,7 млрд. иен (около 35 млн. долл.) для проведения совместных исследований.³⁵

Ряд факторов развития внутривосточной ситуации в Японии свидетельствует о том, что представители большого бизнеса, прежде всего традиционного японского ВПК, и определенные политические круги стремятся к сотрудничеству, а в ряде случаев уже сотрудничают, с целью формирования национального консенсуса в отношении создания и размещения ПРО ТВД на территории Японии. В частности, японские эксперты обращают внимание на тот факт, что по инициативе представителей правящей ЛДП и политической группировки во главе с Одзава И. и при поддержке представителей большого бизнеса в феврале 1999 г. был создан «Японский форум стратегических исследований» (Japan Strategic Study Forum – JSSF). Заметную роль в его организации сыграли лично Одзава И. и бывший министр иностранных дел Японии Накаяма Т. Президентом форума стал Сэдзима Рюдзо, главный советник крупнейшей торговой корпорации «С. Itoh», который приложил много сил не только для создания этого форума, но и «стоял за созданием коалиции консервативных сил правящей партии».³⁶ Цель создания форума – исследование не только проблем военной стратегии Японии в будущем, но и анализ международной обстановки и ситуации на мировых рынках, имея в виду задачу выработки рекомендаций для осуществления практической политики, в том числе и по вопросу об участии Японии в ПРО ТВД. Как подчеркивают некоторые японские эксперты, данный форум, как и «подобные организации в прошлом, стал инструментом координации интересов политиков, большого бизнеса и военных (Японии)».³⁷

Проблемы и перспективы

Ответ на вопрос о перспективах развертывания в США ПРО ТВД может быть многовариантным, учитывающим неоднозначную ситуацию в самих США, степень точности выбора Россией ответной оптимальной стратегии, уровень стратегического партнерства Китая и России в этом вопросе³⁸ и, конечно же, позиции Японии, которой в архитектуре планируемой системы отводится центральное место.

На сегодня фактом является то, что Япония уже принимает участие и играет самостоятельную роль в ряде исследовательских программ будущей системы ПРО ТВД морского базирования. Вместе с тем, фактом является и то, что нет оснований утверждать, что Япония выйдет за рамки исследовательских программ и по их завершении развернет на своей территории ПРО ТВД, которая явится составной частью НПРО США. Свидетельство тому – ряд реальных факторов развития внутренней ситуации в Японии и формирования ее внешнеполитической стратегии.

Внутренние факторы. В настоящее время вопрос об участии Японии в создании ПРО ТВД является «одной из главных проблем, разделяющих японское общество, включая правительство и бюрократов, на противоположные лагеря».³⁹ На уровне общественного сознания большинство японцев, в целом, поддерживают правительство в его намерениях создать противоракетную оборону страны, но резко расходятся по своим взглядам в отношении НПРО США.

Подобное разделение характерно и для сотрудников МИД Японии. Они опасаются, что НПРО США подорвет нынешний стратегический баланс между Россией и США, в то время как другие считают, что даже отказ от Договора по ПРО не нарушит такого баланса. Аналогичная картина наблюдается и в УНО, четко отражая интересы соответствующих управлений.⁴⁰

В парламенте Японии проблема ПРО ТВД обсуждалась до сих пор лишь в связи с утверждением бюджета сил самообороны на соответствующий финансовый год и обсуждением вопросов региональной гонки вооружений и методов ее сдерживания. Стремление парламента дистанцироваться от данной проблемы – очевидно, и не в последнюю очередь оно обусловлено «отсутствием мощной поддержки планам создания ПРО ТВД в японском обществе».⁴¹

По мнению ряда японских аналитиков, дискуссия в японском обществе по проблеме ПРО ТВД в целом «крутится» вокруг вполне конкретных проблем.

Первая – искренность намерений США использовать свой потенциал сдерживания для защиты Японии. В настоящее время существует очевидный разрыв между США и Японией в понимании того, «кто кого будет защищать и от кого», а также отсутствуют ясные указания на то, что США планируют использовать фактор сдерживания для обеспечения безопасности Японии. Напротив, более обоснованными становятся опасения, что НПРО США – это план создания «крепости Америка», не имеющий ничего общего с интересами безопасности союзников. В частности, США до сих пор не предоставили Японии гарантий того, что в рамках ПРО ТВД та будет интегрирована в американскую систему контроля, связи, управления и разведки (СЗІ) и получит доступ к разведывательной информации.⁴²

Вторая – различия в восприятии «корейской угрозы». В Японии укрепляется мнение, что рассуждения о корейской ракетной угрозе в большей мере преувеличены, и неадекватная оценка этой угрозы может иметь скорее негативные последствия для безопасности Японии. Многие японские эксперты и военные специалисты подчеркивают, что необходимость создания ПРО ТВД морского базирования обусловлена не «корейской угрозой», а является «ответом на наращивание Китаем его ракетно-ядерного потенциала».⁴³ Во всем этом самым существенным является то, что все стратегические расчеты строятся на системе, базирующейся на неотработанной технологии.⁴⁴

Третья – соотношение между НПРО и ПРО ТВД. В Японии укрепляется мнение о том, что НПРО – это приоритет политики США, а ПРО ТВД – компромисс с Японией и стремление заставить ее взять на себя большую часть расходов по созданию региональной ПРО ТВД морского базирования. По мнению некоторых членов японского парламента, наибольшую выгоду от создания ПРО ТВД в Японии получит американский военно-промышленный комплекс, который «заберет японские деньги».⁴⁵ Подобные заявления носят обоснованный характер, поскольку базируются на негативном опыте Японии по сотрудничеству с США в обмене технологиями в рамках СОИ и при попытках создания собственно японской модели истребителя «FS-X».⁴⁶ Проекция этого опыта на проблему участия Японии в проекте ПРО ТВД морского базирования дает основание японским экспертам считать: США заинтересованы в разделении финансового бремени исследовательских программ и в использовании японских технологий двойного назначения для улучшения технических характеристик конкретных элементов будущей системы. По оценке японских наблюдателей, «стратегия США заключается в привлечении японских высоких технологий для укрепления производственной и технологической базы, а следовательно, для сохранения собственного технологического превосходства (над Японией)».⁴⁷ Однако в связи со значительными размерами финансирования исследовательских программ, создается ситуация, при которой Япония будет вынуждена выйти за принципиальные для нее пределы военных расходов в 1% от ВВП, а это – серьезная внутривластная проблема. Помимо этого, может сложиться диспропорция в финансировании видов вооруженных сил, что вызовет напряженность внутри сил самообороны.⁴⁸

Четвертая – участие в практической реализации плана создания ПРО ТВД в СВА влечет за собой грубое нарушение Конституции, запрещающей участие Японии в коллективной обороне с другими странами, экспорт вооружений и использование космоса в военных целях.⁴⁹

Указанные и другие вполне реальные проблемы обуславливают конкретные опасения в политических и деловых кругах Японии следующего порядка:

- в условиях, когда японская экономика в течение длительного периода находится в состоянии застоя, ассигнование огромных средств на новые оборонительные системы «было бы преступлением»;⁵⁰

- США не намерены использовать принцип адекватности при обмене своих военных технологий на японские гражданские технологии двойного назначения;⁵¹

- несмотря на заинтересованность японских разработчиков прорваться на американский рынок со своими технологиями двойного назначения, риск потерять конкурентоспособность японских технологий усиливается из-за отказа партнера на взаимной основе и в соответствующих пропорциях делиться собственными военными технологиями;⁵²

- руководство США преследует, прежде всего, интересы американского ВПК, который «наживет солидный капитал» на продаже Японии дорогостоящих ЗРК «Иджис», составляющих основу ПРО ТВД морского базирования.

Эти и другие обстоятельства обуславливают то, что на сегодня между правительством, политической и деловой элитой и в обществе в целом нет полного согласия как в отношении проблемы полномасштабного участия Японии в проекте ПРО ТВД, так и в отношении общей стратегии обеспечения безопасности Японии.

Внешние факторы. На принятие Японией решения о полномасштабном участии в разработке и создании ПРО ТВД морского базирования в регионе большое влияние оказывает и «внешняя составляющая», которая отражена в широком перечне проблем, дискутируемых сегодня в Японии.

1. Существует реальная перспектива того, что участие Японии в проекте ПРО ТВД может нанести серьезный ущерб ее отношениям с Россией и Китаем. Что касается Китая, то имеющийся «набор» серьезных проблем в двусторонних отношениях, может усугубиться «неправильным восприятием Пекином» истинных намерений Токио в связи с ПРО ТВД.⁵³ На «российском направлении» Япония тоже может «больше потерять, чем приобрести», поскольку с участием Японии в планах США может возникнуть потенциальная ситуация «аналогичная» обстоятельствам 1960 г. в советско-японских отношениях.⁵⁴

2. В случае, если США в одностороннем порядке нарушат Договор по ПРО 1972 г. и приступят к созданию НПРО, у России и Китая, по мнению японских экспертов, «будут развязаны руки» в отношении наращивания их ядерных потенциалов, а за ними могут последовать Индия и Пакистан. Такое развитие событий, «безусловно, не отвечает интересам безопасности Японии».⁵⁵ Показательно, что опасения в отношении развития ситуации в таком направлении, видимо, повлияли на позицию Японии при голосовании в октябре 1999 г. в Первом комитете ООН по резолюции КНР, России и Белоруссии в отношении НПРО США: Япония воздержалась при голосовании.

3. Участие Японии в создании ПРО ТВД морского базирования непосредственно связано с ее международным имиджем активного сторонника разоружения, запрещения ОМП. В последние годы Япония предприняла ряд заметных шагов, которые закрепили за ней роль одного из лидеров международного движения за разоружение. Кроме того, эта роль стала индикатором роста политической значимости Японии на международной арене – цели, к которой Япония стремится последние 20-25 лет. Подключение Японии к проекту

ПРО ТВД, который явно подрвет международные соглашения, обеспечивающие глобальную стабильность, перечеркнет усилия Японии по укреплению и признанию ее политической роли в мире. Это – не отвечает ни национальным интересам Японии, ни ее комплексной безопасности.

4. Совместная разработка США и Японией высокотехнологических систем оружия и тем более их размещение нарушит сложившийся региональный стратегический баланс в Восточной Азии и вынудит другие региональные страны активно приступить к «революционным преобразованиям» собственного вооружения. В результате начнет раскручиваться спираль региональной гонки вооружений.⁵⁶

5. Разработка и размещение новых систем в рамках ПРО ТВД значительно повысят технологический уровень американско-японского военного потенциала. Этот фактор еще больше укрепит военную вовлеченность США в вопросы региональной безопасности, что неизбежно будет рассматриваться странами региона, прежде всего Китаем, Россией, Северной Кореей, как прямая угроза их безопасности.⁵⁷

6. С учетом особенностей взаимоотношений Японии с региональными странами в военно-политической сфере, ее участие в ПРО ТВД неизбежно будет рассматриваться как расширение роли Японии в рамках американско-японского союза, расширение зоны «ответственности» сил самообороны Японии по защите национальной территории, как шаг в направлении отхода от оборонительной стратегии.⁵⁸

7. Американско-японское сотрудничество в создании ПРО ТВД не является шагом к снижению напряженности на Корейском полуострове. Реальная направленность будущей системы – минимизация эффективности потенциала сдерживания КНР. Эти обстоятельства серьезно повлияют на эрозию процессов создания региональной системы безопасности с участием всех государств.⁵⁹

8. Американско-японский проект не способствует укреплению процесса нераспространения ОМП и ракетных технологий. В частности, некоторые элементы будущей системы подпадают под категории, запрещаемые Режимом РКРТ (речь идет о ракетах-перехватчиках РАС-3 – категория II договора).⁶⁰ Выступая на международной конференции по нераспространению в Вашингтоне в январе 1999 г., начальник Управления по контролю над вооружениями МИД КНР Ша Цзукан подчеркнул: «...совместные разработки (США и Японии) систем ПРО неизбежно повлияют на процесс нераспространения ракетных технологий. Ракетные и противоракетные технологии взаимосвязаны. Многие технологии, используемые в противоракетных системах, легко адаптировать для создания стратегических наступательных вооружений. В этом – одна из главных причин, почему Китай выступает против сотрудничества между США и Японией в развитии ПРО ТВД.»⁶¹

9. Размещение систем ПРО ТВД на территории Японии под предлогом противодействия ракетной угрозе со стороны КНДР может «вызвать не только проблемы политического и конституционного порядка»,⁶² но и создать известные предпосылки к тому, чтобы Япония «в соответствующий момент» стала главным объектом контрмер.

Приведенный, но далеко не полный, перечень проблем, обсуждаемых в японских политических кругах в связи с перспективами полномасштабного участия Японии в планах США по созданию ПРО ТВД в СВА, как представляется, в достаточной мере отражает высокий накал этой дискуссии. На сегодняшний день, при подведении баланса «за» и «против» участия Японии в развертывании ПРО ТВД, все чаще высказывается мысль о том, что США не должны игнорировать интересы национальной безопасности союзников, формы и пути обеспечения которых могут «не вписываться» в новую стратегию Ва-

шингтона. Все больше японских экспертов рассматривают позицию США в вопросе о региональной ПРО как по сути ошибочную, игнорирующую такие важнейшие аспекты международных отношений, как нераспространение, контроль над вооружениями, разоружение, двусторонние и многосторонние переговоры и др. Таким образом, вполне обоснованно и достаточно конкретно ставится вопрос об истинных намерениях США в отношении создания ПРО ТВД СВА.⁶³

* * *

Проблема участия Японии в реализации планов США по созданию ПРО ТВД в СВА является комплексной и носит неоднозначный характер. Особенность нынешнего этапа состоит в том, что конкретные шаги, предпринятые руководством страны в рамках японо-американского соглашения от 16 августа 1999 г. об участии Японии в исследовательских программах ПРО ТВД морского базирования, не могут служить доказательством окончательного решения Токио и наличия у него долгосрочной стратегии в отношении развертывания этой системы в регионе. Такой вывод проистекает из вполне очевидного отсутствия в Японии консенсуса в этом вопросе, который может повлечь за собой не только серьезные перемены в стратегии Японии в наступившем столетии, но и привести к кардинальному изменению общей военно-политической обстановки в регионе. Ни в политических и деловых кругах, ни в МИД и УНО до сих пор не подведен баланс «за» и «против» участия Японии, не выработана единая точка зрения в отношении позитивных и негативных последствий для безопасности Японии и ее национальных интересов после развертывания первого эшелона НПРО США на территории страны.

Очевидным является и другое. Подключение Японии к исследовательской фазе рассматриваемого проекта отражает, прежде всего, нежелание Токио нанести ущерб союзническим отношениям с США и стремление «выбрать из двух зол меньшее» в условиях, когда экономика Японии находится в состоянии хронического застоя, а перспективы социально-экономического реформирования остаются на нижней отметке.

Вместе с тем, несмотря на то, что в Японии уже третий год осуществляется исследовательский цикл по программе ПРО ТВД, нет оснований твердо полагать, что она к планируемому сроку развернет на своей территории систему ПРО ТВД. Напротив, на сегодня есть основания считать, что Япония вряд ли сможет найти адекватное решение комплекса исключительно сложных проблем внутривосточного, дипломатического, экономического, стратегического характера, которое бы позволило ей не только закончить исследовательский цикл, но и приступить к полномасштабному развертыванию ПРО ТВД без ущерба для собственной всеобъемлющей безопасности.

-
1. Report to Congress on Theater Missile Defense Architecture Options for Asia-Pacific Region// www.usinfo.state.gov/regional/ea/easec
 2. Ibid. Pp. 4-9
 3. Defense of Japan. 1999. P. 81.
 4. Этот комитет иногда называют «2+2» по участию министров обороны и иностранных дел США и Японии.
 5. Statement of the Chief Cabinet Secretary Regarding Cooperative Technical Research with the United States on Ballistic Missile Defense(BMD). 25 December 1998.

6. Ibid. Обмен нотами о совместном исследовании в области создания ПРО ТВД морского базирования был осуществлен 16 августа 1999 г. 2000 Diplomatic Bluebook. Tokyo, 2000.
7. Funabashi Y. Tokyo's Temperance // The Washington Quarterly. Summer 2000. P. 135.
8. Ibid.
9. Ibid.
10. Ibid.
11. East Asian Strategic Review. 1999: The National Institute for Defense Studies, Tokyo, 2000. P. 33.
12. Ibid.
13. Ibid. Японские эксперты считают, что Договоры по сокращению ракет средней и малой дальности (ДРСМД), ОСВ-1 и ОСВ-2 касаются только сокращения советско/российско-американских ядерных потенциалов и не касаются других стран.
14. Draft Resolution on Nuclear Disarmament submitted by Japan to the First Committee of UN General Assembly, November 2000; UN Sponsored Sapporo II Meeting on Nuclear-Weapon-Free Zone in Central Asia. March 2000.
15. East Asian Strategic Review 1999. P.47.
16. Ibid.
17. Речь идет о нахождении на вооружении ВМС ЗРК «Иджис», которые в своем модернизированном виде предполагается использовать в качестве элемента системы ПРО ТВД морского базирования.
18. Nakamura Y. Japanese TMD Deployment and Chinese Concerns: Report to the LNWFZ Conference. Tokyo-Nakone, Japan, 1999. P. 3. В принятии этого решения Накамура Ё. видит и определенную «роль Пхеньяна». В частности он отмечает, что правительство Японии не могло принять окончательного решения и в силу сильных скептических настроений в рядах правящей либерально-демократической партии в отношении ПРО ТВД. Однако запуск Пхеньяном ракеты «Тепходон-1» в августе 1998 г. положил конец всем партийным колебаниям и было принято положительное решение в отношении участия Японии в разработке ПРО ТВД морского базирования.
19. East Asian Strategic Review. 1999. P. 97.
20. Ibid.
21. East Asian Strategic Review 1999. P. 98; Nakamura Y. Japanese TMD Deployment and Chinese Concerns: Report to the LNWFZ Conference. Tokyo-Nakone, Japan, 1999. Pp. 5-7
22. В феврале-марте 2001 г. СМИ Японии и США распространили информацию о решении США и Японии передвинуть сроки реализации программы на три года: к 2007 г. завершить исследовательский этап и в течение последующих 3-х лет оснастить эсминцы ВМС Японии модернизированной системой ЗРК «Иджис».
23. Defense of Japan 1999. Tokyo, 2000. p.84; Green M.J., Dalton T.F., Asian Reactions to U.S. Missile Defense//NRB Analyses. Vol. 11. # 3. November 2000. Pp 15
24. Что касается использования легких заатмосферных снарядов в качестве противоракет, то на сегодня такое предположение является весьма спорным в силу наличия в Японии закона о запрете на использование космоса в военных целях.
25. Li Bin. Ballistic Missile Defense and the Missile Technology Control Regime: Special Report at the Conference "East Asian Regional Security Futures: Theater Missile Defense Implications". Tokyo, June 24-25, 2000.

26. International Defense Consultants, Inc. January 5, 2000 // www.afxnews.com; Aviation Week and Space Technology. October 11, 1999.
27. O'Hanlon M. U.S. Missile Defense Programs: Special Report at the Conference "East Asian Regional Security Future: Theater Missile Defense Implications". Tokyo, June 24-25, 2000.
28. Ibid.
29. Imai R. Ballistic Missile Defense, the Nuclear Non-Proliferation Treaty Review and nuclear world // IIPS Policy Paper 254E. August 2000. P. 6.
30. The Weekly Post, February 1-7, 1999.
31. Ibid. Примерно в такую же сумму (1 триллион иен) оценивает проект и газета "Санкей симбун".
32. Theater Missile Defense in Northeast Asia // TMD Chronology 1999. October.
33. International Defense Consultants, Inc. January 5, 2000 // www.afxnews.com
34. Kikuyama K. Ballistic Missile Defense and its Security Implications - Does Japan need TMD?: Report at the Conference. Rome, 18-19 January 2001 // www.mi.infn.it/≈
35. Theater Missile Defense in Northeast Asia // TMD Chronology 2000. August.
36. The Weekly Post. February 1-7, 1999.
37. Ibid. Как подчеркнул в своем комментарии лидер «Liberty Group» в верхней палате парламента Исии, «представители ВПК финансировали влиятельных политиков, а остальные политики и партии последовали за ними».
38. Несмотря на официально декларируемую жесткую позицию в отношении планов развертывания ПРО ТВД в США, Пекин в рамках своей собственной «игры» на американском направлении уже «пробрасывает шары» в поисках компромисса с США по этой проблеме. См.: - Li Bin. Ballistic Missile Defense and the Missile Technology Control Regime: Special Report at the Conference "East Asian Regional Security Futures: Theatre Missile Defense Implications". June 24-25, 2000.
39. Funabashi Y. Op.cit. P. 136
40. Ibid.
41. Ibid. P. 140
42. Funabashi Y, Op.cit. P. 138-139.
43. Ogawa S. TMD and Northeast Asian Security: Special Report at the conference "East Asian Regional Security Futures: Theater Missile Defense Implications. June 24-25, 2000. Tokyo. По оценкам американских специалистов, Японии достаточно иметь два эсминца с ЗРК «Иджис», чтобы нейтрализовать «корейскую ракетную угрозу. См.: Wright D.C., MacDonald E. Japan and the Navy Theater-Wide Missile Defense System: Special Report. January 31, 2001 // www.nautilus.org
44. Green M.J., Dalton T.F. Op.cit. P. 16
45. The Weekly Post. 1-7 February, 1999.
46. Ikegami-Andersson M. Military Technology and US-Japan Security Relations. A Study of Three Cases of Military R & D Collaboration, 1983-1998: Report # .1, Department of Peace and Conflict Research & Center for Pacific Asia Studies, Stockholm University, 1998.
47. Ibid. P. 180.
48. Imai R. Op.cit. P. 6
49. Kikuyama K. Op.cit. P. 6. Green M.J., Dalton T.F. Op.cit. P. 16.
50. Green M.J., Dalton T.F. Op.cit. P. 16.
51. Ikegami-Andersson M. Op. cit. Pp. 170-172.
52. Ibid.

53. Green M.J., Furukawa K. *New Ambitions, Old Obstacles: Japan and Its Search For an Arms Control Strategy* // *Arms Control Today*. July-August, 2000//www.armscontrol.org
54. В связи с заключением в январе 1960 г. Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности между США и Японией, правительство СССР отказалось от выполнения части договоренностей по Совместной советско-японской декларации 1956 г., оценив этот договор, как представляющий угрозу безопасности СССР на Дальнем Востоке. Согласно ст.9 Совместной декларации Советский Союз «идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомай и острова Шикотан с тем, что фактическая передача этих островов будет произведена после заключения Мирного Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией» // Совместная декларация Союза Советских Социалистических Республик и Японии, 19 октября 1956 г.
55. Funabashi Y. *Op.cit.* Pp. 140.
56. *Ibid.*
57. *Ibid.*
58. Некоторые японские эксперты считают, что такой шаг Японии вполне обоснованно может вызвать опасения у региональных стран, что следующим шагом Японии будет приобретение ядерного оружия, «сколько бы она не говорила о своих мирных намерениях». См.: Imai R. *Op.cit.* P. 7.
59. WAN Qun. *Op.cit.* P. 4.
60. *Ibid.*
61. Theater Missile Defense in Northeast Asia//TMD Chronology. January 1999,htm
62. Funabashi Y. *Op.cit.* P. 142.
63. *Ibid.*

Дискуссии о национализме в КНР

© 2001

А. Москалев

В условиях разноплановых перемен в китайском обществе в период реформ заметным явлением стало изменение отношения к проблемам национализма в 90-е годы ушедшего века. Всплеск националистических настроений (прежде всего в приморских провинциях и крупных городах) находил самые разнообразные проявления. В частности, выходят в свет многочисленные издания, исполненные великодержавных страстей и амбиций. Как констатирует один американский специалист по Китаю, статья которого появилась в пекинском журнале «Стратегия и управление», в КНР «всякого рода публикации, пропагандирующие национализм, ксенофобию, призрачное китайское величие ... непрерывно становятся бестселлерами».¹ Такие «бестселлеры» действительно издаются в КНР, причем огромными тиражами², что свидетельствует о том, что подобная продукция пользуется в стране немалым спросом.

Весьма шумевшим стал подготовленный в 1991 г. Отделом идеологии и теории газеты «Чжунго циннянь бао» («Китайская молодежь») материал под заглавием: «Реалистический ответ и стратегический выбор Китая после драматических перемен в Советском Союзе»³, распространявшийся в качестве «внутреннего». Он знакомил с результатами проведенного в редакции газеты совещания, посвященного обсуждению вопросов обновления идеологической базы КПК. В совещании принимали участие профессиональные политические аналитики, а также некоторые правительственные чиновники, в том числе члены КПК. Один из тезисов материала гласил: «марксизм-ленинизм больше не является эффективным в мобилизации лояльности и легитимации государства». В связи с этим признавалась необходимость разработки такой идеологической платформы КПК, которая бы основывалась на выборке из наследия традиционной китайской культуры. При этом делался вывод, что КПК должна базироваться на китайском национализме⁴. В последующие годы широкое общественное обсуждение проблематики национализма на страницах китайской печати, в том числе в специализированных научных изданиях, а также на представительных научных конференциях, посвященных вопросам китайского национализма, стало носить вполне открытый характер. Именно эти дискуссии, особенно научные, представляют наибольший интерес для уяснения особенностей и причин нынешнего нового отношения к национализму в КНР. Об этом свидетельствует, в частности, тот круг проблем, которые поднимаются в ходе дискуссий. Так, обсуждается вопрос: каким должен быть современный китайский национализм? Или: какое место в жизни китайского общества он должен занимать? Каковы особенности «правильного национализма»? Каким должен быть китайский национализм в XXI веке? И т.п.

Цель предлагаемой статьи – попытаться раскрыть особенности понимания национализма в КНР, а также дать представление читателю о состоянии теоретической разработки проблематики национализма в Китае.

Официальная позиция относительно национализма в КНР была впервые намечена в Общей программе Народного консультативного совета Китая (1949 г.). В сжатой формулировке статьи 50 говорилось о необходимости бороться против двух видов национализма: великонационального (*даминьцзучжуи*), т.е. великоханьского, и «узкого» (иначе – «местного») – национализма малых национальностей страны. Национализм в любом его виде, как разъяснялось китайскими теоретиками, рассматривался в качестве идеологии «помещиков и буржуазии» (у неханьских народов Китая – в качестве идеологии «реакционных слоев» этих национальностей). По словам современного китайского исследователя, эта позиция основывалась на подходах, заимствованных из работ В.И. Ленина и И.В. Сталина⁵. У КПК не было того отношения к национализму, которое развивалось, к примеру, Сунь Ятсеном, считавшим, что национализм, если устранены его «крайности» и «недостатки», представляет несомненную ценность, «благодаря которой государство добивается успехов в своем развитии, а нация стремится к сохранению своего бытия»⁶.

Ко времени образования КНР позиции КПК по вопросам национализма и интернационализма были изложены в работе Лю Шаоци «Об интернационализме и национализме». В ней говорилось, что национализм – это «буржуазный подход к нации» и буржуазные же «программа и политика в решении национального вопроса», что национализм выражает классовые интересы – «узкие классовые интересы одного класса буржуазии»⁷. Эта точка зрения не отличалась от принятых в Советском Союзе взглядов на эту проблему. Наличие элементов национализма в национальных отношениях в условиях КНР интерпретировалось как пережиточное явление. КПК была в принципе против национализма любого толка (прогрессивным считался лишь национализм народов, борющихся с колониальным гнетом, с империализмом). Позитивные стороны «позднего» национализма Сунь Ятсена (в частности, поддержка им принципа равноправия национальностей Китая) в КНР выводились из поля национализма и рассматривались как установки национальной политики КПК. С национализмом (великоханьским и местным), носящим, как считалось, исключительно «внутренний» характер, должна проводиться борьба, направленная на его полное искоренение.

В начале 50-х годов положение о двух национализмах в КНР разъяснялось также в работах Ли Вэйханя, которые были написаны в том же ключе, что и работа Лю Шаоци. Ли Вэйхань, в частности, писал, что великоханьский национализм коренится в «реакционной идеологии помещиков и буржуазии и проявляется в национальных отношениях», что «местный национализм – это реакционная идеология эксплуататорских классов у национальных меньшинств», которая также отражается в национальных отношениях⁸. КПК противопоставляла национализму «пролетарскую национальную политику» и интернационализм. Таковым был теоретический багаж КПК по вопросу о национализме в начале 50-х годов.

Великоханьский национализм, согласно официальной точке зрения, охватывает дискриминацию неханьских национальностей, что признается антиконституционным. Узкий же национализм неханьцев неприемлем, поскольку он «отгораживает» неханьцев от ханьцев, препятствует сплочению национальностей, а порой ведет к сепаратизму.

Мао Цзэдун в своих указаниях о борьбе против великоханьского национализма (1953 г.) констатировал, что «в некоторых районах (КНР) национальные отношения весьма ненормальны». Он имел в виду великоханьский нацио-

нализм, широко распространенный «среди многих членов партии и ганьбу (кадровых работников)». По его словам, великоханьский национализм существует также в народе. Причем это не какие-то «остатки великоханьского национализма», а серьезные его проявления, с которыми необходимо бороться⁹. Три года спустя Мао Цзэдун сделал важное уточнение. Он отметил, в частности: «Мы делаем упор на борьбу против великоханьского национализма. Одновременно нужно вести борьбу и против местного национализма, хотя эта борьба, как правило, не главное»¹⁰.

Выступая с отчетным докладом на УШ Всекитайском съезде КПК (сентябрь 1956 г.), Лю Шаоци повторил указание Мао Цзэдуна о необходимости «главным образом преодолевать великоханьский национализм». Он также подчеркнул, что «только решительное преодоление... проявлений великоханьского национализма даст возможность гладко преодолеть и настроения местного национализма среди национальных меньшинств»¹¹.

Однако уже в 1957 г. КПК призвала перенести акцент на борьбу с местным национализмом. Эту позицию изложил в своем докладе Дэн Сяопин на третьем пленуме ЦК КПК 8-го созыва¹². Местный национализм стал считаться «главной опасностью»¹³.

Лишь в начале 80-х годов КПК признала ошибочным перенос ею центра тяжести борьбы против национализма с великоханьского на местный национализм. Об этом, в частности, писал тогда теоретик национального вопроса Я Ханьчжан¹⁴.

В 90-е годы официальная доктрина двух «остаточных» национализмов не претерпела в КНР существенных изменений. Можно отметить лишь некоторые новые нюансы в характеристике этих национализмов. Так, специалист по национальному вопросу Лю Сяньчжао в своей статье «Основные теоретические проблемы нации» (опубликованной в 1999 г. посмертно) писал, что «внутрикитайский национализм» подразделяется на великоханьский национализм и местный национализм неханьских национальностей. Оба национализма «равно представляют собой отсталые идеологии», уходящие корнями в «идеологию эксплуататорских классов». Великоханьский национализм проявляется в нарушении и ущемлении прав неханьцев, а местный национализм — «в изоляционизме, консерватизме, отталкивании [других национальностей]»¹⁵.

В ходе развернувшихся в 90-е гг. дискуссий о национализме нередко затрагивались и методологические вопросы. Здесь обращает на себя внимание критическое отношение некоторых китайских исследователей к официальной доктрине двух «пережиточных» национализмов и вообще к марксистской трактовке национализма. Так, Ван Сиэнь, руководитель Отдела теории нации Института национальностей Академии общественных наук Китая (АОНК), в монографии «Национальный процесс и государство» замечает, что в теоретической литературе КНР, посвященной проблеме нации, вопрос о национализме «по традиции» излагался «в основном» в ключе «подхода Ленина и Сталина». Однако, подчеркивает ученый, в результате расширившихся научных контактов с зарубежными специалистами, а также благодаря проведению более глубоких исследований в самом Китае, стало очевидно, что содержание понятия «национализм» выходит далеко за пределы трактовки, на которой базируется официальная доктрина. Ван Сиэнь отмечает разнообразие возможных подходов к трактовке природы национализма и полагает, что «проблема национализма является центральной для понимания процессов модернизации и экономического развития», хотя и оговаривается, что при всем влиянии национализма на различные сферы общественной жизни, «в сегодняшнем мире далеко не все проблемы могут быть объяснены под углом зрения национализма»¹⁶. Вместе с тем автор, как следует из его общей позиции, считает что

«официальный подход» к трактовке национализма, сводящий его истоки к классовым отношениям, является односторонним и не способен прояснить конструктивную роль национализма в созидательных процессах современного Китая.

Критическое отношение к официальной трактовке национализма прямо выражает китайский специалист Нажи Билик (Институт национальностей АОНК). Он считает, что подход классиков марксизма-ленинизма к данной проблеме был связан «с коммунистической практикой» своего времени, и поэтому в нем «больше недостатков, чем достоинств»: недостает системности в трактовке понятия национализм (отсутствует сколько-нибудь развитая доктрина национализма). В этой связи определение национализма в «Советском энциклопедическом словаре» (1986 г.) как «буржуазной идеологии», по мнению Нажи Билика, «отражает лишь одну сторону положения вещей»¹⁷.

Многие китайские ученые считают, что национализм как идеология обслуживает «всю нацию». По словам историка Ма Жуйяна (Педагогический университет провинции Шэньси), «эта идеология является таковой для всех классов и прослоек всей нации»¹⁸. По мнению уханьского историка Тянь Туна, попытки ограничиться классовым анализом истоков национализма несостоятельны по той причине, что при таком подходе «вопреки историческим фактам» не учитывается многогранность этого явления, многозначность его содержания («его содержание столь же широко, как и понятие “культура”»), а также «рациональная сторона» национализма. Ученый считает, что многие определения национализма страдают поверхностностью, поскольку в них принимают во внимание лишь отдельные (второстепенные) его свойства, тогда как глубокие «рациональные начала» этого явления игнорируются. Чтобы правильно понять и оценить сущность такого сложного феномена, как национализм, Тянь Тун считает задачей первостепенной важности создание теоретической модели национализма¹⁹.

По мнению китайских исследователей признание современными теоретиками за национализмом его «ничем не заменимой» способности выступать в качестве «собирающей силы», стимулирующей консолидационные процессы внутри китайской нации, его конструктивной роли в обеспечении политической интеграции в масштабах всей страны, также невозможно объяснить с позиций официальной доктрины. Начатые китайскими учеными поиски иной методологии для разработки проблематики национализма сопровождаются обращением к собственному наследию в этой области (взглядам Лян Цичао, Сунь Ятсена), и теоретическим работам современных западных авторов.

Главное, что характерно для новейших исследований и интерпретаций темы китайского национализма, это вполне осознанное стремление к построению национализма надэтнического, или, другими словами, полиэтнического — национализма всей китайской нации (*чжунхуа миньцзу*). Важной предпосылкой для формирования такого национализма в КНР является наличие активно поддерживаемой на официальном уровне и ставшей популярной доктрины китайской нации. Другим обстоятельством, которое, пожалуй, могло бы способствовать образованию в Китае полиэтнического национализма является наметившаяся в последние годы тенденция приоритетного внимания к формированию у граждан Китая «государственного сознания» (государственной идентичности) при одновременном «отодвигании» на второй план этнического сознания национальностей²⁰. Несомненно, это делается прежде всего с целью способствовать консолидационным процессам внутри *чжунхуа миньцзу*.

Теоретики национализма, как известно, признают, что национализм может быть полиэтническим. При этом обычно называют в качестве классического примера швейцарский национализм²¹. В Китае идея надэтнического национализма зародилась еще в первые десятилетия ушедшего века. Мысли та-

кого рода просматриваются у Лян Цичао. «Гражданский национализм» (*гоминьчжуи*) дал в 1912 г. название партии Китайского Гоминьдана как Китайской националистической (а не национальной) партии. В несколько ином ракурсе начала, по-видимому, формироваться идея полиэтнического национализма в годы, когда в молодой Китайской Республике набирала популярность формула *у цзу гунхэ*, т.е. доктрина «Республики пяти национальностей» (ханьцев, маньчжуров, монголов, «мусульман» и тибетцев). Но Сунь Ятсен твердо выступал против полиэтнического национализма за национализм ханьский. Выступая с речью в Гуанчжоу (1921 г.), он настаивал на том, что «китайский национализм не следует ... интерпретировать как национализм пяти национальностей, его следует понимать как национализм ханьцев»²². Переосмысление Китайским Гоминьданом суньятсеновской доктрины *гоцзу* (государственной нации), в частности, в 30-е годы, когда под *гоцзу* стала пониматься вся совокупность народов Китая²³, также создавало теоретическую базу для формирования полиэтнического национализма.

Но лишь в 90-е годы XX в. в КНР сложилась обстановка, в условиях которой началось интенсивное обсуждение проектов китайского национализма как национализма полиэтнического. Вообще, нужно заметить, что китайская нация (в указанном смысле) все чаще рассматривается теперь как единый носитель не только «плюралистической» совокупности китайского культурного богатства, но и, к примеру, как та общность, за которой целесообразнее всего признавать право на самоопределение²⁴. Квалификация *чжунхуа миньцзу* как носителя общекайтайского национализма – логическое продолжение этой тенденции.

Но прежде чем говорить о «национализме *чжунхуа миньцзу*», остановлюсь на общей оценке национализма некоторыми современными китайскими исследователями, понимании ими его сущности и значения для Китая, а также его роли в китайской истории. По словам уханьского историка Тянь Туна, «национализм способствовал появлению новых ростков на древнем стволе Китайского государства, принес с собой богатейшие жизненные силы». И еще: национализм «представляет собой единую систему, обладающую многоярусной (структурой) и многоплановым содержанием ... Его содержание... трудно охватить, как трудно исчерпать все толкования понятия “национализм”»²⁵.

Найти понимание сущности национализма пытается другой китайский исследователь, Юй Чжэнлянь. В его понимании национализм – «это концентрированное воплощение стремления данной нации к существованию, развитию, процветанию». Национализм, как считает Юй Чжэнлянь, «обладает глубокими историческими корнями ..., являясь двигателем существования, численного роста, совместной борьбы нации, он находит свое выражение в мощных силах консолидации, становится одним из существенных свойств национального духа». В этих характеристиках явно чувствуется влияние суньятсеновских взглядов на национализм. Исследователь полагает, что в условиях мирового подъема национализма «Китаю следует сохранять трезвую голову»: не проводить как «грубого подавления», так и «бездумного поощрения» национализма. Он убежден, что в КНР можно было бы «в полной мере воспользоваться таким политическим ресурсом, как национализм» для достижения поставленных целей. Вместе с тем Юй Чжэнлянь признает, что в полиэтническом государстве проблема национализма особенно сложна, что непосредственно связано с наличием тенденций к сепаратизму у некоторых малых национальностей, которые, как он подчеркивает, никогда не разделяют идей «национализма основной нации», предпочитая придерживаться «своих» националистических убеждений²⁶.

Нажи Билик, рассматривая особенности китайского национализма, особо отмечает длительность существования китайской культуры, что отражается и на характере китайского национализма. Как замечает исследователь, в ки-

тайском национализме явно присутствует чувство «духовного превосходства» Китая перед «экономическим превосходством Запада». «Китайский национализм ... ставит собственную культуру превыше всего и в силу исторических причин он в основном проявляется в своей направленности вовнутрь, в форме сопротивления, не исключая при этом и временного отступления, рассчитанного на то, чтобы затем одолеть противника. Кроме того, для китайского национализма характерен «акцент на стойкости людей желтолицей и черноволосой расы, на бескрайних перспективах конфуцианской цивилизации». В то же время исследователь отмечает, что «в Китае также есть ученые, которые ратуют за национализм, направленный вовне». И еще: «В Китае национализм ... по большей части связан воедино с интересами государства ... и ханьское начало в нем доминирует». Нажи Билих также отмечает, что в китайском национализме особое значение придается культурным и биологическим признакам, что отличает его от национализма «европейско-американского типа», для которого характерна значительная политизированность²⁷.

Другой китайский исследователь Чжао Сюэбо (Институт международных отношений Пекинской радиоакадемии) подчеркивает тесную связь национализма с китайской историей и считает, что нужно «признать, что национализм играл положительную роль в китайской истории». Согласно Чжао Сюэбо, «история Китая в новое и новейшее время является историей ... националистических движений за выживание и развитие китайской нации». И далее: «Можно сказать, что именно благодаря духу национализма, благодаря овладению таким оружием, как национализм, народ Китая смог одержать победу, освободившись от колониального господства западных держав, победить Японию в войне сопротивления, добиться нынешнего положения в мире, сумел достигнуть нынешних успехов в ходе своего исторического развития». Чжао Сюэбо также считает, что в интересах Китая отдавать предпочтение «государственному сознанию», нежели акцентировать «этническое сознание»²⁸. Вероятно, китайский ученый опасается, что привлечение внимания к «росту этнического сознания» неханьских национальностей может повредить идее соединения этносов Китая в единую «китайскую нацию». Подобную же мысль высказывают и некоторые другие китайские исследователи.

Гуандунский участник научной конференции по национализму в Шэньчжэне (1995 г.) Чжао Цзюнь, доклад которого появился в качестве заглавного в серии статей о национализме, опубликованных журналом «Стратегия и управление», подробно изложил свой проект «правильного китайского национализма». Как подчеркивает Чжао Цзюнь, «всякий раз, когда в Китае наблюдался подъем подлинного национализма, Китай шел от поражений, раскола, беспорядков и слабости к победам, единству, стабильности и силе». Важнейшим в понимании природы «правильного» китайского национализма автор доклада считает необходимость определения его источников. Он называет три источника (или «три великих источника») современного китайского национализма. Это: «1) традиционный дух китайской культуры, ядром и душой которого является [принцип] «Поднебесная — общее достояние»; 2) традиционный патриотизм, направленный ... против третирования Китая извне...; 3) духовное наследие эпохи Мао Цзэдуна после 1949 г. Хотя это наследие весьма сложное, но такие его составляющие, как интересы нации, стремление к справедливости и нормы морали могут быть признаны подлинными человеческими ценностями». Говоря о том, каковы реальные достижения китайского национализма, Чжао Цзюнь приходит к выводу, что «столетний путь, пройденный китайским национализмом, привел к трем главным результатам: 1) к высокой степени сплоченности и консолидации всей нации; блестящие проявления этого — годы антияпонской войны и период после 1949 г.; 2) к целостности государства и, в основном, со-

хранению его единства...; 3) к быстрому повышению морального уровня народа ...». Чжао Цзюнь подчеркивает, что «подлинной отличительной чертой» китайского национализма является его направленность главным образом вовнутрь — на обеспечение интересов и целостности китайской нации. Этот национализм получает внешнюю направленность лишь в случае третирования и агрессивных действий в отношении Китая со стороны внешних сил²⁹.

Чжао Цзюнь придает особо важное значение центральной, согласно его концепции, конфуцианской идее «национализма китайской нации» — идее «Поднебесная — общее достояние». Именно этот принцип, как считает Чжао Цзюнь, позволит «нашим народам (*миньцзю*) собраться вместе», чтобы отстаивать «политическую интеграцию государства», защищать устои общественной морали (включая сокращение разрыва между бедностью и богатством), создать общественный порядок ... [при котором] все слои общества находили бы подобающее им положение, могли бы в полной мере реализовывать свои возможности и получать полагающееся им по праву»³⁰.

Ма Баочэн, исследовавший национализм как идеологию, считает, что он способен оказывать содействие и стимулировать экономическое развитие государств, осуществляющих модернизацию. Он также приходит к заключению, что «национализм представляет собой важный источник легитимности политической власти»: «всякой политической власти, желающей развивать свою руководящую роль, требуется консолидация и сотрудничество людей, и именно национализм более всего отвечает данной потребности». Однако, по мнению исследователя, «национализм — это поистине обоюдоострый меч: он может быть и благословением и бедствием. Поэтому необходимо иметь правильный взгляд на национализм, уметь им владеть, ... дабы использовать его как позитивную духовную движущую силу ...»³¹.

С приведенными суждениями китайского ученого перекликаются некоторые замечания американского исследователя Хуан Яшэна (политолога из Мичиганского университета), статью которого опубликовал пекинский журнал «Стратегия и управление». По словам Хуан Яшэна, «в Китае вера в коммунизм и традиции национализма благополучно слились воедино ... После событий на площади Тяньаньмэнь, китайские коммунистические власти поспешили принять национализм в качестве нового источника легитимности [своей] политической власти». По мнению исследователя, «китайское правительство благодаря восстановлению национализма уже набрало немало очков [в свою пользу]»³².

Заслуживают внимания мысли о китайском национализме шанхайского историка Сяо Гунциня. Китайский национализм нового времени, согласно Сяо Гунциню, возник в середине XIX в. как «национализм реактивно-защитного типа». Он объединял «высшие слои и народные массы» в условиях внешней агрессии. Различаются две разновидности этого национализма: консервативный национализм конфуцианско-фундаменталистского толка, идеи которого разделяли маньчжурские верхи и отчасти представители *шэньши*. Их девизом было «возвращение к традициям»; к этому национализму примыкали и ксенофобски настроенные «низы». Вспышкой этого национализма явилось восстание *ихэтуаней* (1900 г.). Эта разновидность национализма, как замечает Сяо Гунцинь, отнюдь не была главным направлением китайского национализма нового времени³³.

Вторая его разновидность, напротив, представляла «главное направление»: этот национализм исповедывали представители политической элиты и сословия *шэньши*. К этому направлению, в частности, примыкали реформаторы Кан Ювэй и Лян Цичао, ряд участников «движения 4 мая», а также многие другие известные лица. Сяо Гунцинь видит в этом китайском национализме нового времени четко выраженный «реактивный» характер — зависи-

мость от наличия внешней опасности и давления извне. Его главной целью было — «изгнать державы», но по мере расширения знакомства с западной техникой и западными ценностями, представители этой разновидности китайского национализма стали выдвигать требования добиваться усиления Китая посредством использования некоторых достижений западной цивилизации. Требования сторонников этой разновидности национализма никогда не простирались далее пределов собственной страны и ее интересов³⁴.

Говоря о нынешнем китайском национализме, Сяо Гунцин видит два этапа его развития в условиях КНР, водоразделом между которыми является переход страны к политике реформ и открытости. До начала реформ и открытости, как замечает исследователь, в обстановке господства официальных идеологических догм, требования национализма в КНР «сковывались и подавлялись». И лишь с 80-х годов «начал возникать новый модернизационный национализм (the modernizing nationalism)». В процессе модернизации, замечает исследователь, особое значение национализма как реальной «собирающей силы» стало вполне очевидным. В этой обстановке, как отмечает исследователь, «китайская правящая элита» увидела в национализме средство, с помощью которого можно было бы повысить политическую интеграцию в обществе и государстве. С другой стороны, политика «сдерживания» Китая со стороны западных стран, оживила в 90-е гг. «реактивный» китайский национализм, зародившийся еще в XIX веке³⁵. Именно на эти две стороны нынешнего китайского национализма обращает особое внимание шанхайский историк. Он подчеркивает, в частности, что функции национализма в политической интеграции, а также в «собрании воедино» компонентов китайской нации «едва ли могут заменить какие-либо другие идеологии».

Тем не менее, Сяо Гунцин считает «опасным» широкое употребление в КНР термина «национализм» и вот по какой причине. Как полагает исследователь, все дело в том, что «*миньцзу*» в разных контекстах может восприниматься по-разному: и как обозначение единой «китайской нации» (*чжунхуа миньцзу*), и как обозначение национальностей, в нее входящих. Поэтому, к примеру, «национальные меньшинства» (*шаошу миньцзу*) могут воспринять идею национализма и как основу для «легализации» собственного сепаратизма. Учитывая это, Сяо Гунцин заключает, что употребление термина «национализм» лучше всего ограничить «сферой научных исследований», тем более, что существует и такое понятие, как патриотизм³⁶.

Примеры суждений современных китайских исследователей о китайском национализме можно было бы умножить, но приведенные выше мнения и характеристики вполне отражают существо обсуждаемых проблем, наиболее типичные позиции участников дискуссий. Большинство китайских исследователей согласны в том, что Китаю нужен национализм как действенная «движущая сила в политическом, экономическом и культурном развитии»³⁷ страны. Авторы статей и докладов не закрывают глаза и на отрицательные, разрушительные свойства национализма. Национализм, принимая крайние, иррациональные формы, может стать источником нестабильности в стране, а также в международных отношениях. Поскольку это не только идеология, но и область человеческих чувств, он становится трудноуправляем. Национализм может быть связан с чрезмерным самовозвеличиванием, ксенофобией, экспансионизмом. Он защищает не только подлинно ценное в культурном наследии нации, но нередко склонен и к сохранению отжившего, заскорузлого. Наконец, крайнее разрастание националистических настроений способно стать помехой демократизации и реформам³⁸. Отдельные исследователи высказывают свою «неуверенность» в национализме в связи с некоторыми его внутренними качествами. Так, Пи Минъюн (Академия военных наук) высказывает определенные

сомнения относительно китайского национализма, связанные с наличием некоторой «иррациональности», заложенной, по его мнению, в самой его природе, а также в связи с возможными последствиями его роста. В частности, он привлекает внимание к двум важным, как он считает, обстоятельствам, «которые невозможно изменить». Во-первых, замечает Пи Минъюн, национализм как воплощение чувств народных масс уже по самой своей сути несет в себе заряд иррационального. Во-вторых, ажиотаж вокруг традиционной китайской культуры, с чем обычно связано разрастание национализма, может в итоге привести «к возникновению настроений своего рода культурного ретроgressа». Поскольку теория национализма не предлагает решения подобного рода проблем, исследователь приходит к заключению, что на вопрос о месте национализма в современном Китае также пока что трудно дать определенный ответ³⁹. В общем, нужно признать, что далеко не все в КНР готовы сегодня восторгаться национализмом. Как замечает Чжао Сюэбо, в отношении национализма в КНР «некоторые приходят в радостное возбуждение, другие – испытывают тяжелое беспокойство, одни его поддерживают, другие – отвергают»⁴⁰. Действительно, есть в КНР ученые, считающие национализм (в том числе и китайский) своего рода «болезнью» и сетуют по поводу того, что эта «болезнь» останется в Китае и в XXI веке⁴¹. Но, насколько я могу судить, голоса решительных противников китайского национализма пока что явно заглушаются гулом голосов его сторонников.

Говоря о перспективах китайского национализма в XXI веке, большинство китайских исследователей обычно не выражают сомнений в том, что он будет продолжать существовать и развиваться. Упомянувшийся выше участник шэньчжэньской конференции по национализму Чжао Цзюнь уверен, например, что «высоко поднятое великое знамя правильного национализма должно стать в XXI веке необходимым выбором китайских политиков и интеллигенции». Он подчеркивает, в частности, что китайский национализм в XXI веке необходим для поддержания «высокой степени консолидации всей нации». И далее: «Когда мы печемся о проблеме национализма, мы в действительности печемся о наиболее важной внутренней проблеме китайской нации»⁴².

Касаясь «долгосрочных» перспектив китайского национализма, Чжао Цзюнь поясняет «конечную цель национализма, основанного на идее «Поднебесная – общее достояние»». Эта цель, по его словам, состоит в «борьбе за продолжение [лучших] традиций китайской нации, за наследие китайской мысли». И еще: «Все, кто готов отнестись к реализации национализма китайской нации как к своему долгу ... непременно смогут сознательно возложить на себя эту славную историческую миссию. И только когда это произойдет, мы действительно снова станем великой нацией, способной в полной мере исполнить свой долг перед человечеством... Вот тогда-то мы будем иметь право сказать, что наш национализм начинает достигать своей великой цели»⁴³.

Касаясь вопроса о востребованности китайского национализма, Лю Цзюньнин подчеркивает, что «в Китае ... вопрос этот стоит не в том плане, нужен или не нужен национализм, а в том, сколько его нужно ... и какой нужен национализм». При этом исследователь поясняет, что «приемлемым может быть национализм открытый, умеренный, рациональный ...». Он также замечает, что «нужно избегать опасных ситуаций, когда националистические чувства становятся неуправляемыми, ... нужно вовлекать национализм в правильное русло»⁴⁴. Сходные мысли высказывает Чжао Сюэбо, полагающий, что суть вопроса о национализме в Китае состоит в том, каким должен быть китайский национализм, «как изменить облик национализма, устранить из него негативное, внести в него позитивное, утвердить понятие нового национализма»⁴⁵.

Шанхайский историк Сяо Гунцин, говоря о китайском национализме XXI века, полагает, что поскольку он будет находиться под влиянием конфуцианских идей как ядра китайской культуры, это позволит ему избежать иррационального фанатизма, наиболее радикальных форм. Зато в китайском национализме найдут отражение такие конфуцианские жизненные установки, как следование золотой середине, приверженность земному рационализму, преданность миру и т.д. Как считает Сяо Гунцин, серьезным ограничителем китайского национализма будет «социалистическое государство, в котором принцип интернационализма представляет одну из идеологических основ». Он указывает, в частности, что интернационализм и национализм «мало совместимы». В то же время Сяо Гунцин, как уже отмечалось выше, признает, что «интегративные функции национализма практически незаменимы»⁴⁶.

Что же касается внешней направленности китайского национализма, то, как считает Сяо Гунцин, если по мере роста мощи Китая политика Запада, направленная на его «сдерживание», будет усиливаться, то «реактивный» китайский национализм в XXI веке будет сохраняться и развиваться. Если же на Китай не будут «уж слишком наседать», то эта сторона китайского национализма будет носить ограниченный характер⁴⁷.

В середине 90-х гг. Сяо Гунцин (и ряд других историков) считали, что «Китай в XXI веке отнюдь не столкнется с внешней агрессией и перспективой своего расчленения империалистическими державами», поскольку после окончания холодной войны на международной арене наступило «относительное потепление» и что вследствие этого китайский национализм как мобилизующая сила будет утрачивать свое значение⁴⁸. Но после того, как НАТО в 1999 г. подвергло бомбардировке посольство КНР в Белграде, этот прогноз оказался колеблемым. В статье, опубликованной после этой акции, Сяо Гунцин писал, что она вызвала гневную реакцию «у каждого жителя Китая». В создавшейся ситуации, отмечал Сяо Гунцин, произошло «идейное расслоение» в китайском обществе на сторонников умеренных форм национализма и тех, кто призывает к необдуманным «воинственным» действиям, способным лишь усилить политику «сдерживания» Китая со стороны Запада, а внутри страны — «снова сбить китайскую нацию с курса на модернизацию», затащить ее на путь изоляционизма⁴⁹. Подобные вспышки националистических страстей, появление радикалистских националистических течений свидетельствуют о том, что в некоторых ситуациях китайский национализм действительно способен превращаться в иррациональную, трудноуправляемую силу, которая может перерасти в «крайний национализм». Поэтому ученый, в частности, считает, что Китаю лучше «стерпеть обиды», нежели упустить возможность вхождения в «цивилизованное» мировое сообщество. И вообще, по автору, «Китай лишь при помощи стратегии реализма, умеренности, открытости и реформ ... сможет подлинным образом отстоять долговременные интересы собственного национализма»⁵⁰.

В связи с тем, что, по мнению китайских ученых, китайский национализм XXI века будет, скорее всего, идеологией полиэтнической, серьезной проблемой в обозримом будущем останется вопрос о «местном» национализме неханьских национальностей. По-видимому, процесс преодоления этого национализма встретит немало трудностей. Тем более, что в 90-е годы проявления сепаратизма на национальных окраинах КНР заметно активизировались. Как пишет по этому поводу Ван Сизнь, «всякого рода паннационалистические течения (имеются в виду пантюркизм, панисламизм и т.г. — А.М.) со времени окончания холодной войны имеют тенденцию дальнейшего роста». Он характеризует эти проявления национализма неханьских национальностей как находящиеся в противоречии с интересами «всей китайской нации», ибо это

«противоречия враждебных сил, выступающих против государства». Ван Синь считает, что «на протяжении определенного времени проникновение в Китай внешних враждебных сил (питающих эти разновидности сепаратизма. — А.М.) невозможно будет полностью устранить, особенно в случае усугубления реализации стратегии «сдерживания», проводимой Западом во главе с США». При подобном развитии событий «влияние этнического сепаратизма сможет расширяться». Однако по мере усиления Китая в ходе широкого освоения западных регионов страны этнический сепаратизм будет сведен к минимуму⁵¹.

Возможно, что в связи с желанием как-то выйти из трудного положения с наличием в стране «мини-национализмов» неханьских национальностей некоторые китайские теоретики предлагают вообще не считать эти «мини-идеологии» разновидностями национализма (оставив прерогативу исповедывать национализм только за ханьцами). Нажи Билик, например, полагает, что национализм неханьцев — это категория, которую он передает термином *цзуньчжунь* (от *цзунь* — «этническая группа»), приводя в скобках его значение: «ethnicism». Как разъясняет исследователь, «в Китае национализм ... по большей части связан воедино с интересами государства; ханьцы составляют его главную силу и он проявляется в политическом и экономическом реагировании на внешние вызовы». Другое дело неханьцы: их интересует «главным образом культурное положение данной этнической группы, они требуют, чтобы все этнические группы обрели фактическое равенство», поэтому, считает Нажи Билик, все это нельзя отнести к «политическому национализму»⁵². Такого рода выводы, однако, вызывают вопросы. Неханьцы, как известно, тоже выступают с политическими требованиями. И их интересуют проблемы не только культуры, но и политики и экономики. Вообще проблема национализма малых народов Китая, которую едва ли можно обойти чисто терминологическим путем, еще потребует серьезных теоретических разработок.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что в 90-е годы ушедшего века в КНР закончился длительный период монопольного господства официальной доктрины двух равно неприемлемых национализмов: «великонационального», или великоханьского, и «узкого» («местного») национализма неханьских национальностей. Сегодня в КНР прилагаются усилия к разработке теории «китайского национализма», выходящего за рамки этой схемы. В КНР явно не хотят оставаться на уровне «националистической публицистики», стремясь построить твердую теоретическую базу в этой области. Принципиальный антинационализм КПК, ставивший национализм (в любом его виде) вне закона, в настоящее время значительно поколеблен, что видно хотя бы из того факта, что органы партии не выступают против широкого обсуждения в КНР проблематики национализма, не препятствует научной разработке проблемы китайского национализма.

Уже обозначился преимущественный интерес приверженцев китайского национализма к вопросам сплоченности национальностей и единства государства, к политической интеграции и продолжению лучших традиций китайской культуры. Тем самым, большинство китайских ученых видят особенность китайского национализма в его внутренней направленности. Внешний же вектор, несмотря на то, что в 90-е гг. эта сторона китайского национализма проявилась весьма ярко, считается второстепенным.

Китайским исследователям удалось показать, что национализм в Китае — отнюдь не «пережиток». Общая тенденция его дальнейшего развития видится китайским исследователям в русле создания такого китайского национализма, который бы мог стать полиэтнической идеологией.

Стремление соединить китайский национализм с идеями конфуцианства приводит этот национализм, по-видимому, в большее соответствие с конфу-

цианским цивилизационным багажом и делает более понятным для народов ареала Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

Причины, как внутренние, так и внешние, вызвавшие в 90-е годы подъем национализма в КНР, в основном, сохраняются и сегодня. Так, по-прежнему, дают пищу национализму успехи экономического развития страны, вызывающие у людей чувство национальной гордости, вселяющие уверенность в возможность реализовать их давнюю «мечту о сильном государстве» (цян го мэн), а также стимулирующие стремление добиваться для Китая достойного положения в мире. С другой стороны, посттяньаньмэньские санкции Запада в отношении КНР и вообще курс западных стран (и прежде всего США), воспринимающийся в стране как политика «сдерживания» Китая, и ряд других проявлений этого курса являются фактором, обуславливающим внешнюю направленность китайского национализма. Как подчеркивают (уже в 2001 г.) китайские исследователи, «сегодня немало китайцев имеют основание полагать, что их государство не пользуется достаточным признанием и уважением сверхдержавы, и это вызывает у них чувство негодования... их националистические настроения разрастаются по мере усиления Китая...»⁵³

Хотя в 90-е годы XX в. в КНР была проделана значительная работа по выяснению сущности, характера, специфики китайского национализма, в его теоретической интерпретации пока что пройдены лишь первые шаги. Да и сам китайский (по существу – ханьский) национализм в результате этих исследований предстает во всей своей многоликости, с трудом поддающейся сведению в какую-то стройную систему. Думается, прав Джонатан Анджер (Jonathan Unger), уподобивший китайский национализм пестрому одеянию библейского Иосифа⁵⁴. Эта сложность и многоплановость, как замечает американский ученый, требует от исследователя такого национализма не довольствоваться упрощенным к нему подходом⁵⁵. Впрочем, китайские теоретики сами признают, что «китайский национализм еще далеко не сформировался (как целостная система)». У него, в частности, «нет собственной самостоятельной позиции в отношении политики, экономики и даже концепций культуры и этики». К тому же в ряды китайских националистов сплошь и рядом зачисляются люди самых разнообразных взглядов и убеждений⁵⁶.

В целом, несмотря на недостаточность теоретической разработки китайского национализма, следует признать, что работы китайских исследователей в этой области заложили в 90-е годы некоторую базу для более основательного научного освоения этой проблемы.

1. Ван Фэйлин. Хайся лян ань дэ миньцзучжуи цзи ци цянъцзин (Национализм по обоим берегам Тайваньского пролива и его перспективы) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 2000. № 4. С. 95. (Автор статьи базируется в Институте международных исследований Технологического университета штата Джорджия).
2. Подробнее об этом см.: Галенович Ю.М. К вопросу о национальном самосознании китайцев в конце XX в. // Информ. бюллетень № 7: Институт Дальнего Востока РАН. М., 1999.
3. Статья появилась в сентябре 1991 г., т.е. еще до распада СССР.
4. Suisheng Zhao. Chinese Intellectuals' Quest for Greatness and Nationalistic Writing in the 1990s // The China Quarterly. December 1997. N152. P. 733. Как сообщает Чжао Суйшэн, упомянутый материал просочился за рубеж и был перепечатан в Нью-Йорке в декабрьском номере журнала "Чжунго чжи чунь" («Китайская весна») за 1992 г. По его словам, основные тезисы статьи были поддержаны так называемыми "кронпринцами" (тайцзы) – детьми ряда ответственных деятелей КПК.
5. Ван Сизнь. Миньцзу гоцэн юй гоцзя (Национальный процесс и государство). Ланьчжоу, 1998. С. 161.

6. Сунь Чжуншань сюань цзи (Избранные сочинения Сунь Ятсена). Пекин, 1957. Т. 2. С. 615.
7. Лю Шаоци. Лунь гоцзичжуи хэ миньцзучжуи. (Об интернационализме и национализме). [Харбин], 1948. С. 2.
8. Ли Вэйхань. Тунъи чжаньсянь вэньти юй миньцзу вэньти (Проблема единого фронта и национальный вопрос). Пекин, 1982. С. 649-650.
9. Пипань даханьцзучжуи (Критиковать великоханьский национализм) // Мао Цзэдун сюань цзи (Избранные сочинения Мао Цзэдуна). Пекин, 1977. Т. 5. С. 75-76.
10. Лунь ши да гуаньси (О десяти главных взаимоотношениях) // Мао Цзэдун сюань цзи. Т. 5. С. 277.
11. 1957 Жэньминь шоуцэ (Народная справочная книга на 1957 г.). Б.м. С. 21.
12. Дэн Сяопин. Гуаньюй чжэнфэн юньдун дэ баогао. 5. Гуаньюй шаошу миньцзу (Доклад о движении чжэнфэн (исправления стиля работы). 5. О национальных меньшинствах) // Чжунго гунчаньдан лиши сюэси цанькао цзыляо. Ди-эр цзи (Учебные справочные материалы по истории КПК. Кн. 2). Пекин, 1962. С. 359-360.
13. Фаньдуй дифан миньцзучжуи, вэй цзяньшэ цэуго шэхуэйчжуи да цзятин эр фэньдоу (Выступить против местного национализма, бороться за построение Родины как большой социалистической семьи). Пекин, 1958. С. 3-4.
14. Я Ханьчжан. Шэхуэйчжуи шици дэ миньцзу гуаньси вэньти (Проблема национальных отношений в период социализма) // Гуанмин жибао. 1983. 3 января.
15. Лю Сяньчао. Гуаньюй миньцзу дэ цэигэ цзибэнь лилунь вэньти // Миньцзу яньцзю. 1999. № 2. С. 9.
16. Ван Сизнь. Указ. соч. С. 161, 162, 164.
17. Нажи Билик. «Миньцзу» дэ чжэнчжи вэньхуа пинси: жэньлэйсюэ шиэ (Политико-культурный анализ понятия «нация»: подход с позиции антропологии) // Миньцзу яньцзю. 2000. № 2. С. 55, 53.
18. Ма Жуйян. Миньцзучжуи: миньцзу цюцунь дэ бихусо (Национализм – защита бытия нации) // Шицзе миньцзу. 1998. № 1. С. 17, 18.
19. Тянь Тун. Гуаньюй миньцзу лилунь дэ жогань цзэси (К анализу теории национализма) // Шисюэ юэкань (Кайфэн). 1997. № 5. С. 9-13.
20. Об этом см.: Чжао Сюэбо. Шидай дэ бяньцзянь юй миньцзучжуи (Смена эпох и национализм) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 2000. № 1. С. 117.
21. Хобсбаум.Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб, 1998. С. 104.
22. Сань минь чжуи чжи цюэйти баньфа (Конкретные пути реализации трех народных принципов) // Го фу цюань шу (ПСС Отца Респубблики). Тайбэй, 1970. С. 890.
23. Об этом, см.: Москалев.А. Единая нация в трактовке Китайского Гоминьдана (конец 20-х – 30-е гг.) // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX – начале XXI века. Тезисы докладов VIII Международной научной конференции «Китай. Китайская цивилизация и мир...» М., 1997. Ч. II. С. 42-45.
24. О самоопределении китайской нации см.: Москалев.А. Подходы к принципу самоопределения в Китае (XX в.) // ПДВ. 2000. № 5. С. 125-126.
25. Тянь Тун. Указ. соч. С. 9, 12.
26. Юй Чжэнлянь. Ши лунь сяньдай миньцзучжуи синь ланьчао (Опыт рассмотрения нового подъема современного национализма) // Фудань дасюэ сюэбао. 1997. № 1. С. 61, 64.
27. Нажи Билик. Указ. соч. С. 52, 53, 55.
28. Чжао Сюэбо. Указ. соч. С. 115, 117.
29. Чжао Цзюнь. «Тянься вэй гун» юй шици чжи цзяо дэ чжунго миньцзучжуи (Принцип «Поднебесная – общее достояние» и китайский национализм на рубеже столетий) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 1996. № 1. С. 1-2.
30. Там же. С. 3.
31. Ма Баочэн. Ши лунь миньцзучжуи дэ иши синтай гуннэн (О роли националистической идеологии) // Сибэй ши да сюэбао (шэ кэ бань) (Ланьчжоу). 1999. № 2. С. 91, 94 (репринт: D5 Миньцзу яньцзю. 1999. № 6. С. 26, 29).
32. Хуан Яшэн. Цзэси «Чжунго бэнкуй лунь» дэ шэньхуа (Анализируя миф о «развале Китая») // Чжаньлюэ юй гуаньли. 1996. № 1. С. 101.
33. Сяо Гунцинь. Чжунго миньцзучжуи дэ лиши юй цянцзин (История и перспективы китайского национализма) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 1996. № 2. С. 59-60.

34. Там же.
35. Там же.
36. Там же. С. 61.
37. Инь Баюнь. Лунь миньцзучжуй дэ фачжань (О развитии национализма) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 1996. № 1. С. 6.
38. Лю Цзюньнин. Миньцзучжуй сы мянь гуань (Национализм в четырех ракурсах) // D5 Миньцзу яньцзю. 1998. № 1. С. 13.
39. Пи Минъюн. Миньцзучжуй юй жуцзя вэньхуа (Национализм и конфуцианская культура) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 1996. № 2. С. 57.
40. Чжао Сюэбо. Указ. соч. С. 115.
41. Эти мысли настойчиво проводятся, например, в статье: Чжу Сюэцин. У сы илай дэ лянгэ цзиншэнь «бин цзао» (Два «нездоровых духовных очага» со времени «движения 4 мая») // Чжаньлюэ юй гуаньли. 1999. № 4. С. 66.
42. Чжао Цзюнь. Указ. соч. С. 1.
43. Там же. С. 3.
44. Лю Цзюньнин. Указ. соч. С. 14.
45. Чжао Сюэбо. Указ. соч. С. 115.
46. Сяо Гунцин. Указ. соч. С. 61.
47. Там же.
48. Там же.
49. Сяо Гунцин. Миньцзучжуй юй шицзи чжи цзю дэ сысян фэньхуа (Национализм и идейное расслоение на рубеже столетий) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 1999. № 4. С. 106, 107.
50. Там же. С. 106.
51. Ван Сиэнь. Сибу да кайфа чжун миньцзу вэньти дэ цзибэнь шусин хэ нэйжун (Основные разновидности и содержание этнических проблем в процессе большого освоения западных территорий страны) // Миньцзу яньцзю. 2000. № 5. С. 11.
52. Нажи Билик. Указ. соч. С. 53.
53. Ши Иньхун, Сун Дэсин. 21 шицзи цянъци Чжунго гоцзи тайду, вайцзю чжэсюэ хэ гэньбэнь чжаньлюэ сыкао (Международное положение, философия внешней политики и базовая стратегия Китая в начале XXI века) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 2001. № 1. С. 15 (авторы базируются в Центре международной стратегии Института международных отношений г. Нанкина).
54. Быт., 37, 3.
55. Ши Чжун. Сифан жэнь янь чжун дэ «чжунго миньцзучжуй» («Китайский национализм» глазами людей Запада) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 1996. № 1. С. 21.
56. Там же. С. 26.

Россия, Китай, талибы

© 2001

П. Васильев

Никогда прежде проблема терроризма в мире не стояла так остро. Президент России подчеркивает опасность терроризма и фундаментализма "любого, абсолютно любого толка", выражая обеспокоенность "складыванием террористического интернационала"¹.

В последние годы центр международной террористической активности² переместился в Центральную и Южную Азию (ЦА и ЮА)³, где переплетаются интересы глобальных держав – России, Китая, Индии, Соединенных Штатов, и таких региональных государств, как Пакистан, Иран, Узбекистан, Туркменистан, Казахстан, Таджикистан, Киргизстан. Особую тревогу вызывает "талибанизация" Афганистана, которая повлекла за собой широкую экспансию терроризма в регионе и за его пределами.

Талибы и внешний мир

Движение Талибан (ДТ) – его также называют "исламской милицией" – возникло в конце 1994 г. при помощи и поддержке властей Пакистана. После взятия Кабула в 1996 г. оно сумело поставить под свой контроль значительную часть Афганистана⁴, обеспечив относительный порядок и стабильность после периода кровавого беспредела, практиковавшегося враждующими бандами моджахедов. Многие афганцы если не поддерживают, то мирятся с властью ДТ.

Талибы ("изучающие ислам") – выпускники пакистанских медресе. Помимо религиозной грамоты, юноши в этих исламских "духовных семинариях" обучаются военному делу, после чего отправляются сражаться за веру. "Семинаристы" составляют массовую основу отрядов ДТ, однако не его реальную силу – она определяется союзом полевых командиров, клерикалов, бывших госчиновников и политиков.

Положив конец массовым разбоям и грабежам, талибы снизили уровень преступности, наладили транспортные коммуникации и отчасти – сбор налогов, уменьшили инфляцию и заложили основы своеобразной централизованной власти, назвав свое государство "Исламским эмиратом Афганистан" (ИЭА). Губернаторы провинций беспрекословно подчиняются "центру", который находится не в столице Кабуле, а в Кандагаре – месте пребывания лидера Талибана муллы Омара. Строгие правила препятствуют коррупции (хотя она все же существует⁵), во властных структурах приветствуется аскетизм, губернаторам запрещено иметь крупную собственность; оставляя должность, они отчитываются за каждую "копейку".

Вместе с тем, за элементами внешней скромности и неприязательности, подчеркнутого соблюдения норм жизни масс правоверных скрывается

жестокий и циничный деспотический режим, сформировавший мощный репрессивный аппарат и реализующий обскурантистскую концепцию "истинного" ислама. Женщинам откано в праве учиться и работать (исключения сделаны лишь для некоторых городов), электронные аудиовизуальные средства объявлены "неисламскими" и подлежащими уничтожению, на аналогичном основании запрещены различные виды спорта (бокс, например), бани и т.д. 26 февраля с.г. мулла Омар издал указ об уничтожении уникальных памятников мировой культуры — древнейших статуй Будды, которые расстреливались из гранатометов, пушек и ракетных установок, подрывались взрывчаткой.

Практикуются публичные казни, массовые убийства политических противников и религиозных диссидентов. Более всего пострадала афганская интеллигенция (к настоящему времени, в основном, переместившаяся за рубеж), представители религиозных (шииты) и этнических (хазарейцы, таджики, узбеки и др.) меньшинств. Шовинистическая составляющая талибской политики особенно ощутима: подхлестывая пуштунский национализм⁶, ДТ осуществляет дискриминацию в отношении тех, кто не принадлежит к "титульной" народности⁷. Основы "экономики" составляют контрабанда, производство и торговля наркотиками.

Исламской милиции противостоит Объединенный фронт (ОФ), или Северный Альянс, — конгломерат разнородных оппонентов ДТ, поддерживающих "легитимное" правительство Б.Раббани (признано ООН и формально представляет Исламское государство Афганистан — ИГА). Однако даже наиболее боеспособные отряды "панджшерского льва" Ахмада Шаха Масуда, единственного серьезного противника талибов из всех "военных баронов" ОФ, оттеснены в северо-восточные провинции, и их влияние локализовано.

Экспансия — необходимое условие выживания любого организма, режим ДТ — не исключение. Талибы предпочитают осуществлять ее на путях не социально-экономического и культурного прогресса, а политической и военной конфронтации по всему периметру своих границ. В этом ИЭА мало чем отличается от иных авторитарных и тоталитарных режимов, которым внешняя угроза жизненно необходима. И если таковой не имеется, она создается намеренно.

Талибы превратили Афганистан в опорный пункт для экстремистов и боевиков со всего мира — из арабских стран, Боснии и Герцеговины, Косово, Чечни, Таджикистана, Кашмира, Филиппин, Малайзии и Китая. С афганской территории под предлогом "мусульманской солидарности" поощряется террористическая активность в Центральной Азии (поддерживается, в частности, "Исламское движение Узбекистана" — ИДУ), в Китае (помощь мусульманам-сепаратистам в Синьцзян-Уйгурском автономном районе — СУАР) и на Ближнем Востоке. Талибы предоставили убежище "террористу номер один" — Усаме бен Ладену, который щедро финансирует их и ведет настоящую войну против администрации США.

Только три государства — Саудовская Аравия, ОАЭ и Пакистан — установили дипломатические отношения с режимом ДТ, и лишь Пакистан сохраняет свое посольство в Кабуле. Ведущие державы воспринимают ДТ как растущую угрозу международной безопасности. В их числе — Россия и Китай, оказавшиеся непосредственными объектами террористической экспансии. Брошенный им вызов не ограничивается локальными рамками. Через Россию и Китай "дуга" исламского экстремизма выходит на Средний и Ближний Восток, на страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Россия и Китай — многонациональные общества, равновесие которых может подтачиваться неразрешенными межэтническими противоречиями и спорами, перерастающими в разрушительные конфликты. Внешнее воздейст-

вие в определенных ситуациях способно стать решающим обстоятельством в расшатывании систем государственного управления.

Политика России

Поначалу перестроечный Советский Союз, а затем независимая Россия, казалось, не замечали угрозы терроризма с территории Афганистана. После бесславного завершения интервенции 1979-1989 гг. Кремль был слишком занят внутренними делами, чтобы вспоминать о Центральной Азии. Тогдашние политики и государственные деятели охотно жертвовали былым величием империи ради собственного утверждения в коридорах власти⁸.

В 1993-1996 гг. в международной политике Москвы почти безраздельно господствовало западное направление. Лишь со второй половины десятилетия стал проявляться относительно серьезный интерес к тому, что происходило на Востоке и на Юге. Причины заключались как в общем стремлении российского руководства восстановить свое влияние в Азии и АТР (наиболее полно его выразил Е.М.Примаков, занявший в 1996 г. кресло главы внешнеполитического ведомства), так и в продолжавшейся чеченской войне.

Самым опасным внешним противником в контексте ситуации на Северном Кавказе стало считаться ДТ. В противодействии этой угрозе российские власти сосредоточили свои усилия на четырех основных направлениях:

- поддержка Объединенного фронта;
- политическое давление на талибов с использованием санкций ООН;
- поиски путей урегулирования в Афганистане в рамках Группы "6+2"⁹;
- антиталибская пропаганда.

Ставка на ОФ лишь отчасти оправдывает себя. Узость этнической базы Масуда (в основном — афганцы таджикского происхождения) затрудняет для него возможность проявить себя общенациональной объединяющей силой. В военном плане он держится, как утверждают, преимущественно благодаря внешней помощи¹⁰. Разумеется, Масуд сковывает силы талибов и мешает им развернуться на других направлениях. Однако ни этот "панджшерский лев", ни "команда" Б.Раббани после военного поражения от талибов к осени 2000 г. в целом пока не могут представлять реальную альтернативу ДТ. В случае гипотетического краха кандагарского режима и победы Объединенного фронта (сколь ни маловероятно это выглядит на данный момент) Афганистан, скорее всего, потеряет даже тот условный порядок, который существует сейчас, вновь погрузившись в хаос кровавых междоусобиц.

Антиталибские санкции, впервые введенные в октябре 1999 г. (резолюция СБ ООН 1267), не дали желаемого эффекта. Ограничения на финансовую деятельность режима ДТ, на международные авиарейсы афганской компании "Ариана", замораживание официальных счетов ДТ в зарубежных банках не привели к изоляции и изменению политики талибов (на что рассчитывала Москва, выступившая наряду с Вашингтоном инициатором санкций). Группа "6+2" пробуксовывает с момента своего создания.

Что же касается антиталибской пропаганды, то ее полезность выразилась лишь в умелом создании "образа врага", причем, главным образом внутри России. Простой человек, запуганный телерепортажами, воспринимает талибов как загадочную, почти дьявольскую силу. Общественное мнение в мире, пожалуй, впервые по-настоящему широко отреагировало с возмущением на эксцессы режима талибов после варварского уничтожения теми уникальных памятников буддийской культуры, которое было совершено несмотря на все обращения и просьбы, поступающие к талибам из различных стран и между-

народных организаций, включая правительства многих мусульманских государств и Организацию Исламская конференция (ОИК).

С укреплением положения талибов внутри Афганистана к концу 1999 — началу 2000 г. и осознанием российскими внешнеполитическими структурами этой реальности, обсуждалась возможность контактов с талибами.

Однако сдвига в отношении Москвы к ДТ и ситуации в Афганистане так и не произошло. Свою роль в этом сыграло возобновление военных действий в Чечне, которое привело к подъему антироссийских настроений в Афганистане, Пакистане и ряде других исламских странах региона. Талибы реагировали особенно вызывающе. В январе 2000 г. правительство ДТ официально признало “независимую Ичкерия” и открыло в Кабуле чеченское посольство.

Россия отреагировала резким заявлением МИД от 20 января и официальным протестом, переданным через посольство ДТ в Исламабаде. Талибы, однако, действовали все более нагло. Чеченские эмиссары свободно курсировали между Кабулом и Исламабадом. В Кандагаре открылось чеченское консульство. В Пакистане активно функционировали центры по сбору средств для “сражающейся Чечни”. Одновременно талибы усилили поддержку узбекских боевиков Ю.Намангани и Т.Юлдашева (ИДУ).

В конце лета — начале осени 2000 г. отряды ДТ добились крупных военных успехов, что побудило ряд государств Запада, а также стран ЦА задуматься над возможностью частичной нормализации отношений с кандагарским режимом. Москва вновь оказалась перед выбором: либо продолжать сложившийся жесткий курс, который не обещал “прорывов”, либо искать неординарные решения. Она осторожно доводила до сведения талибских командиров свою готовность идти на компромиссы, но до определенного предела — не поступаясь принципиальными требованиями (разрыв Кандагаром “дипломатических отношений” с Чечней, высылка находящихся в Афганистане представителей боевиков).

Однако руководство ДТ и не подумало проявлять гибкость в отношении России. С осени 2000 г. именно она была избрана главной мишенью воинственной пропаганды. 26 сентября, в день приезда в Исламабад помощника и спецпредставителя президента РФ С.Ястржембского, талибский посол в Пакистане Абдул Заиф назвал Россию “врагом номер один”. Одновременно был наложен запрет на контакты официальных лиц ДТ с российскими дипломатами.

25 октября посольство талибов в Пакистане заявило, что “Москва и Тегеран поддерживают убийц и бандитов” и “афганский народ не забудет об этом преступлении”¹¹. 27 октября Кандагар пригрозил русским “суровым возмездием”. 29 октября мулла Омар выразил надежду, что российская политика приведет “к гибели самой России”¹². Выступая 22 ноября в исламабадском Институте стратегических исследований, А.Заиф заявил, что “все афганцы исторически привыкли ненавидеть Россию”. Как он утверждал, “Москва преднамеренно изображает ИЭА опасностью и угрозой для соседей”, дабы “сохранить и расширить свое влияние в Центральной Азии”, а также “получить доступ” к ее природным ресурсам¹³.

Талибы по-своему заинтересованы в провоцировании России на проведение жесткого курса, способствующего поддержанию на границах Афганистана напряженности, что в свою очередь как бы оправдывало практикуемый ДТ режим “чрезвычайки”. Нежелание идти на смягчение отношений с Москвой аргументировалось и тем, что она якобы ни на день не прекращает давления на Кандагар. Последний в это время продолжал свою провокационную политику подготовки отрядов боевиков для расширения проникновения сил исламского экстремизма в молодые центральноазиатские государства, не останавливаясь перед организацией военных столкновений на границах, и пытался

наращивать транспортировку наркотиков из Афганистана по "северному маршруту" через российскую территорию в Европу и другие регионы.

В мае 2000г. С.Ястржембский не исключил возможности нанесения воздушных ударов по отрядам ДТ. Осенью в пакистанских СМИ появились сообщения о том, что в частях А.Ш.Масуда находятся российские военные советники, которые помогают ему самому и полевым командирам Баба Джану, Алмасу разрабатывать военные операции¹⁴. 25-26 октября Масуд встретался в Душанбе с министром обороны РФ И.Сергеевым.

На таджикской границе сосредоточено более 11,000 российских пограничников и 201-я мотострелковая дивизия¹⁵. Эти части неоднократно подвергались ракетным и артиллерийским обстрелам со стороны талибов¹⁶. В сентябре пограничники закрыли пропускной пункт на Нижнем Пяндже (напротив афганского порта Шерхан). В ноябре российское командование выступило с жесткими предупреждениями о возможности ответных действий.

Россия налаживает сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом с заклятыми врагами талибов — США и Индией. 25-26 мая 2000 г. в ходе визита в Москву тогдашнего помощника госсекретаря США по проблемам Южной Азии К.Индерферта было объявлено о создании российско-американской рабочей группы по проблемам Афганистана и терроризма. 21 ноября во время визита В.В.Путина в Дели российская и индийская стороны выступили с заявлением о формировании аналогичной российско-индийской структуры. "Талибы и их сомнительный гость, Усама бен Ладен, — писал Рахимьюлла Юсуфзаи, один из ведущих пакистанских журналистов, — добились немислимого, побудив США, Индию и Россию забыть прошлые споры и сформировать альянс для борьбы с терроризмом"¹⁷.

Москва также задействовала международные структуры с участием государств СНГ. 6 апреля 2000 г. на заседании Исполкома СНГ было принято решение о создании объединенного Антитеррористического центра. 23-24 мая на встрече в Минске шесть государств — участников Совета коллективной безопасности СНГ, решили обновить ташкентский договор 1992 г. о коллективной безопасности (что и было сделано в октябре на бишкекском саммите).

Учитывая требования момента, Москва старается придать антитеррористическую направленность Шанхайскому форуму (ШФ) — организации, объединяющей Россию, КНР, Казахстан, Киргизстан и Таджикистан. 30 марта 2000г., в коммюнике по итогам совещания министров иностранных дел ШФ, была "прочерчена" взаимосвязь между ситуацией на Северном Кавказе и в Центральной Азии. Отмечалось, что члены Форума "не потерпят национального, этнического сепаратизма, религиозного экстремизма и терроризма" и "предпримут решительные действия, чтобы противостоять силам, которые на этой основе выступают против отдельных государств, и сумеют нанести им поражение". На саммите ШФ (июль 2000 г., Душанбе) было подписано соглашение о борьбе с международным терроризмом, наркотиками, контрабандой оружия, незаконной иммиграцией и религиозным экстремизмом.

В октябре — ноябре 2000 г. по мнению зарубежных обозревателей, менялась концептуальная направленность российского подхода, цель которого отныне заключается не столько в афганском мирном урегулировании, сколько в "отбрасывании" и уничтожении ДТ¹⁸. Москва проявляет меньший интерес к миротворческим усилиям, концентрируя внимание на поддержке ОФ и введении дополнительных антиталибских санкций. Москва и Вашингтон сумели убедить остальных постоянных членов Совета Безопасности ООН (в роли "главных колеблющихся" выступили Китай и Франция) не препятствовать этому шагу.

19 декабря 2000 г. была принята резолюция 1333 СБ ООН, потребовавшая от талибов ликвидировать лагерь по подготовке террористов, выдать Убен Ладена, прекратить производство наркотиков и наркоторговлю. Кандагару был дан месяц на выполнение требований, и 19 января 2001г. новые санкции вступили в силу. Было объявлено эмбарго на поставки оружия ДТ, рекомендовано закрыть заграничные представительства ИЭА (недипломатические), понизить уровень посольств и консульств, ввести запрет на зарубежные поездки высокопоставленных талибских чиновников, заморозить их личные счета.

Трудно с уверенностью ожидать, что санкции приведут к кардинальному ослаблению талибского режима или сделают его более уступчивым.¹⁹ Министр иностранных дел ИЭА В.А.Мутавакиль, находясь в середине января 2001 г. в Исламабаде, сделал предельно конфронтационные заявления, пообещав, в частности, что Кандагар будет и впредь оказывать "всестороннюю" поддержку "чеченским борцам за свободу"²⁰.

Сложно выполнить главную задачу санкций — эмбарго на поставки оружия. "Линия Дюранда", которая разделяет Пакистан и Афганистан, большей частью проходит по труднодоступным горным районам в "зоне племен", лишь формально контролируемой Исламабадом и буквально нашпигованной оружием, оставшимся с войны 1979-1989 гг.. Там сильные проталибские симпатии и влиятелен "пакистанский талибан". Перекрыть все "окна" и переходы на границе практически невозможно. У пакистанских пограничников для этого нет адекватных ресурсов, и даже подключение международного персонала мало что изменило бы.

Использование средств спутникового наблюдения также не дает полной гарантии. Если бы эти средства позволяли эффективно контролировать пограничную линию между Пакистаном и Афганистаном, Москве и Вашингтону уже давно было бы чем подкрепить свои обвинения в адрес Пакистана в том, что тот помогает талибам людьми и оружием.

Проблематична действенность санкций в финансовом плане. Несмотря на замораживание счетов, функционируют талибское посольство в Исламабаде, две другие дипмиссии ДТ. Продолжаются зарубежные поездки талибских чиновников (западные правительства оправдывают их гуманитарными соображениями).

Формально резолюция 1333 никак не затрагивала экономическую и гуманитарную сферу, однако дала психологический эффект, усиленный талибской пропагандой, которая пугала афганцев санкциями и обещала им новые страдания и бедствия. В результате, после начала действия новых санкций 19 января, поток беженцев в Пакистан (к тому времени там уже находилось более 3 миллионов перемещенных лиц) резко возрос. Из-за суровых холодов, нехватки продовольствия, болезней люди умирали сотнями, прежде всего — женщины, старики, дети. По решению исламабадской администрации были закрыты пропускные пункты на границе с Афганистаном, дабы поставить заслон на пути беженцев-нелегалов, тысячи из них были депортированы. Это создавало взрывоопасную обстановку в приграничных районах, которая подогревалась активностью исламистских партий и организаций в Пакистане, призывавших к солидарности с талибами.

В первую же неделю после вступления санкций в силу в Афганистане поднялся уровень инфляции (стоимость доллара увеличилась с 67,000 до 85,000 афгани)²¹. Была приостановлена пакистано-афганская челночная торговля, которая, несмотря на свой контрабандный характер, многих обеспечивала работой и продуктами первой необходимости. Замерли некогда оживленные "бара-базары" (большие базары), "бара-трейдеры" (торговцы-оптовики) разошлись по домам, решив не рисковать и переждать тревожные времена. В пер-

вую очередь это сказалось на поставках в Афганистан медикаментов и продовольствия.

В пропагандистском плане санкции в чем-то даже укрепили позиции талибов в соответствии с известным принципом: "нас бьют, а мы крепчаем". Они также способствовали укреплению радикальных элементов в руководстве ДТ в противовес относительно умеренным силам²².

В определенном смысле санкции были неизбежны и логичны: талибы уважают силу, сами проявляют ее без всякого стеснения и, несомненно, заслужили "хороший отпор". Вместе с тем одними санкциями едва ли возможно образумить Талибан и заставить его изменить свою политику. Они могут стать более или менее удачным ходом на региональной шахматной доске, если будут вписаны в общую концептуальную стратегию обуздания международного терроризма и экстремизма со стороны мирового сообщества.

Однако можно отметить, что в ведущих государствах Запада растет понимание необходимости добиться эффективного ограничения и пресечения экспансии воинствующего исламского экстремизма в лице нынешнего руководства талибов, выпестовавших их фундаменталистских сил Пакистана и международных террористических мусульманских группировок, символом которых стал осевший в Афганистане бен Ладен.

Одним из симптомов этого понимания стала подчеркнутая политическая поддержка, которую получил во время своего визита в Западную Европу в апреле этого года основной военный противник талибов — Ахмад Шах Масуд. Принимали его и вели с ним переговоры ряд высших должностных лиц правительства и парламента Франции и Европейского Союза (ЕС). Председатель Европейского парламента Николь Фонтен охарактеризовала приглашение Масуда в Париж и в Страсбург как "политическое признание" того факта, что он "воплощает силу, противостоящую талибам". Лидер Северного Альянса со своей стороны подчеркивал, что "нажим" международного сообщества на талибов и поддержка силам "внутреннего сопротивления" в Афганистане способны открыть путь к политическому урегулированию и "скорее заставят талибов заговорить на языке мира, а не войны". Он позитивно оценил возможности и роль России в разрешении афганского кризиса, тем более в настоящий момент, когда, по его мнению, ДТ "готовит штурм последнего бастиона афганской оппозиции". Западная пресса много писала о том, что Масуду удалось заручиться, в Париже в частности, не только моральной поддержкой.²³

В этих условиях на Западе сегодня склонны более внимательно прислушиваться к предупреждениям из России и центральноазиатских стран СНГ насчет нарастающей угрозы, которая исходит от сил религиозного экстремизма и международного терроризма в этом регионе.

Общее ужесточение российской политики в отношении ДТ не могло не коснуться Пакистана — одного из наиболее влиятельных исламских государств Азии и единственного, которое способно оказывать существенное влияние на талибов²⁴. Летом — осенью 2000 г. происходило некоторое улучшение двусторонних отношений между Россией и Пакистаном (предшествовавшие полгода они находились в критическом состоянии в связи с пребыванием в Пакистане официального масхадовского представителя Зелимхана Яндарбиева и некоторых других чеченских "авторитетов" и из-за проводившейся там широкой пропагандистской кампании осуждения российских действий в Чечне). Москва решила попробовать вернуться к "шарифовским временам"²⁵ и заручиться поддержкой Исламабада, хотя бы формальной, в борьбе с терроризмом (эта попытка была предпринята конкретно визитом в Пакистан С.Ястржембского). В принципе это было оправданно, учитывая, что пакистанцы сами страдают от терроризма и понимают, что нестабильность в Афганистане — од-

на из главных причин этого зла. Можно было бы также использовать заинтересованность Пакистана в расширении экономического и политического сотрудничества с Москвой. Вместе с тем, текущая ситуация не способствовала российско-пакистанскому диалогу: Исламабад воспринимает ДТ как свое детище и опасается, что смена власти в Афганистане резко подорвет пакистанское влияние в этой стране и в регионе в целом.

В Пакистане долгое время не выказывали никакой склонности прислушаться к требованиям Москвы и публично осуждали антиталибские санкции. Тем не менее, министр внутренних дел Пакистана М.Хайдер во время своего визита в Афганистан в феврале 2000г. все же поставил перед талибскими руководителями вопрос о российских "озабоченностях".

Китайский угол

КНР в существенной степени сталкивается в регионе с теми же проблемами, что и Россия. Если для Москвы это деятельность чеченских сепаратистов, то для Пекина — сепаратистские проявления в среде уйгурских радикальных группировок в СУАР и в других районах Китая, где проживает значительное число мусульман и где исторически имелись настроения в пользу создания "Восточного Туркестана".

Уйгурские экстремисты сделали в последние годы ставку на террор. Акты насилия имели место в столице СУАР Урумчи. В результате взрыва, прогремевшего 8 сентября 2000 г., 60 человек были убиты, более двухсот — ранены. Происходят столкновения с полицией, убийства правительственных чиновников. Зарубежная пресса писала, что в 1999 г. рост напряженности заставил Пекин ввести в ряде областей и городов автономного района чрезвычайные меры, направить туда армейские части. Уйгурский деятель Анвар Юсеф Бидовла отправил письмо президенту США с призывом о помощи.

Талибы оказали поддержку мусульманским экстремистам в Китае. В лагерях на территории Афганистана уйгуры овладевают навыками ведения партизанской войны, подрывного дела. "Ученики" могут возвращаться на родину для осуществления терактов, либо идти на "северный фронт" — и участвовать в боевых операциях против отрядов А.Ш.Масуда, либо даже отправляться в Чечню.

Официальный Пекин не строит иллюзий относительно характера ДТ и его целей. С его стороны не раз звучали суровые предупреждения: если террористы осмелятся пересечь границу СУАР, они будут "раздавлены". В последние годы антитеррористический вектор в политике КНР заметно усиливался, что объясняется как активизацией боевиков в Синьцзяне и ролью талибов в их подготовке, так и воздействием на Пекин со стороны Москвы и Вашингтона.

В ходе визита главы парламента КНР (председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей) Ли Пэна в Индию в январе 2000 г. китайский лидер заявил об антитеррористической направленности политики КНР. Осудив терроризм "во всех его формах и проявлениях", он изъявил готовность "сотрудничать со всеми странами", которые ему противостоят — в том числе с Индией. Для Кандагара и Исламабада тот факт, что эти слова были произнесены в Дели, был более чем красноречив. Пакистанские эксперты сокрушались по тому поводу, что китайцы "уже не испытывают колебаний", пожимая руки индийцам. "Деятельность базирующихся в Пакистане и Афганистане вовлеченных в джихад организаций заставила китайское руководство сблизить свои позиции с Дели"²⁶, — констатировал пакистанский обозреватель.

В осуждении и неприятии “национального сепаратизма, международного терроризма, религиозного экстремизма и трансграничной преступности”, которые представляют “серьезную угрозу безопасности суверенных государств, миру и стабильности во всем мире”, Китай говорит одним языком с Россией. Эта позиция была зафиксирована в двусторонней декларации, подписанной во время пребывания в КНР В.В.Путина в июле 2000 г. Вместе с тем Пекин по возможности избегает прямого конфронтационного подхода, стараясь соответственно настраивать и российского “стратегического партнера”. Вероятно, китайская позиция сыграла свою роль в некотором сближении позиций России и Пакистана летом — осенью 2000 г.

КНР старается сочетать жесткость с политической гибкостью. Хотя позиции Пекина и Кандагара расходятся, китайцы и талибы проявляют взаимную сдержанность. ДТ не афиширует свою помощь “мусульманским братьям” в Синьцзяне, а китайские официальные лица и дипломаты также стараются не привлекать внимания к данной тематике и проявляют неудовольствие, когда она все же получает огласку.

На международном семинаре “Меры доверия в отношениях между Россией, Пакистаном и странами Центральной Азии” (Пешавар, 8-9 ноября 2000г.) ученый из китайского Центра стратегических исследований Гао Жунчжу заявил, что талибы несут прямую ответственность за волну терроризма в СУАР, указав, что у китайских властей имеются доказательства “поощрения” со стороны ДТ уйгурских боевиков. Талибы, по его словам, “обучают и вооружают тех, кто поднял восстание против государственных властей”, проповедует “религиозный фанатизм и терроризм”. Он также отметил, что Пекин “поддержит Масуда” в случае, если “тот возьмет Кабул”. Посол КНР в Пакистане незамедлительно дистанцировался от заявления китайского ученого, сказав, что оно “не отражает позицию правительства”²⁷.

Об осторожности Пекина в этих вопросах свидетельствует то, что Китай не стал участвовать в создании антитеррористических “рабочих групп”, не голосовал в ООН в декабре 2000г. за принятие новых антиталибских санкций, воздержавшись вместе с Малайзией.

Очевидно, что Пекин избегает ситуаций и поводов для обострения отношений или, тем более, формального разрыва с талибами. В этом ему помогают три существенных обстоятельства. Во-первых, его традиционно тесные отношения с Исламабадом, что учитывается в Кандагаре. Во-вторых, в Афганистане, как и во всем мусульманском мире, пекинская политика в СУАР вызывает значительно меньше нареканий, нежели российская в Чечне. В-третьих, свою роль играет китайская дипломатия — осторожная, избегающая пропагандистской риторики.

Пекину удается сохранять нормальные отношения не только со всеми государствами региона, но и с противоборствующими сторонами внутри афганского конфликта. КНР не игнорирует правительство Б.Раббани, что объясняется не только конъюнктурным расчетом, но и геополитическими соображениями: отряды А.Ш.Масуда контролируют узкий Ваханский коридор — единственное место, где территориально соприкасаются Афганистан и Китай.

Китай часто лоббирует свои интересы в регионе через Пакистан, который во многом идет ему навстречу. Сказывается его экономическая и политическая заинтересованность в КНР, а также признательность за ее многолетний сбалансированный подход к развитию отношений с Исламабадом²⁸.

При этом проблема уйгурского сепаратизма и экстремизма поднимается практически на всех китайско-пакистанских переговорах (в том числе в ходе визита в Исламабад министра иностранных дел КНР Тан Цзясюаня в июне 2000 г.). Это приносит свои плоды. Хотя в медресе на территории Пакистана

все еще обучаются несколько сотен уйгуров, которые затем “плавно перетекают” либо в Афганистан, либо в СУАР, часть тренировочных баз по подготовке террористов исламабадской администрацией закрыта. В мае 2000 г. один из уйгурских лидеров — Абдул Расул — был выдворен из страны. Пакистан убеждает талибов “умерить пыл” в поддержке мусульман-сепаратистов в КНР и проявлять терпимость в отношении действий Пекина по “наведению порядка” в Синьцзяне.

Впрочем, полного доверия к Исламабаду Пекин не испытывает. В конце 2000 г. в районе китайско-пакистанской границы был задержан отряд боевиков-уйгуров, предположительно вооруженных и обученных в Пакистане. За агитацию в поддержку создания “Восточного Туркестана” из Международного исламского университета в Урумчи были исключены несколько пакистанцев, высланных затем из КНР. Тогда же китайские власти ужесточили визовый режим для граждан Пакистана, стремящихся посетить СУАР.

В 2000-2001 гг. китайцы все чаще стали напрямую “выходить” на ДТ. В декабре 2000 г. и январе 2001 г. китайский посол в Пакистане Лу Шулинь дважды ездил в Афганистан, став третьим иностранным дипломатом, который был принят муллой Омаром. Кандагар не скрывает своего особого отношения к Китаю. В.А.Мутавакиль в январе с.г. подчеркнул, что талибы будут и впредь поддерживать сепаратистов в Чечне, однако не намерены подрывать единство КНР²⁹.

* * *

Анализируя с более широких позиций проблему талибов в Афганистане, необходимо осознать, что угроза талибов международному сообществу, носит отнюдь не сугубо террористический либо же военный (для соседей Афганистана) характер. От этого, впрочем, она не становится менее опасной. Призывы и внешний облик режима ДТ (“жить по исламу”, своего рода общинное равенство, уничтожение “разделяющих людей” “артефактов” электронной цивилизации и т.д.) оказываются весьма привлекательными для многомиллионных “низших” социальных слоев мусульманских стран. Таких, где заправляют продажные коррумпированные лидеры, где резко увеличивается разрыв между элитой, владеющей современными технологиями и реальными рычагами управления, и нищими массами, где “налево” уходят национальные природные богатства и в полной мере проявляются издержки идущей с Запада глобализации. Поэтому эффективное противодействие талибам возможно лишь в контексте сочетания военных, экономических и гуманитарных методов.

В частности, Вашингтон, который не делает тайны из того, что цель его геополитической стратегии — обеспечить американское доминирование в этом районе, богатом природными ресурсами, вытеснив оттуда Россию, кроме силового и политического нажима, широко использует для борьбы с террористическими акциями и их организаторами разнообразный арсенал экономических, финансовых и дипломатических методов.

Специфика позиции Соединенных Штатов, помимо активного участия в программах гуманитарной помощи Афганистану³⁰, определяется двумя существенными обстоятельствами:

- географической удаленностью США от Центральной Азии, что служит определенной гарантией национальной безопасности и позволяет с относительной легкостью идти на различные эксперименты (ракетные удары по лагерям боевиков, применение санкций). США не волнуется, что военно-силовой прессинг на талибов усиливает дестабилизацию региона и делает более уязвимыми позиции расположенных здесь государств. По сути, это выгодно Вашинг-

тону, поскольку отдаляет перспективу формирования регионального сообщества, которое могло бы решить задачу внутриафганского урегулирования "по ходу" экономической интеграции и без американцев;

- фокусировкой американо-талибских противоречий, фактически, на единственной проблеме — проблеме Усама бен Ладена. Практическая польза от подобной персонализации очевидна. Сколь бы жестко ни звучали взаимные обвинения Вашингтона и Кандагара, стоит бен Ладену исчезнуть с политического горизонта, как немедленно откроется путь к "наведению мостов". Иное дело Россия, которой так или иначе придется "разбираться" с признанием талибами Чечни, напряженностью на таджикско-афганской границе, подготовкой террористов в лагерях ДТ и т.д.

Не ставя под сомнение обоснованность американской позиции с точки зрения интересов США, заметим, что России целесообразнее ориентироваться на региональный подход. Это не только отвечало бы "геополитическим императивам", но и позволило бы Москве в процессе конфликтного урегулирования укреплять свое экономическое влияние.

Очевидно, что для продвижения на региональном направлении необходимо координируемое взаимодействие также и с такими ключевыми здесь странами, как Китай, Пакистан, Иран.

Скажем, сколь эгоистичной и двойственной ни является политика пакистанских властей, в определенной степени они заинтересованы в разрешении проблемы терроризма и урегулировании ситуации в Афганистане. Глава пакистанской исполнительной власти П.Мушарраф утверждает: "Мы безусловно осуждаем терроризм", "никакой экстремизм и радикализм не могут отвечать пакистанским интересам"³¹. Помимо пропагандистской нагрузки, эти слова отражают действительную обеспокоенность активизацией боевиков и религиозных экстремистов. Исламабад все больше раздражает своеволие режима ДТ, который позволяет себе не подчиняться распоряжениям своего "протектора". В плане российских интересов это создает определенную основу для взаимодействия с Пакистаном. Возможность "ограниченного партнерства" между двумя странами признают западные эксперты, которые выражают беспокойство, что это может отдалить Исламабад от Европы и США³².

Что касается самих талибов, необходимо отметить следующее: если внешний нажим на них зачастую приводит к эффекту, обратному желаемому, то региональный подход может реально способствовать созданию условий для ослабления агрессивных устоев и экстремизма режима ДТ.

Положение в Афганистане, в том числе — в рядах Талибана, не приемлет простых прогнозов и рецептов. Очевидно, что для успешного урегулирования его конфликта с внешним миром требуются усилия самих афганцев, без этого никакие схемы, навязываемые извне, не сработают. Речь не о том, что международное сообщество должно "умыть руки" и пустить развитие событий на самотек. Многие из того, что происходит в Афганистане, — массовые нарушения прав человека, производство и распространение наркотиков, убийство сотен и сотен людей, поощрение международного терроризма, уничтожение памятников культуры — не позволяет развитым государствам оставаться в стороне. Однако, если сводить вмешательство к бомбежкам или ракетным ударам в сочетании с санкциями и дозированными гуманитарными поставками, трудно рассчитывать на успех усилий, призванных искать конструктивные политические решения в интересах как афганского народа, так и мирового сообщества.

1. Из выступления 26 января 2001 г. в МИД РФ.

2. Политики и эксперты до сих пор не сумели договориться о том, какой смысл следует вкладывать в термины "терроризм" и "международный терроризм". Не претендуя на создание "универсальной" формулировки, возьмем за правило считать терроризмом "агрессивные, насильственные действия (со стороны индивидов, групп индивидов, организаций или государственных режимов), которые преднамеренно прибегают к акциям устрашения, ставят под угрозу жизнь и безопасность гражданских лиц ради достижения политических целей, в том числе международного характера". Данное определение исключает оправдание террора ссылками на какие-либо "высшие" интересы, на необходимость "гуманитарной интервенции", "борьбы за свободу" и пр. Таким образом, под определение "террористические" подпадают организации моджахедов, ведущих партизанскую войну в Джамму и Кашмире, уйгурских сепаратистов, Движение Талибан, Исламское движение Узбекистана, боевые подразделения религиозно-экстремистских партий Пакистана, отряды чеченских сепаратистов и т.д.
3. В выступлении координатора госдепартамента США по вопросам международного терроризма посла М.Шихана в Брукингском институте 10 февраля 2000 г. говорилось, что "в плане терроризма наибольшую озабоченность вызывают Иран и Афганистан". В докладе госдепа 1 мая 2000 г. утверждалось, что "главные террористические вызовы" США "возникают на Ближнем Востоке и в Южной Азии". Президент России В.Путин говорит о "дуге исламского терроризма", протянувшейся от Филиппин до Ближнего Востока.
4. Но не 95% территории страны, как это любят утверждать сами талибы и их опекуны в Исламабаде. Противник талибов А.Ш.Масуд утверждает, что большинство населения Афганистана не поддерживает политику, проводимую ими, и что существует много очагов массового сопротивления даже на тех территориях, которые давно контролирует Талибан. Вообще, контроль по афганским меркам – понятие относительное. Во многих районах проживания племен влияние центральной власти всегда было минимальным.
5. В талибской верхушке часты распри из-за владения земельными участками. По данным СМИ, 54 высокопоставленных талибских чиновника и дипломата имеют валютные счета в зарубежных банках (заморожены после введения санкций в январе 2001 г.) // The Friday Times. February 19-26, 2001. P.8.
6. Пуштуны составляют 45-46% афганского населения. Как оценил Ахмед Рашид, один из наиболее осведомленных пакистанских журналистов, пишущих об Афганистане, талибы "гальванизировали пуштунский национализм" // Ahmed Rashid. Taliban. Islam, Oil and the New Great Game in Central Asia: I.B.Tauris Publishers. London - New York, 2000. P.2.
7. О характере талибского режима см.подробнее: Ahmed Rashid. Op.cit; Babbar Shah. Loya Jirga and the Present Day Afghanistan // Strategic Studies. Autumn 2000. No.4.
8. Это не секрет ни для отечественных, ни для внешних наблюдателей. Как отмечает немецкий исследователь А.Рик, "пораженческая линия Ельцина и прочих российских лидеров привела к развалу Советской империи в Центральной Азии" // Andreas Rieck. Defending a Lost Cause? Russian Policy Towards Afghanistan since 1992. Paper presented at the International Seminar on "Confidence Building Measures between Pakistan, Russia and Central Asia": Peshawar, Area Study Centre. November 8-9, 2000.
9. Включает Россию, США и шесть соседей Афганистана по региону - Китай, Пакистан, Иран, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан.
10. По сообщениям СМИ, в основном она поступает из Ирана, Таджикистана и России. Однако ни из Москвы, ни из Душанбе и Тегерана не поступало на этот счет официальных подтверждений.
11. The Pakistan Observer. October 26, 2000.
12. The News. October 30, 2000.
13. H.E.Moulvi Abdul Salam Zaeef. Current Situation in Afghanistan: The Institute of Strategic Studies. Islamabad, November 22, 2000.
14. The Pakistan Observer. December 12, 2000.
15. Утверждения, что на таджикско-афганской границе находится значительно больше российских войск, спекулятивны. У России для этого попросту нет достаточных ма-

- териальных возможностей. См.: Dot Lynch. 'Military Muscle' in The World Today. Vol. 55. No 12. December 1999.
16. Талибы заявляли о "случайности" подобных инцидентов, намекая, что это "провокации" масудовцев.
 17. Rahimullah Yusufzai. Anti-Taliban Block // The News. December 12, 2000.
 18. Следующую оценку эволюции афганской политики Москвы дает А.Рик: талибы теперь рассматриваются ею не просто "как пугало", с помощью которого можно "держат в узде центральноазиатских лидеров", а как "серьезный вызов национальной безопасности, обнадеживающий исламских инсургентов во всей Центральной Азии, на Кавказе и даже в некоторых мусульманских автономных регионах в Российской Федерации" // Andreas Rieck. Defending a Lost Cause?
 19. Санкции дали талибам повод в очередной раз продемонстрировать свою непримиримость. В различных районах Афганистана организовывались митинги, на которых клеймились "антиисламские страны", прежде всего США и Россия // The Kabul Times. January 1, 2001. Роль России при этом особо подчеркивалась. В прокламации Кандагара в связи с 21-й годовщиной российского вторжения в Афганистан, санкции были названы "результатом гнусного заговора Москвы" (The Frontier Post. December 27, 2000).
 20. Из интервью журналистам РИА "Новости" и ИТАР-ТАСС. 2001. 17 января.
 21. Zahid Hussain. The Defiance Continues... // Newslines. February, 2001. P.35.
 22. Kaiser Bengali. Understanding Afghanistan under the Taliban // Dawn. January 23, 2001.
 23. Независимая газета. 2001. 18 апреля.
 24. Сами пакистанцы предпочитают не акцентировать на этом внимание, сознательно преуменьшая собственные возможности. Однако временами они "проговариваются". Так, в декабре 2000 г., во время визита в Пакистан делегации "тройки" ЕС во главе с заместителем министра иностранных дел Франции Д.Жираном, П.Мушарраф высказался по-военному прямо: режим ДТ может быть ликвидирован очень быстро, проблема лишь в том, чем его заменить.
 25. В апреле 1999 г. состоялся успешный визит в РФ премьер-министра Пакистана Н.Шарифа (смещенного спустя шесть месяцев в результате военного переворота). Стороны, в частности, зафиксировали свое взаимопонимание по острым проблемам терроризма, производства наркотиков и наркотрафика.
 26. Afzaal Mahmood. New Sino-Indian Equation // The Dawn. January 22, 2001.
 27. The News. December 3, 2000.
 28. Даже в годы "холодной войны" руководство КНР, по словам пакистанского исследователя Мир Джамиль-ур-Рахмана, в отличие от Москвы, "понимало дилемму Пакистана", который участвовал в стратегии "окружения коммунизма" лишь потому, что ему нужно было "укреплять свою оборону и вооруженные силы в противостоянии Индии" (Mir Jamil-ur-Rehman. Understanding the Russians // The News. November 11, 2000). Во время корейской войны Китай не допускал никаких выпадов в адрес Пакистана, хотя тот поддерживал действия войск ООН. Исламабад воздержался от направления в Корею своего военного контингента и оказался одной из первых некоммунистических стран, признавших Пхеньян (пакистанское посольство в Сеуле было открыто значительно позже).
 29. Из интервью В.А.Мутавакия журналистам РИА-Новости и ИТАР-ТАСС. 2001. 17 января.
 30. США — крупнейший по сравнению с другими странами "донор", направивший в 2000 г. в Афганистан гуманитарную помощь в размере 113 млн. долл.
 31. Из выступления 3 мая 2000 г. IPRI Factfile. May 9, 2000. No 6. P.4.
 32. James Sherr. The Global Context of Russian Policy // Keynote speech for International seminar "Confidence Building Measures between Pakistan, Russia and Central Asia".

К вопросу о китайско-афганских отношениях

© 2001

Ф. Хамраев

Со второй половины 2000 г. ситуация в Афганистане приобрела более определенно характеризующийся характер: в начале сентября наступавшими военными формированиями движением Талибан был захвачен г. Толукан — стратегически важный населенный пункт на севере страны, находившийся под контролем сил антиталибской коалиции. Отныне талибам принадлежал контроль над большинством районов страны, что, с одной стороны, вынудило некоторые страны региона еще более укреплять свои границы с Афганистаном, с другой — пойти на установление прямых контактов с движением Талибан. В этом контексте особый интерес, на наш взгляд, представляет позиция Китайской Народной Республики.

Прежде чем рассматривать отношение Китая к развитию ситуации в Афганистане, необходимо хотя бы коротко остановиться на некоторых вехах отношений двух стран.

После введения в декабре 1979 г. советских войск в Афганистан Пекин объявил эту страну "горячей точкой". В 1980 г. на 35-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Китай выдвинул три основных принципа решения афганской проблемы:

1. Советский Союз должен незамедлительно и без всяких условий вывести из Афганистана свои войска.
2. После вывода иностранных войск афганский народ должен сам решать свою судьбу.
3. Должен быть восстановлен статус Афганистана как неприсоединившегося государства.

На протяжении всего последующего периода, когда шла война в Афганистане с участием советского воинского контингента, Китай постоянно выступал за мирное урегулирование афганской проблемы и решительно осуждал позицию Москвы.

Новый этап в отношениях между Кабулом и Пекином начался после вывода в феврале 1989 г. советских войск из Афганистана. Китай сразу же заявил, что всем политическим силам этой страны следует путем мирных переговоров на широкой основе создать коалиционное правительство, которое было бы приемлемым для всех сторон. Афганистан, по мнению Пекина, должен быть восстановлен как мирное, независимое, нейтральное и неприсоединившееся государство. Эта позиция КНР была изложена министром иностранных дел Цянь Цичэнем в апреле 1989 г. на встрече с одним из лидеров сил сопротивления Гульбеждином Хекматиаром.

После падения режима Наджибуллы и учреждения в апреле 1992 г. временного правительства Афганистана китайско-афганские отношения были восстановлены практически в полном объеме. 29 июня 1992 г. на имя Б. Раббани от имени председателя КНР Ян Шанкуня была направлена поздравитель-

ная телеграмма в связи с его вступлением на пост президента Исламского государства Афганистан (ИГА). Однако по мере усиления гражданской войны официальные двусторонние контакты были сведены к минимуму, а в феврале 1993 г. китайское посольство было эвакуировано из Кабула по соображениям безопасности.

Тем самым начался новый этап двусторонних отношений, когда афганская проблема несколько отошла на периферию внешней политики КНР. Эта позиция выражалась не только в сведении к минимуму контактов с противоборствующими сторонами, но и в максимально скупом освещении происходивших в Афганистане событий китайскими средствами массовой информации. Пекин понимал, что война в стране затягивается на долгие годы, так что в таком подходе по-своему проявлялся прагматизм китайской внешней политики.

Более определенную заинтересованность в проблеме Афганистана Китай проявил лишь в 1996 г., в самый разгар гражданской войны. На заседании Совета Безопасности ООН, посвященном положению в Афганистане, представитель КНР посол Цзоу Хуасунь выдвинул предложения, направленные на урегулирование конфликта. Они сводились к следующему.

1. Прекратить огонь и создать все необходимые условия для мирного решения проблемы.

2. Под эгидой ООН или иной международной организации начать мирные переговоры. При этом в переговорном процессе необходимо принять участие представителям всех религиозных, этнических и политических сил страны.

3. Все страны должны незамедлительно прекратить поставки оружия в Афганистан и выполнять все соответствующие решения ООН.

Такую активизацию позиции Пекина можно объяснить тем, что он в принципе готов к рассмотрению любых вариантов развития транспортных коммуникаций, которые приблизили бы Китай к богатым стратегическим сырьем странам Ближнего и Среднего Востока. К тому же уже тогда прослеживался особый интерес Китая к богатейшим запасам энергоресурсов района Каспия, однако реальная перспектива для него на этот счет была далека от желаемой. Существует, на наш взгляд, и еще один фактор заинтересованности КНР в том, чтобы иметь в лице Кабула, кто бы ни пришел там к власти, стабильного партнера в международных отношениях и политике в данном регионе, — фактор, связанный с проблемой Синьцзяна.

В силу этих причин, очевидно, Китай стал одной из первых региональных держав устанавливать связи с правительством движения Талибан. Несмотря на существование "отношений стратегического партнерства и взаимодействия" с Москвой, Пекин стремится к усилению своей собственной самостоятельной роли и влияния в регионе, учитывая при этом и имеющиеся у него особые отношения с Пакистаном. Поэтому он, в соответствии со своей долгосрочной стратегией, не спешит — и никогда не будет спешить — с поддержкой тех или иных шагов дипломатии других держав, включая Россию, касающихся политики в этом субрегионе вообще и в Афганистане в особенности и направленных на укрепление их позиций.

Так, Китай в конце 2000 г. занял сдержанную позицию на переговорах и в контактах по поводу инициативы правительства США и России по организации дополнительных санкций ООН против талибов и воздержался при голосовании по этому вопросу в СБ ООН.

Для талибов после установления ими контроля над большей частью территории страны было чрезвычайно важно, чтобы их признало мировое сообщество и прежде всего "ядерная пятерка". Среди постоянных членов СБ ООН Китай ближе всех был к этому признанию, и Талибан демонстрировал, что готов идти на тесное сотрудничество с ним по самому широкому спектру вопросов.

В июне 2000 г. правительство талибов заверило Китай в том, что никому не позволит использовать афганскую территорию против КНР. Об этом, по

сообщениям информационных агентств, во время встречи в Исламабаде с представителем МИД Китая заявил представитель талибов в Пакистане Мухаммад Хаккани. Он отметил, что талибы имеют хорошие отношения с Пекином и намерены развивать их дальше. С китайской стороны М.Хаккани также было заявлено, что Китай, который активно помогал афганским моджахедам, окажет содействие в восстановлении Афганистана. Стороны договорились продолжить активный диалог.

Но не только морально поддержал Пекин талибов. В сентябре 2000 г. делегация китайских инженеров побывала в Афганистане с целью обсуждения конкретных вопросов, связанных с монтажом телефонной станции на 12 тысяч абонентов. И это был не первый акт помощи талибам китайских специалистов в области связи.

В сентябре же правительство КНР выделило 482 тыс. долл. США для оказания гуманитарной помощи афганским беженцам в Пакистане. Посол Китая в Исламабаде Лу Шулинь и пакистанский министр по делам Кашмира, северных провинций и границ Аббас Сарфаразхан подписали протокол о передаче для этих целей различных товаров, в том числе медикаментов, палаток и одежды. Эти товары были переданы комиссару по делам афганских беженцев правительства Исламской Республики Пакистан.

Правительство Китая в действительности заинтересовано в установлении мира и спокойствия в Афганистане. Оно прилагает усилия не только на двусторонней основе, но и в рамках известной группы "6+2" (которую, кстати, практически не признает движение Талибан). Например, во время визита в Пекин президента Таджикистана было подписано совместное заявление, где обе страны заявили, что группа "6+2" является единственным проверенным ООН механизмом, способным найти пути разрешения афганского конфликта, и что все страны-члены группы должны играть конструктивную роль в рамках ее деятельности. Выражая поддержку любым усилиям по урегулированию афганского конфликта, стороны отметили, что международному сообществу надлежит создавать конструктивную и благоприятную среду для процесса разрядки напряженности в Афганистане.

Первым среди заботящих Пекин вопросов отношений с режимом талибов является, безусловно, упоминавшаяся "проблема Синьцзяна", а именно — беспокойство китайских властей в связи с распространением исламского терроризма на западный регион КНР — Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР). Известно, что в составе талибов воевали и продолжают находиться в Афганистане несколько сот уйгуров, выходцев из Синьцзяна. Время от времени приходят сообщения, что по требованию Китая некоторых выходцев из СУАР афганские и пакистанские власти депортируют, а отдельных даже предадут смертной казни. И тем не менее, благодаря дороге Пешавар-Каракорум, связавшей Китай и Пакистан, поток нелегального перехода уйгуров из СУАР в соседнюю страну увеличивается. Этих людей поддерживают пакистанские группировки "Джамаат-и-Исмаили", "Таблиги-и-джамаат", "Ласкар-е-Тойба", которые имеют тесные отношения с талибами. Если к этому добавить, что китайские власти практически открыто обвинили движение Талибан в подготовке исламских террористов в период достаточно сильных волнений в СУАР в феврале-марте 1997 г., то станут более понятными мотивы Пекина в деле налаживания отношений с талибами. Какова будет динамика этих отношений, покажет время. Сегодня обе стороны заинтересованы в связях и сотрудничестве, ибо каждая из них решает при этом свои конкретные задачи.

Таким образом, Пекин превращается в одного из ключевых игроков в развитии событий внутри Афганистана и вокруг него. Такое положение сулит дальнейшее повышение роли Китая в этом регионе.

Становление межгосударственных киргизско-китайских отношений

© 2001

А. Асанова

Еще задолго до своего избрания на пост Президента Корейской Республики лауреат Нобелевской премии мира Ким Дэ Чжун сравнивал свою страну с маленькой креветкой, оказавшейся между двумя китами - Японией и Китаем. Киргизстан тоже подобен такой креветке, плывущей между двумя гигантами - Россией и Китаем.

Современная Корея уже перестала быть креветкой, которую может легко проглотить сосед - кит. Она превратилась в равноправного партнера, с позиций и интересами которого считаются и Япония, и Китай. Республика Киргизстан (РК) стремится идти тем же путем, поддерживая дружеские отношения со своими великими соседями и в то же время сохраняя и укрепляя свой суверенитет, свою политическую и экономическую самостоятельность.

Различные аспекты киргизско-российских отношений достаточно полно освещены в научной литературе. А вот о становлении равноправных межгосударственных отношений РК с КНР научных исследований явно недостаточно. Между тем история взаимоотношений народов двух стран является уникальной и во многом поучительной. Связи их уходят своими корнями в 2000-летнее прошлое. В киргизском народном эпосе «Манас» воспевались завоевательные походы киргизских воинов, овладевших в свое время и Пекином. Первое киргизское посольство прибыло в Китай в 648 г. в период правления могущественной династии Тан, а в борьбе против Джунгарского ханства в XVIII в. киргизские племена и Китай были союзниками. На исторических картах Китая еще не так давно многие территории, веками осваивавшиеся киргизами, изображались владениями Поднебесной. Китайские историки тщательно фиксировали и включали в династийные хроники факты кратковременных завоеваний и обладания местностью в древности, что приобретало статус исторического документа, говорили о распространении китайской государственности на западе вплоть до Российского Причерноморья. Сегодня неприкосновенность тысячекилометровой границы между РК и КНР подтверждена специальными соглашениями, подписанными их главами с учетом результатов работы по демаркации пограничной линии, осуществленной совместными усилиями той и другой стороны.

В многополярном мире, идея которого все больше утверждается в системе международных отношений, геополитическая роль таких стран, как Киргизстан, исключительна велика. Не располагая ни значительным населением, ни мощной экономикой, Киргизстан тем не менее может и должен оказать стабилизирующее влияние на международную обстановку не только в Центрально-Азиатском регионе, но и в других частях материка, в том числе в Южной Азии, на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. Для этого нужна ко-

ординация внешнеполитических усилий с соседними государствами, в том числе и такими крупными, как Китай, Индия и Россия.

Как известно, через Южную Киргизию проходил Великий шелковый путь, соединявший Европу с Дальним Востоком. После вхождения Киргизстана в состав Российской империи он стал опорным маршрутом в деле развития отношений России с южными и западными регионами Китая. Многочисленные научные и военно-топографические экспедиции, изучавшие части Китая, находящиеся за пределами Великой Китайской стены, осуществлялись с киргизской территории. При советской власти киргизско-китайское приграничье стало зоной дружбы народов двух крупнейших держав мира.

Получив независимость, Киргизстан продолжает традиции этой дружбы, стремясь препятствовать внешним силам использовать его территорию во вред соседним государствам, в том числе Китаю и России.

Дипломатия независимого Киргизстана, принятого в начале 1992 г. в ООН, используя помощь российской дипломатии, сразу же взяла курс на развитие равноправных добрососедских отношений РК с КНР. Для Киргизстана КНР — это не только ближайший великий сосед, но и страна, очень близкая по культуре, а если взять Западный Китай, то и по национальному составу. Населяющие Синьцзян уйгуры, казахи, киргизы — ближайшие родичи тяньшаньских киргизов, народы, объединенные с ними общей исторической судьбой. В северо-западных районах Китая проживают несколько сот тысяч киргизов, переселившихся туда с Тянь-Шаня и из Чуйской долины в периоды военных столкновений и революционных потрясений; многие из них имеют близких родственников в Киргизстане. Но и для Китая дружба с Киргизстаном очень важна. Через территорию РК проходят кратчайшие пути на Запад, горные массивы Киргизстана прикрывают западные границы Китая. Кладовая полезных ископаемых, которыми располагает Киргизстан, вполне может использоваться в интересах как киргизской, так и китайской экономики. Основным принципом внешней политики Киргизстана — строить добрососедские отношения с сопредельными государствами. Киргизстан — активный член СНГ — поддерживает двусторонние отношения с Индией, Японией, США, Пакистаном, Турцией, Ираном. С момента вступления в ООН страна уверенно идет путем гармоничной интеграции в мировое сообщество.

Основные приоритеты внешней политики Киргизстана изложены в Доктрине Президента Киргизской Республики А.А. Акаева, выступившего идеей возрождения Великого шелкового пути, связывавшего в течение тысячелетий торгово-экономическими, культурно-гуманитарными и политико-дипломатическими узами Восток и Запад, а также Север и Юг. Внешняя политика Киргизстана основывается на равноправном партнерстве, взаимозависимости, взаимной выгоде, долгосрочной перспективе и многовекторности развития международного сотрудничества.

На выбор внешнеполитических приоритетов естественным образом влияет геополитическое положение Киргизстана и Центральной Азии в целом, расположенной в зоне взаимовлияния двух великих держав — России и Китая с их богатейшим историческим, культурным, духовным и нравственным наследием, а также мощными экономическим и научно-техническим потенциалом.

Установление тесных добрососедских связей и контактов с ними обусловлено не только их политическим и экономическим весом в мировом сообществе, но и осознанием киргизстанцами такого важного фактора как духовная близость и общность исторических судеб народов наших стран. Внешняя политика Киргизстана призвана содействовать дальнейшему сближению Китая и России, устранению тех исторических наслоений, которые мешают возрождению традиционной дружбы и сотрудничества двух мировых держав. Дальнейшее развитие отношений с двумя великими соседями связано со стратегическими интересами самого Киргизстана. Россия и Китай, входящие в чис-

ло учредителей Организации Объединенных Наций, твердо и последовательно выступают в поддержку укрепления авторитета и миротворческой роли ООН как гаранта всеобщей безопасности. А это крайне необходимо для самостоятельного существования Киргизстана.

На рубеже нового тысячелетия Киргизстан стремится формировать долгосрочные, стабильные и предсказуемые взаимосвязи с Китайской Народной Республикой, взаимовыгодные и полезные обеим сторонам, что в современных международных условиях имеет стабилизирующее значение для всего Центрально-Азиатского региона.

Стратегия Китая в Центральной Азии

Позицию Китая четко и недвусмысленно обозначил премьер Госсовета Ли Пэн во время поездки в Ташкент в апреле 1994 г. Он назвал четыре основных направления развития связей с центрально-азиатскими странами: 1) у КНР и центрально-азиатских республик много общих интересов, которые могут стать основой дружественных отношений; 2) развитие сотрудничества КНР со странами Центральной Азии не направлено против третьих стран; 3) у Китая нет намерений конкурировать в этом регионе с Россией; 4) у КНР в Центральной Азии нет корыстных интересов, и она не угрожает центрально-азиатским государствам.¹ Выступая в Ташкенте, Ли Пэн заявил, что «отношения между Китаем и странами Центральной Азии вступили в новый этап». «Мы хотим, — продолжал он, — чтобы центрально-азиатские государства жили в согласии и развивали дружественные отношения со всеми странами, в том числе с Россией и другими странами СНГ».²

Интерес Китая к Центрально-Азиатскому региону возрастает. В Пекине видят большие перспективы всесторонних связей с пятью государствами Центральной Азии, а также рассматривают этот регион как важное звено евразийских транспортных коммуникаций. Китай, указывают китайские эксперты, придерживается шести основных установок при сотрудничестве с государствами Центральной Азии³:

- исходить из принципов равноправия и учета взаимных интересов, вести дела в соответствии с экономическими закономерностями. Китайская сторона считает, что взаимная доступность, выгода и создание благоприятных условий должны быть положены в основу экспортно-импортных операций; торговые сделки надлежит осуществлять в установленном порядке;

- следует всячески разнообразить формы сотрудничества. Бартерную торговлю необходимо постепенно переводить на расчеты в наличной валюте и совершенствовать систему банковских расчетов. Китай одобрительно относится к развитию экономического сотрудничества пяти стран Центральной Азии с его провинциями и городами;

- исходя из реальной обстановки, уметь использовать местные сырьевые источники и преимущества местных материалов, их конкурентоспособность, выявлять потребности рынка, степень надежности партнера, возможности крупных предприятий;

- совершенствовать транспортные коммуникации, прокладывать новые «шелковые пути», общими усилиями использовать на благо народов различных стран существующие транспортные коммуникации, связывающие Европейский и Азиатский материки;

- рассматривать незначительную ныне экономическую помощь Китая центрально-азиатским странам как проявление дружеских чувств;

- всемерно развивать приграничное сотрудничество с каждой из стран Центральной Азии и тем самым способствовать общему развитию.

Политическое сотрудничество

На начальном этапе развития отношений с КНР киргизская сторона основное внимание уделяла их международно-правовой базе, а также установлению контактов с КНР на высоком политическом уровне. После провозглашения Киргизстаном государственной независимости 27 декабря 1991 г. правительство Китая одним из первых в мире признало этот исторический факт. 5-6 января 1992 г. Киргизстан посетила с официальным визитом правительственная делегация КНР во главе с министром внешних экономических связей и внешней торговли Китая Ли Ляньнином (его сопровождал заместитель министра иностранных дел Тянь Цзэнпэй). В результате визита были подписаны важные документы, открывающие новую страницу в киргизско-китайских взаимоотношениях: коммюнике об установлении дипломатических отношений между двумя государствами и торгово-экономическое соглашение. В коммюнике констатировалось, что Киргизстан и Китай согласились развивать отношения дружбы и сотрудничества на основе принципов взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, а также мирного сосуществования. Киргизстан признавал, что Правительство КНР является единственным законным Правительством Китая и что Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая. Правительство РК подтверждало, что оно не будет устанавливать с Тайванем официальных отношений. Правительство КНР поддерживало усилия Правительства РК, направленные на защиту национальной независимости и развитие экономики.⁴

На пресс-конференции по итогам визита Ли Ляньнин сравнил достигнутое в ходе визита с первыми шагами на пути начавшегося великого похода друг к другу и отметил: «КНР искренне поддерживает обретение Киргизстаном независимости, его стремление стать членом ООН, серьезно заинтересована в развитии всесторонних отношений с соседней республикой в самых различных областях жизни. Но поскольку в одночасье добиться этого попросту невозможно, то приоритет на первоначальной стадии отдан торгово-экономической сфере. Ликвидация центра, через который до недавнего времени осуществлялись все названные контакты, открывает новые возможности для решения принципиальных вопросов». Он указал также, что «КНР строго придерживается принципа невмешательства в дела других стран, предполагает аналогичную политику и с их стороны. Каждый народ волен сам выбирать себ идеологию, социальный строй и путь развития, и это ни в коей мере не должно становиться камнем преткновения в налаживании нормального, цивилизованного взаимодействия».⁵

В 1992 году правительство КНР приняло решение об открытии посольства КНР в Киргизстане. В мае 1992 года первый посол КНР в КР Пань Чжанлинь вручил верительные грамоты первому Президенту Киргизской Республики А. Акаеву. 31 августа 1993 года состоялось официальное открытие посольства Киргизстана в Китае. Первым послом Киргизстана в Китае был назначен бывший советник посольства СССР в КНР М. Иманалиев, ныне министр иностранных дел Киргизской Республики.

В ходе взаимных визитов на уровне глав государств, руководителей правительств и министерств Киргизстана и Китая стороны определили формат взаимоотношений: развитие и укрепление долговременных и стабильных отношений добрососедства на основе принципов взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования и других общепризнанных норм международного права.

Важным событием в новой истории двусторонних связей между РК и КНР стал первый после установления дипломатических отношений между

двумя странами официальный визит главы Киргизстана А. Акаева в Китай, с 12 по 16 мая 1992 года. Президент Киргизстана провел переговоры с Председателем КНР Ян Шанкунем, генеральным секретарем ЦК КПК Цзян Цзэмином, Премьером Госсовета Ли Пэном, в ходе которых состоялся обмен мнениями по вопросам двусторонних отношений и международным проблемам. Во время переговоров премьер Госсовета Ли Пэн заявил: «Китай придает большое значение развитию отношений дружбы и сотрудничества с Киргизстаном. Китай готов поддерживать равноправные взаимовыгодные связи с государствами СНГ и придает большое значение среднеазиатскому региону».⁶ Ли Пэн высказался за развитие торгово-экономических связей между двумя странами, которые, начиная с приграничной торговли, носят взаимодополняющий характер.

Итогом встреч и переговоров в Пекине, проходивших в деловой и плодотворной атмосфере, стало подписание ряда важных документов, предусматривающих конкретные меры по активизации сотрудничества между двумя странами: соглашение о сотрудничестве в области туризма, соглашение о сотрудничестве между министерством народного образования РК и государственным комитетом КНР по делам образования на 1992 – 1994 гг.; подписаны протоколы: о сотрудничестве в области здравоохранения и медицинской науки между министерствами здравоохранения РК и КНР, о сотрудничестве между государственным телерадиоагентством РК и радио и телевидением КНР, о сотрудничестве между МИД РК и МИД КНР (стороны договорились о порядке проведения консультаций между внешнеполитическими ведомствами двух стран по международным проблемам). Была также достигнута договоренность об открытии прямого воздушного сообщения между Бишкеком, Пекином и административным центром Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР городом Урумчи. Во время этого визита китайская сторона предоставила Киргизстану льготный товарный кредит в размере 30 млн. юаней, в первую очередь на товары повседневного спроса – продукты питания, в том числе рис, сахар и чай.

На пресс-конференции в Пекине А. Акаев заявил: «Киргизстан хотел бы стать одним из связующих звеньев между Востоком и Западом, чтобы возродить традиции древнего Великого шелкового пути, используя новые возможности и современные транспортные коммуникации. В частности, в республике развернулась работа по реконструкции автомобильных дорог, связывающих Центральную Азию с Китаем, Пакистаном и Индией. Киргизстан проявляет большой интерес к опыту экономических реформ в Китае, в частности к практике создания специальных экономических зон»⁷. Во время визита А.Акаев посетил Шэньчжэнь – особую экономическую зону на юге Китая, где создано более 4 тысяч совместных предприятий с участием китайского и иностранного капитала.

Побывав на совместном китайско-японском предприятии «Сайка-Хиттачи» по выпуску телевизоров и электронных приборов и китайско-голландском предприятии «Сенаэль», изготавливающем лазерные диски, А.Акаев отметил: «Шэньчжэнь – мощный локомотив, которому суждено потянуть состав, способный вывести Китай в разряд самых передовых стран мира. И мы не теряем надежду, что и Киргизстан подключится к этому составу, ибо по примеру Китая в Киргизстане тоже созданы две свободные экономические зоны – Иссык-Кульская и Ошская, расположенные на границе с Китаем. У нас есть сырье, квалифицированные рабочие руки, законы, которые являются самыми льготными для привлечения иностранных инвестиций, у Китая – технология «ноу-хау», опыт работы в свободных экономических зонах».⁸ Киргизстан и Китай договорились о том, что китайские специалисты помогут Киргизстану в развитии этих зон, в частности, в таких областях, как сельское хозяйство и переработка сельхозпродукции.

По итогам визита было принято совместное киргизско-китайское коммюнике. «Киргизстан и Китай, — говорилось в нем, — рассматривают друг друга как дружественные государства и считают, что установление в январе 1992 года дипломатических отношений между двумя странами отвечает чаяниям и интересам народов обоих государств, способствует сохранению мира и стабильности в Азии и не направлено против третьих стран».⁹ Стороны также выразили желание провести переговоры по вопросам сокращения вооруженных сил и мерам доверия в районе киргизско-китайской границы. Они условились также, что соответствующие компетентные органы двух государств будут сотрудничать в борьбе с организованной преступностью, международным терроризмом, наркобизнесом и контрабандой. Переговоры выявили близость позиций двух стран по основным проблемам современности — миру и развитию, разоружению, предотвращению гонки вооружений, недопустимости проявления гегемонизма в международных делах.

Взаимосвязи между странами значительно укрепились в результате визита в Бишкек премьера Госсовета Ли Пэна с 22 по 25 апреля 1994 г. Этот визит знаменовал собой завершение периода узнавания друг друга и открыл новый этап углубления и расширения взаимовыгодного сотрудничества. В ходе него были подписаны экономические соглашения, соглашение о культурном сотрудничестве, протокол об обмене грамотами о ратификации консульского договора между КР и КНР. Ли Пэн в ходе беседы заявил: «Китай выступает за тесные отношения Киргизстана с Россией, другими странами СНГ. Мы понимаем, что взаимосвязи между вашими народами нельзя разорвать. Китай не стремится заполнить какой бы то ни было вакуум в результате распада СССР, однако выступает против любых проявлений шовинизма».¹⁰

Встречи глав соседних государств приобретают постоянный характер. В 1998 г. состоялся очередной визит в КНР Президента А. Акаева. Прошли его встречи с Председателем КНР Цзян Цзэмином, председателем ПК ВСНП Ли Пэном, премьером Госсовета Чжу Жунци. Китайский премьер предложил наладить в г. Оше крупномасштабное производство насосов, организовать производство мини-тракторов совместно с одним из киргизских машиностроительных заводов. Во время встречи обсуждались вопросы совершенствования общей законодательной основы для долгосрочного сотрудничества.

Главным итогом стала Совместная декларация между КР и КНР о дальнейшем развитии и углублении сотрудничества между двумя странами.¹¹ Основные положения этого документа подтверждают приверженность принципам, зафиксированным в совместном коммюнике об установлении дипломатических отношений между КР и КНР от 5 января 1992 г. В документе отмечается, что Киргизстан и Китай будут продолжать поддерживать многосторонний политический диалог на различных уровнях, соблюдать Соглашение между КР и КНР о государственной границе от 4 июля 1996 г. и приступят к демаркационной работе и установлению пограничных знаков на согласованных участках. Стороны обязались в полной мере использовать географические преимущества и взаимодополняемость своих экономик, поощрять и поддерживать компании и предприятия двух стран в деле установления прямых связей с целью увеличения взаимных инвестиций и осуществления разнообразного экономического сотрудничества. Приоритет намечено отдавать развитию взаимовыгодного сотрудничества в следующих областях: разведка и освоение месторождений полезных ископаемых, энергетика, цветные металлы, текстиль, производство электроаппаратуры и сельское хозяйство; проводить совместные исследования по проблемам передачи электроэнергии друг другу и транзита электроэнергии КР через КНР в третьи страны; развивать и совершенствовать транспортные (автомобильные, железнодорожные, авиа) коммуникации между двумя странами, укреплять сотрудничество в области охраны окружающей среды, поддерживать контакты и сотрудничество между приграничными районами двух

стран. Стороны намереваются укреплять сотрудничество в осуществлении правосудия в сфере борьбы против международного терроризма, международной организованной преступности, перевозок и контрабанды оружия, наркобизнеса, экономического вымогательства и других видов преступлений. В документе отмечается, что Киргизстан и Китай выступают против национального сепаратизма в какой бы то ни было форме, не допустят осуществления на своей территории какими-либо организациями и силами сепаратистской деятельности, направленной против другой стороны, и будут укреплять сотрудничество в этой области. РК вновь подтвердила, что КНР является единственно законным правительством Китая, а Тайвань является неотъемлемой частью Китая. В декларации Киргизстан и Китай также выразили готовность укреплять консультации и сотрудничество по вопросам, представляющим обоюдный интерес в рамках ООН и других международных организаций, прилагать обоюдные усилия к установлению мирного и стабильного, справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка, к защите мира во всем мире и содействию общему развитию человечества. В документе отмечается, что Китай поддерживает и одобряет усилия Киргизстана по укреплению региональной стабильности и региональному сотрудничеству, в свою очередь Киргизстан высоко оценивает усилия Китая в деле укрепления взаимного доверия и взаимовыгодного сотрудничества с соседними государствами.

Киргизско-китайские двусторонние отношения имеют свою особенность, связанную с вопросами, касающимися общей границы. В обеих странах пограничным вопросам придается первостепенное значение.

4 июля 1996 г. во время официального визита Председателя КНР Цзян Цзэминя в Бишкек между КР и КНР было подписано Соглашение о киргизско-китайской государственной границе. Руководители Киргизстана и Китая позитивно оценили результаты, достигнутые на переговорах по киргизско-китайскому участку границы; было решено продолжить обсуждение нерешенных пограничных вопросов на основе принципов международного права, взаимного уважения и поиска компромиссов. Стороны договорились приступить к демаркационной работе и установлению пограничных знаков на согласованных участках.

После распада СССР на границе с Китаем образовалось сразу четыре государства – Россия, Киргизстан, Казахстан и Таджикистан. Главы пяти приграничных государств 26 апреля 1996 г. подписали в Шанхае Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы в целях поддержания и развития долговременных отношений добрососедства и дружбы, укрепления безопасности, сохранения спокойствия и стабильности в районе границы между пятью государствами. Оно явилось важным вкладом в поддержание мира в Азиатско-Тихоокеанском регионе, подтвердив взаимное обязательство о неприменении силы или угрозы силой и отказ пяти соседних государств от получения одностороннего военного превосходства. В развитие этого соглашения участники «шанхайской пятерки» 24 апреля 1997 г. заключили в Москве Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. Эти Соглашения могут служить моделью достижения регионального мира, безопасности и стабильности в международных отношениях конца 20 века.

Саммиты проходят ежегодно в каждой из столиц «пятерки». В Бишкеке заседание «Шанхайской пятерки» состоялось в 1998 г. Бишкекский саммит подтвердил принципы поддержания стабильности в Азии. В Бишкекской декларации глав государств «шанхайской пятерки» стороны выразили уверенность в перспективах дальнейшего расширения сотрудничества в сфере безопасности и углубления многостороннего взаимодействия в других областях.¹² Стороны отметили важность эффективного противодействия международному терроризму, незаконному обороту наркотиков и психотропных веществ, контрабанды оружия, нелегальной миграции и других форм трансграничной пре-

ступной деятельности, проявлениям национального сепаратизма и религиозного экстремизма. Они договорились осуществлять меры по практическому взаимодействию для борьбы с этими негативными явлениями. Далее в декларации отмечалось, что стороны поддерживают усилия стран Центральной Азии по созданию зоны, свободной от ядерного оружия, созыв Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, а также приветствуют предложения и шаги других заинтересованных государств, нацеленные на расширение многостороннего регионального диалога по укреплению безопасности и сотрудничества. Было подчеркнуто, что многополярность является общей тенденцией развития современного мира и способствует долговременной стабильности международной обстановки.

Стороны также поддержали основные положения доктрины Президента КР А. Акаева «Дипломатия Шелкового пути» о возрождении его на современном уровне международного сотрудничества в интересах устойчивого экономического развития, укрепления мира и стабильности в регионе. Была положительно оценена инициатива Киргизстана о проведении в Бишкеке мирной конференции по Афганистану под эгидой ООН. Говоря об итогах встречи в Бишкеке, А. Акаев отметил: «Страны «Шанхайской пятерки» прилагают активные усилия для сохранения мира и стабильности в регионе. И они достигли заметных успехов. Соглашения об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы продемонстрировали всему миру способность наших государств мирным путем на основе взаимного уважения и уважения национальных интересов решать самые сложные и delicate вопросы наших отношений».¹³ Касаясь экономических приоритетов, А. Акаев сделал акцент на том, что «доминирующей задачей является развитие инфраструктуры транспорта в целом, которая способствовала бы интеграции региона в систему мировых коммуникаций и способствовала бы более интенсивному экономическому взаимодействию между нашими странами».¹⁴

На последнем саммите «Шанхайской пятерки» в июне 2000 г. в г. Душанбе было подписано трехстороннее Соглашение между Республикой Таджикистан, КНР и Киргизстаном о точке стыка государственных границ трех стран. Пик Хан-Тенгри, с 1960-х годов являвшийся объектом споров между СССР и Китаем, согласно этому соглашению принадлежит Киргизстану. Тем самым, как отметил министр иностранных дел Киргизской Республики М.С. Иманалиев, юридическое оформление границ Киргизской Республики с Таджикистаном и Китаем полностью завершено: «На карте рубежи прочерчены, осталось провести демаркацию непосредственно на земле».¹⁵ Таким образом, работа в рамках «Шанхайской пятерки» дала возможность Киргизстану впервые за долгую историю установить государственную границу с Китаем в соответствии с нормами международного права.

Торгово-экономическое сотрудничество

Развитие торгово-экономических связей между Киргизстаном и Китаем определяется рядом объективных факторов.

Киргизстан и Китай заключили соглашения, создающие определенные условия для развития торгово-экономических связей, в том числе в 1992 г. межправительственное соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве (предоставление друг другу режима наибольшего благоприятствования в отношении таможенного обложения импортных и экспортных товаров двух стран, прочих налогов, правил таможенного регулирования, а также осуществления таможенных процедур), соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений.

В 1992 г. товарооборот Киргизстана с Китаем увеличился по сравнению с 1990 г. в три раза и в 1993 г. достиг 102 млн. 600 тыс. долларов, причем в

торговле преобладали бартерные сделки. Киргизстан в Китай экспортировал черные металлы, минеральные удобрения, лесоматериалы, автомашины, взамен Киргизстан ввозил продукты питания, товары народного потребления.¹⁶ В 1994 г. получила определенное развитие практика создания совместных предприятий. В 1994 г. из 234 таких предприятий на территории Киргизстана 75 (т.е. 1/3) были киргизско-китайскими: среди них Кара-Балтинская фабрика по производству лапши мощностью до 10 тыс.т. в год, киргизско-китайское трикотажное СП «Тянь-Нэ» при АО «Илбирс», киргизско-китайское СП в г. Токмаке по производству кондитерских и макаронных изделий по китайской технологии, фабрики по первичной переработке шерсти, изготовлению цукатов, провяке и увеличению цветных негативов и фотографий и др. Продукция фабрики по производству лапши пользуется большим спросом не только в Киргизстане и у его соседей, в России. В сфере обслуживания в Бишкеке было открыто два китайских ресторана.

В 1992 г. в ходе визита премьер-министра Киргизстана Т.Чынгышева в СУАР КНР были подписаны соглашения о строительстве и реконструкции автомобильных дорог Нарын – Торугарт – Кашгар и Каракол – Бедель – Аксу, а также об установлении воздушных чартерных рейсов на линиях Бишкек – Урумчи – Бишкек, Ош – Урумчи – Ош, Урумчи – Бишкек – Урумчи и Урумчи – Ош – Урумчи. Были также достигнуты договоренности о поставке электроэнергии из Киргизстана в СУАР, совместном сооружении объектов электроэнергетики, о комплексном использовании вод рек Сары-Джаз и Ак-Су, расширении взаимобменом, культурного сотрудничества.

В ходе визита в Бишкек в 1994 г. премьера Госсовета Ли Пэна были заключены соглашение о кредите на 50 млн. юаней на строительство фабрики по производству бумаги, соглашение о создании межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, соглашение о сотрудничестве между торгово-промышленной палатой Киргизстана и китайским комитетом содействия развитию международной торговли. Китай также выразил готовность поставить Киргизстану в рамках гранта медикаменты на сумму 1,5 милл. юаней.

Киргизстан стремится развивать сотрудничество не только с СУАР и приграничными районами, но и с приморскими районами Китая. Осенью 1995 г. в г. Шанхае был подписан меморандум между правительством Киргизстана и народным правительством Шанхая.¹⁷ В документе указывалось, что стороны будут активно поддерживать торгово-экономическое сотрудничество между государственными структурами и предпринимательскими кругами, а также сотрудничество в сфере промышленности, создании совместных промышленных предприятий и производств, взаимно поощрять капиталовложения, развивать связи и сотрудничество в области науки, образования, культуры, физкультуры и спорта, содействовать проведению технического обмена и сотрудничества в сферах бюджета, банковского дела, налоговой политики, налогового управления и контроля.

В 1996 г. было заключено межправительственное соглашение об открытии пунктов пропуска на государственной границе и их режиме. Стороны решили открыть международный пункт пропуска «Иркештам» (Киргизстан) – «Иркештам» (Китай) для осуществления прохода через границу граждан, грузов, транспортных средств КР и КНР, а также третьих стран.

Во время визита премьер-министра РК А. Джумагулова в 1997 г. в Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР была достигнута договоренность о совместной разведке нефтяных, газовых запасов Киргизстана, а также по освоению запасов золота и сурьмы на его территории, которые считаются весьма перспективными.¹⁸

В мае 1998 г. открыто регулярное воздушное сообщение между Бишкеком и Пекином (самолеты летают один раз в неделю), что с учетом облегчения визового режима между РК и КНР способствовало росту деловых обменов за-

интересованных кругов. Открытие для самолетов РК китайских воздушных коридоров позволило сократить время полетов до Пекина и Сеула почти в 2 раза.

В ноябре 1997 г. состоялось подписание трехстороннего соглашения по строительству железной дороги Андижан – Джалал-Абад – Казарман – Торугарт – Кашгар, в котором участвуют три государства: Киргизстан, Узбекистан и Китай. Общая протяженность дороги – 440 км, в пределах Киргизстана – 310 км. Строительство одного километра обойдется, по предварительным расчетам, в 6 миллионов долларов, т.е. на территории Киргизстана предполагается израсходовать 1860 млн. долл. США.¹⁹ Этот проект очень важен для государств Центральной Азии, не имеющих выхода к морям и в новых экономических условиях ведущих поиски выхода на мировой рынок, так как облегчит их связи с Китаем, Пакистаном, Индией.

Для Киргизстана роль и значение этой дороги особенно велики. Во-первых, ее участок, проходящий по его территории, сокращает железнодорожное сообщение между севером и югом республики с 1500 км до 400 км. Во-вторых, облегчается доступ к разработкам ценных полезных ископаемых: золоту, полиметаллам, месторождениям угля. Новая железнодорожная линия станет своеобразной альтернативой трассе Бишкек – Ош, будет способствовать более рациональному использованию гидроэнергоресурсов Нарынского каскада и в конечном итоге открывает для страны выход к Тихому океану.

В целом, к концу 90-х гг. киргизско-китайское экономическое сотрудничество достигло значительных успехов. Объем торговли между двумя странами увеличился более чем в 10 раз. Как торговый партнер Китай для Киргизстана стоит на 4-м месте, уступая России, Казахстану и Узбекистану.²⁰

Факты подтверждают, что создана хорошая договорная основа для успешного сотрудничества между двумя странами в торгово-экономической сфере. Однако на практике имеются определенные препятствия: поскольку обе они являются развивающимися и проводят внутренние реформы, то испытывают недостаток в капиталовложениях и пока не могут вкладывать большие средства в крупные и перспективные проекты. Кроме того, министерства и соответствующие ведомства Киргизстана не всегда проявляют достаточную активность в реализации достигнутых договоренностей. В определенной мере мешает интенсификации киргизско-китайских торгово-экономических связей в современных формах и высокая доля бартерных операций частных фирм, которые занимаются реэкспортом товаров из стран СНГ.

Культурно-гуманитарное сотрудничество

Отношения в области культуры между КР и КНР строятся на основе соглашений о культурном сотрудничестве, подписанных в 1993 и 1994 гг. Действует соглашение о партнерстве между министерствами культуры Киргизстана и Китая. В октябре 1997 г. состоялся визит в Киргизстан делегации госкомитета по делам образования КНР, целью которого было укрепление связей в области образования и просвещения. Налаживается обмен студентами и аспирантами, а также становятся регулярными контакты между вузами и научными учреждениями.

В апреле 1992 г. создано общество дружбы «Киргизстан – Китай». В сентябре 1992 г. в республике побывала делегация Всекитайского общества дружбы с зарубежными странами во главе с первым заместителем председателя общества Чэнь Хаосу. Руководители и члены общества «Киргизстан – Китай» приняли ряд делегаций из КНР, в частности из Института по изучению Восточной Европы и СНГ при Госсовете КНР, Института международных отношений МИД КНР, научных работников, изучающих Центральную Азию.

Председатель общества академик Т.Койчуев отметил: «Сегодня наше внимание все более пристально обращается на современный опыт экономиче-

ских реформ в КНР. И это понятно. Болезненный и неоднозначный ход экономических и политических преобразований в независимых государствах, ранее составлявших СССР, побуждает всматриваться в достижения великого соседа, поскольку история наших стран, к счастью и несчастью одновременно, имеет гораздо больше общего, чем это кажется на первый взгляд».²¹

В 1993 г. в городе Артуше Киргизской автономной области в составе СУАР КНР было открыто представительство Ошского совета по туризму и экскурсиям, занимающееся приемом туристов из южных областей Киргизстана. Здесь также действует сеть закупочных предприятий, ресторан, магазины, торгующие продукцией киргизстанских предприятий. В связи с открытием дороги Ош – Иркештам – Китай достигнута договоренность принимать туристов из соседних стран по безвалютному обмену.

Поскольку в северных районах КНР проживает более 140 тысяч киргизов, Киргизстан и Китай договорились обмениваться телевизионными и радио-программами.

Киргизско-китайскому сотрудничеству сегодня благоприятствует многое: между двумя соседними государствами нет спорных политических проблем, нет элементов идеологического противостояния, решен в целом пограничный вопрос, создан механизм регулярных контактов на уровне глав государств и правительств, развиваются связи во всех областях. Киргизско-китайские отношения за эти годы получили достаточно динамичное развитие, и подписанные между двумя государствами более 50 договоров и соглашений открывают хорошие перспективы для их дальнейшего продвижения вперед, если стороны будут прилагать к этому максимальные усилия.

1. Информационный бюллетень агентства Синьхуа. 1994. 29 апреля.
2. Рахманин О.Б. К истории отношений РСФСР, СССР, РФ с Китаем 1917 – 1997. М.: РАН ИДВ, 1997. С.113.
3. Чан Цин. Торгово-экономическое сотрудничество Китая с пятью государствами Центральной Азии: Исследования социального развития Европы и Азии – 98. Пекин. №7. С.77-87. (На кит. яз).
4. Текущий архив МИД КР. Бишкек, 1992.
5. Начало великого похода // Слово Кыргызстана. 1992. 7 января.
6. Там же.
7. Президент Кыргызстана А.Акаев в Китае // Слово Кыргызстана. 1992. 16 мая.
8. Там же.
9. Текущий архив МИД КР. Бишкек, 1992.
10. Кыргызстан – Китай: нас объединяют века и горы // Слово Кыргызстана. 1994. 26 мая.
11. Текущий архив МИД КР. Бишкек, 1998.
12. Бишкекская декларация глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Киргизской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан // Российская газета. 1999. 4 сентября.
13. Акаев. А. Россия и Китай – важнейшие гаранты мира // Российская газета. 1999. 4 сентября.
14. Там же.
15. Шанхайский форум: все только начинается // Мээрим. 2000. №11. С.30.
16. Слово Кыргызстана. 1994. 19 апреля.
17. Текущий архив МИД КР. Бишкек, 1995.
18. В Кыргызстане появится нефть и дорога к морю // Слово Кыргызстана. 1997. 10 сентября.
19. Нашли точку соприкосновения // Слово Кыргызстана. 1997. 6 ноября.
20. Страна с страной говорит // Слово Кыргызстана. 1998. 5 мая.
21. Опыт великого соседа для нас поучителен // Слово Кыргызстана. 1992. 30 сентября.

Экономика

Создание системы современных предприятий в Китае: теория и практика

© 2001

Хоу Цзиньгуан

14 ноября 1993 г. на третьем пленуме ЦК КПК 14-го созыва официально был утвержден тезис о том, что основой системы социалистической рыночной экономики должна стать система современных предприятий при доминирующем положении общественной формы собственности.

Создание системы современных предприятий в Китае сегодня - это результат поисков в ходе реформы госпредприятий. Высказывались разные взгляды на то, как понимать "систему современных предприятий". Некоторые считали, что это - система компании и что реконструкция госпредприятий должна проводиться по модели функционирования компаний; другие полагали, что это - система юридических лиц; третьи - что это означает четкое определение имущественных прав путем проведения приватизации; четвертые считали, что этого можно достичь путем создания системы акционирования (позиция известного экономиста Ван Цзюе в частности)¹.

В настоящее время большинство экономистов в Китае признает, что "система современных предприятий" не является чем-то жестко заданным, а представляет собой общее название необходимости осуществления совокупности структурных реформ, относящихся к разным аспектам функционирования предприятий, а именно: современная организация, совершенное руководство и управление предприятиями, система финансов, кадровая и трудовая система, законодательная база, система социального обеспечения, предусматривающая изменение отношений между правительством и предприятиями и так далее.

Другими словами, система современных предприятий должна соответствовать требованиям современной рыночной экономики. Она включает в себя критерии и модели поведения, которые регулируют разные виды отношений в условиях современной рыночной экономики (между правительством и предприятиями, предприятиями и государством как инвестором, предприятиями и обществом, между самими предприятиями, предприятиями и работниками).

Считается, что институт компании представляет собой главную форму организации современных предприятий, хотя и не единственную.

В целом признано, что в системе современных предприятий следует выделить четыре характерных особенности:²

1. Четкое определение имущественных прав. Оно состоит в том, чтобы основные имущественные отношения между государством как инвестором в

форме предоставления компании госимущества предприятия и предприятиями регулировались рыночным законодательством.

2. Четкое разграничение прав и ответственности. Это означает, что права, ответственность и обязанности в отношении имущества предприятий регулируются рыночным законодательством и совершенствуется система хозяйствования предприятия как юридического лица. Следует отметить, что институт компаний, система юридического лица предприятия и система ограниченной ответственности — три важных фактора в организации системы современных предприятий.

3. Разделение функций администрирования и хозяйствования. Надо создать новый тип взаимоотношений между администрацией и предприятиями, который соответствовал бы духу системы социалистической рыночной экономики и основывался на четком разграничении имущественных прав. К примеру, решение проблем социальной сферы на госпредприятиях государство постепенно должно взять на себя. Другое дело, что предприятие и его работники должны делить это бремя с государством.

4. Научные методы управления. Следует органично сочетать реформу и совершенствование управления предприятиями, усилить внутреннее управление на предприятиях и сформировать целый ряд положений системы управления на основе четкого определения имущественных прав, четкого разграничения прав и ответственности, разделения функций администрирования и хозяйствования.

Вырабатываемая концепция современных предприятий в конечном итоге направлена на решение целого ряда актуальных проблем, существующих у госпредприятий.

Во-первых, в системе планово-командной экономики госпредприятия являются подведомственными правительству. В вопросе об основных имущественных отношениях собственника и предприятий до сих пор существует неясность. Теоретически в компании государство является инвестором государственного имущества предприятия, но на конкретном предприятии нет персонализированного субъекта инвестиций, любое правительственное ведомство как бы имеет право акционера госпредприятия. Различные правительственные ведомства и учреждения разного уровня требуют учета своих, особых, интересов, что ведет к большим непроизводственным расходам и увеличению себестоимости продукции. В условиях рынка это оказывает негативное влияние и на эффективность использования государством своих прав акционера. Поэтому необходимо четко определить права и ответственность субъекта инвестиций государственного имущества, а это — самое трудное в процессе создания системы современных предприятий.

Вне сомнения, первоочередной задачей является рациональное разделение, согласно "Закону о компании", прав и ответственности между правительством и предприятиями, как собственником государственного имущества и органом, осуществляющим управление этим имуществом в условиях рынка. Необходимо создавать компании, контрольный пакет акций которых находится у государства, выступающего в роли акционера-поставщика капитала госимущества предприятия. Однако государство не должно осуществлять функции социально-административного управления. Необходимо превратить отношения между поставщиками капитала госимущества предприятиям и самими предприятиями во взаимоотношения между поставщиком капитала и предприятием как юридическим лицом, то есть во взаимоотношения акционера и компании.

Государство представляет компании свое имущество, выступает как субъект инвестиций; согласно закону, выступая в качестве инвестора, оно получает свою долю в прибылях и несет ограниченную ответственность в пределах суммы инвестиций. В то же время необходимо утвердить систему юриди-

ческого лица предприятия. Юридическое лицо имеет полные права в отношении имущества юридического лица и отвечает за самостоятельное хозяйствование и самокупаемость в соответствии с правом на имущество юридического лица.

Во-вторых, в соответствии с суммой инвестиций государство как инвестор и предприятие имеют разные права акционера и несут различную ограниченную ответственность по долгам предприятий. Правительство как инвестор госимущества предприятий должно отказаться от "материнского инстинкта" — от заботы о госпредприятии, от политики "мягкого" бюджета для госпредприятий, то есть не брать на себя неограниченную ответственность по долгам госпредприятий; вместе с тем как инвестор правительство лишается права прямого участия в конкретной деятельности предприятия и в распоряжении имуществом предприятия как юридического лица.

В то же время предприятие как юридическое лицо имеет право на имущество юридического лица, хотя использование этого права нуждается в контроле и ограничении прав собственности со стороны государства. Предприятия должны выполнять свои обязательства перед всеми инвесторами, охранять их интересы, а также нести ответственность за сохранение и приумножение совместного имущества.

Правительство регулирует рынок и ориентирует предприятия главным образом посредством законодательных актов, путем установления правил поведения на рынке и экономической политики. Считается, что контроль правительства над предприятиями и управление ими можно будет осуществлять через независимые посреднические организации, например через бюро аудиторской службы или бюро юридической службы, утвердив положение посреднической организации таким образом, чтобы она не принадлежала ни правительственным учреждениям, ни предприятиям.

В-третьих, необходимо создать научную нормативную структуру управления компанией в условиях рынка. Она должна стать основным фактором, определяющим эффективность функционирования компании. В то же время ее создание является очень сложным делом, так как затрагивает проблему управления всем обществом. Придерживаясь принципов взаиморазличия, взаимного контроля и взаимного сотрудничества в деле реализации права на принятие решений, их исполнения и контроля за исполнением, необходимо создать такую управляющую структуру, которая включала бы собрание акционеров, правление, наблюдательный совет и совет директоров, в рамках которой эти органы использовали бы свои полномочия и несли за это соответствующую ответственность.

Наконец, необходимо установить на предприятиях такую кадровую систему, при которой управляющий компанией не является государственным служащим, а предприятие и рабочие, независимо от форм собственности, смогут, так сказать, выбирать друг друга, создавать систему социального обеспечения в условиях рынка, когда и предприятие, и рабочие несут каждый свою долю ответственности.

Анализ эксперимента по созданию системы современных предприятий

В конце 1994 г. Госсовет КНР принял решение и составил план эксперимента по созданию системы современных предприятий. Для участия в эксперименте было выбрано 100 предприятий различных типов из разных регионов, которые в целом отражают общую ситуацию в госсекторе³. В начале 1998 г. бывшая система обследования и мониторинга Государственного комитета по реформе экономической системы провела анкетирование 30 предприятий, определенных данным госкомитетом в качестве ответственных за постоянную связь⁴. Обследование включало количественную и качественную составляющие.

Содержание качественной части - это 28 положений, касавшихся проблем прав, учреждения управленческих структур юридического лица, облегчения бремени предприятий и т.п. Количественная часть состояла из 16 финансовых и статистических показателей предприятий за 1994-1997 гг. Все 30 разосланных анкет были получены обратно и после проверки признаны действительными.

Обратимся к конкретным результатам данного обследования.

1. Новый прорыв в реформе системы имущественных прав, первоначальное формирование каркаса системы компаний.

В процессе эксперимента разрушается прежняя система имущественных прав, наметилась тенденция к плюрализации. Четко определена инвестиционная основа государственных активов, начала формироваться имущественная система предприятия как юридического лица, а само предприятие - превращаться в субъект рыночной конкуренции.

(1) Первоначальное формирование каркаса системы компании на предприятиях-участниках эксперимента.

Результаты обследования показывают, что к концу 1997 г. на 30 предприятиях-участниках эксперимента были, в соответствии с требованиями "Закона о компании" и с учетом реальных обстоятельств, избраны различные формы преобразования предприятий. 12 предприятий (40%) реорганизованы в компании, владельцем паев которой стали различные типы акционеров; из них 5 предприятий преобразованы в акционерные компании, а 7 - в компании с ограниченной ответственностью. 16 предприятий (53,3%) реорганизованы в унитарные государственные компании. Одно предприятие было компанией еще до начала эксперимента, поэтому оно совершенствовало эту форму. Еще оно предприятие сохранило организационную форму завода.

Предприятия-участники эксперимента в соответствии с принципами построения системы материнских и дочерних компаний реорганизовали часть подчиненных им предприятий в учреждаемые несколькими пайщиками компании с ограниченной ответственностью или акционерные общества, полностью использовали возможности организационной формы компании для привлечения общественного капитала, упорядочения структуры предприятий, более эффективного функционирования капитала и снижения издержек.

(2) Тенденция к плюрализации структуры имущественных прав предприятий.

Путем реорганизации в компании разрушается однообразная, омертвевшая и неподвижная структура имущественных прав предприятий, формируется плюралистичная и подвижная структура, включающая паи государства, государственных юридических лиц, других юридических лиц, индивидуальные паи и паи иностранных инвесторов. Доля каждой из этих частей показана в таблице 1.

Таблица 1

Структура паев предприятий-участников эксперимента

Тип пая	Удельный вес, %
государства	67,6
государственных юридических лиц	27,7
других юридических лиц	0,6
индивидуальные паи	0,7
паи иностранных инвесторов	4
Итого	100

Источники: Тичжи чайгэ. 1999. № 4. С. 6.

(3) Четкое определение инвестиционной основы государственных активов, начало формирования системы государственного инвестора.

В ходе преобразования предприятий в компании четко определилось, кто считается инвестором государственного капитала, что является системным требованием к установлению и налаживанию отношений между предприятием и инвестором. Это способствовало преодолению порочной ситуации, когда за государственное имущество формально отвечают все, а на практике — никто, функции субъекта инвестиций не исполняются. Таким образом постепенно создается и совершенствуется система государственного инвестора. Как показывают результаты обследования, в качестве инвесторов государственного капитала на 30 предприятиях-участниках эксперимента выступают правительства разных ступеней, ведомства по управлению предприятиями, торгово-экономические комитеты, бюро по управлению государственным имуществом, компании по операциям с государственным имуществом и другие государственные юридические лица. Удельный вес каждого вида инвесторов государственного капитала показан в таблице 2.

Таблица 2

**Структура инвесторов государственного капитала
предприятий-участников эксперимента**

Инвестор	Количество предприятий	Удельный вес, %
Правительства	11	36,7
Ведомства по управлению предприятиями	8	26,7
Торгово-экономические комитеты	1	3,3
Бюро по управлению государственным имуществом	2	6,7
Компании по операциям с государственным имуществом	4	13,3
Другие государственные юридические лица	4	13,3
Итого	30	100

Источники: Тичжи чайгэ. 1999. № 4. С. 6.

(4) Начало формирования имущественной системы предприятия как юридического лица.

На основе переоценки активов и выделения имущественных прав на предприятиях были повсеместно рассчитаны общая стоимость капитала, установлены доли юридических лиц в собственности, что позволило четко определить имущественные и долговые отношения. Это определенная гарантия того, что происходит процесс действительного превращения предприятий в ведущих самостоятельное хозяйствование, самокупаемых, самонакопляющих и саморазвивающихся юридических лиц и субъектов рыночной конкуренции. Государство несет ответственность за долги предприятия, ограниченную его участием в капитале предприятия, а само предприятие пользуется имущественными правами юридического лица, имеет гражданские права на собственность и несет соответствующую гражданскую ответственность за принадлежащее ему как юридическому лицу имущество.

2. Первоначальное формирование управленческой структуры компаний как юридических лиц.

В соответствии с "Законом о компании" и требованиями построения системы современного предприятия и согласно принципам взаимной независимости, четкого разделения прав и обязанностей, взаимной координации и взаимного баланса прав на принятие решений исполнительных и контрольных

структур сформирована структура управления компанией как юридическим лицом, включающая собрание акционеров, правление, наблюдательный совет и совет директоров.

(1) На части предприятий-участников эксперимента учреждено общее собрание акционеров компании, которое начало исполнять свои функции, хотя сохраняется необходимость в дальнейшем совершенствовании этого органа управления.

Как показывают результаты анализа, среди 30 предприятий только 5 (16,7%) определенно учредили собрание акционеров, а 25 (83,3%) еще не используют эту форму управления.

Что касается права принятия государственными акционерами и другими инвесторами важнейших хозяйственных решений в соответствии с уставом компании, то на половине предприятий-участников эксперимента это право действует, а на остальных - по тем или иным причинам пока не действует.

Не менее важно, каким способом исполняется государственными акционерами и другими инвесторами право принятия важнейших хозяйственных решений. Обследование показало, что только на 20% применяется способ, соответствующий требованиям "Закона о компании", а на остальных используются такие старые формы, как утверждение правительственными ведомствами или объединенными партийно-правительственными совещаниями и т.п.

(2) Большая часть предприятий учредила состав правления, которое начало играть все большую роль в принятии хозяйственных решений на предприятиях-компаниях.

Результаты обследования показывают, что на 22 (73,30%) предприятиях созданы правления, а на 8 - нет.

Большинство руководящего состава правлений (79,6%) рекомендовано государственными акционерами. На втором месте - члены правления, рекомендованные акционерами-юридическими лицами (17,3%), на третьем - члены правления, рекомендованные индивидуальными акционерами (3,1%). Доля членов правления компаний, работающих по совместительству членами правления в других компаниях, составила 26,7%, что свидетельствует об определенных сдвигах в плюрализации и "разгосударствлении" состава правлений компаний.

Имел место прогресс в области приведения способов избрания и назначения членов правления компании в соответствие с требованиями "Закона о компании" и уставов компаний. На 13,3% предприятий правление избиралось и назначалось общим собранием акционеров. На большинстве предприятий (66,7%) сохранился административный способ назначения.

На 53,3% предприятиях председатели правлений по-прежнему сохраняют административные разряды, то есть являются кадровыми работниками, назначаемыми правительственными учреждениями.

На 24 предприятия (80%) рабочих и служащих в соответствии с установленной законом процедурой вошли в состав членов правления компаний. Это свидетельствует об усилении демократических начал управления на подавляющем большинстве предприятий, что дает системные гарантии для участия трудящихся в хозяйственном управлении предприятием, осуществления эффективного контроля масс за деятельностью руководства предприятия.

Правления компаний начали играть важную роль в принятии хозяйственных решений. Результаты обследования показывают, что после учреждения правлений компаний они созывали собрания акционеров и делали на них доклады о проделанной работе 37 раз; проводили общие собрания акционеров 69 раз; принимали решения по инвестиционным проектам компании 160 раз; изменяли внутреннюю структуру компании 66 раз; вырабатывали или пересматривали базовую управленческую систему компании 144 раза.

(3) Большая часть предприятий-участников эксперимента учредила наблюдательные советы, которые начали исполнять свои контрольные функции.

Как показывают результаты обследования, на 23 предприятиях, составляющих 76,7%, учреждены наблюдательные советы. Они состоят из представителей акционеров и работников компании, пропорциональное соотношение этих двух групп составляет 58,6:41,4.

Наблюдательные советы, как правило, осуществляли контрольные функции в форме критики или предложений созывать экстренное собрание акционеров в связи с нарушениями законов, правил или устава компании в финансовой работе или при исполнении генеральным директором и членами правления своих служебных обязанностей.

(4) Дальнейшее упорядочение способа формирования коллективного руководства компании.

Среди 30 предприятий-участников эксперимента в 30% компаний решения о назначении директора принимает правление, а в 70% основную роль в назначении директора по-прежнему играют правительственные или другие управляющие органы. На 73,3% предприятий основную роль в назначении заместителей директора играет директор компании, а на 26,6% - управляющие ведомства правительства или используются другие административные способы. Кроме того, в руководящих коллективах компаний требуется упразднить оставшуюся от традиционной системы практику административных разрядов государственных служащих. На 57,7% предприятий директора компаний по-прежнему сохраняют разряды кадровых работников. Правда, на всех 30 предприятиях генеральные директора исполняют служебные права в соответствии с положениями "Закона о компании" или устава компании.

3. Углубление внутренней реформы предприятий, облегчение бремени предприятий, сокращение избыточной рабочей силы.

В соответствии с принципами компактности и оперативности, сокращения численности и повышения эффективности были проведены назначения на должности лучших работников, осуществлена реорганизация и отделение непроизводственных подразделений, ускорена работа по сокращению избыточной рабочей силы, облегчено бремя предприятий в социальной сфере, оказано стимулирующее воздействие на формирование механизма сокращения численности и повышения эффективности работы персонала и эффективного поощрительного механизма.

(1) Компактность и оперативность.

В ходе реорганизации на 70% предприятий были отделены непроизводственные подразделения (включая активы и персонал) от основных. Общая сумма активов отделенных подразделений, выполнявших общественные функции, составила по 30 предприятиям 987 млн. юаней, то есть в среднем по 32,9 млн. юаней на каждое предприятие.

(2) Сокращение избыточной рабочей силы.

Для облегчения кадрового бремени предприятия усилили отток избыточной рабочей силы и осуществили программу повторного трудоустройства путем переподготовки и смены рабочего места внутри предприятия, досрочного выхода на пенсию, трудоустройства на предприятиях сферы обслуживания и других предприятиях. Общая численность избыточной рабочей силы на 30 предприятиях составила 78242 человека, в среднем 2608 человек на одно предприятие. Из них в качестве "лишенных рабочего места" были зарегистрированы 39523 человека, то есть 50,5% от общей численности избыточной рабочей силы, в среднем 1317 человек на каждое предприятие. К концу 1997 г. 7288 человек были переведены в центры повторного трудоустройства, трудоустроены самими предприятиями 24983 человека, раньше срока отправлены на пен-

сию 12828 человек, самостоятельно трудоустроились за пределами предприятия 3960 человек.

4. *Определенное улучшение структуры активов предприятий-участников эксперимента, некоторое укрепление их комплексной мощи при небольшом снижении общей прибыли.*

При существовавшей ранее плановой экономической системе госпредприятие было своего рода цехом "большого предприятия- государства", а его активы формировались за счет государственных кредитов. По мере углубления рыночно-ориентированных реформ в Китае у предприятий возникла нехватка средств, на них легло тяжелое бремя долгов, особенно ярко проявилась неспособность предприятий к самокупаемости, что серьезно ограничивало рыночную конкурентоспособность госпредприятий и жизнеспособность госсектора. Одной из целей построения системы современных предприятий явились упорядочение и оптимизация структуры задолженности и структуры активов предприятий, обеспечение их собственными денежными средствами, облегчение их долгового бремени, усиление рыночной конкурентоспособности и повышение экономической эффективности⁵.

(1) *Определенное улучшение структуры активов предприятий-участников эксперимента, некоторое укрепление их комплексной мощи.*

Непрерывно растет величина активов предприятий-участников эксперимента, особенно быстро увеличивается основной капитал. Темпы роста общей суммы долга предприятий ниже темпов роста общей суммы их активов. Соотношение задолженности и активов предприятия неуклонно снижается. Имеет тенденцию к высокому росту денежного капитала, принадлежащего самим предприятиям как юридическим лицам, и находящегося в их распоряжении государственного денежного капитала. Постоянно повышается уровень сохранения и приумножения стоимости активов. Достигнуто определенное улучшение структуры активов предприятий-участников эксперимента, произошло некоторое укрепление их комплексной мощи.

Согласно статистическим подсчетам на основе результатов обследования, к концу 1997 г. общая стоимость активов 30 предприятий составила 140466 млн. юаней, что означает рост на 68576 млн. юаней, или на 104,83% по сравнению с 1994 г., то есть среднегодовые темпы роста — 27%. Чистая стоимость основного капитала составила 56186 млн. юаней, то есть выросла на 21402 млн. юаней, или на 162,52% по сравнению с концом 1994 г., что означает среднегодовые темпы роста 37,91%. Общая сумма задолженности составила 91890 млн. юаней, то есть выросла на 94% по сравнению с 47182 млн. юаней в конце 1994 г., то есть среднегодовые темпы роста составили 24,88%. Доходы собственника составили 48576 млн. юаней, то есть выросли на 135,78% по сравнению с 20602 млн. юаней в конце 1994 г., то есть среднегодовые темпы роста достигли 33,1%. Оплаченная часть акционерного капитала составила 4781800 тыс. юаней, то есть выросла на 204,8% по сравнению с 15688 млн. юаней в конце 1994 г., то есть среднегодовые темпы роста составили 44,99%. Государственный денежный капитал составил 43429 млн. юаней, то есть вырос на 182,79% по сравнению с 15357 млн. юаней в конце 1994 г., что означает среднегодовой рост в 41,41%. Уровень сохранения и приумножения стоимости активов составил 156,07%, что на 31,75 процентных пунктов выше, чем в конце 1994 г. Соотношение задолженности и стоимости активов составило 65,42%, то есть снизилось на 4,53 процентных пункта по сравнению с 69,95% в конце 1994 г.

(2) *Несколько снизилась общая эффективность предприятий-участников эксперимента.*

Как показывают результаты обследования, на конец 1997 г. доходы от продаж 30 предприятий составили 67368 млн. юаней, то есть выросли на

33,08% по сравнению с 50623 млн. юаней на конец 1994 г., среднегодовые темпы роста — 10%. Общий объем прибыли и налоговых отчислений составил 6120 млн. юаней, то есть вырос на 107,88% по сравнению с 2944 млн. юаней в конце 1994 г., среднегодовые темпы роста — 27,62%. Прибыль после уплаты налогов составила 2055 млн. юаней, что означает снижение на 2,38% по сравнению с 2105 млн. юаней в конце 1994 г.

Что касается общей эффективности предприятий, то на конец 1997 г. средний уровень нормы прибыли от продаж на 30 предприятиях составил 9,08%, то есть повысился на 4,92 процентных пункта по сравнению с концом 1994 г. Средний уровень окупаемости активов составил 6,1%, то есть снизился на 0,9 процентных пункта по сравнению с концом 1994 г. Средний уровень дохода на капитал составил 4,30%, то есть снизился на 5,7 процентных пункта по сравнению с концом 1994 г. Средний уровень оборачиваемости капитала составил 107%, то есть снизился на 6 процентных пунктов по сравнению с концом 1994 г. Очевидно, что, в целом, общая сумма активов и общий объем прибыли предприятий поддерживали синхронный рост, но прибыль после уплаты налогов не смогла расти теми же темпами, что и общая сумма активов, вплоть до того, что средний уровень окупаемости активов и средний уровень дохода на капитал снизились.

(3) Значительные различия в хозяйственной ситуации на 30 предприятиях.

Что касается темпов увеличения объемов активов, то с конца 1994 г. по конец 1997 г. 8 предприятий, составлявшие 26,7%, имели уровень выше среднего, а у остальных 22 предприятий, составлявших 73,33%, темпы увеличения объемов активов были ниже средних, среди них у 3 предприятий имел место отрицательный рост объемов активов.

Соотношение задолженности и стоимости активов у 18 из 30 предприятий, то есть у 60%, снизилось, а у остальных 12 — несколько повысилось. Средний уровень задолженности 30 предприятий в 1997 г. составил 65,42%; из них у 16 предприятий данный показатель оказался ниже среднего уровня. Обычно считается, что нормальным соотношением задолженности предприятия и стоимости его активов является уровень около 50%, в настоящее время такой уровень только у 7 предприятий.

В этот период имел место рост доходов от продаж у 27 предприятий, а на остальных 9 предприятиях его рост был отрицательным. На 13 предприятиях доходы от продаж росли быстрее среднего уровня, составившего 10%.

Прибыль (после уплаты налогов) на 18 предприятиях неуклонно росла, а на остальных 12 — снижалась. Убыточными были 7 предприятий. Средняя величина убытков одного предприятия составила 72,88 млн. юаней, а некоторые предприятия понесли огромные убытки: например убытки Чэндусской акционерной промышленной компании "Хунгуан" составили около 100 млн. юаней.

Что касается сохранения и приумножения стоимости активов, то в 1997 г. на 26 предприятиях уровень сохранения и приумножения стоимости активов превышал 100%. Это свидетельствует о том, что вложения инвесторов в капитал этих предприятий сохраняются и дают постоянную отдачу. На 4 предприятиях данный показатель ниже 100%. Доходы собственников выросли на 135,79% по сравнению с 1994 г. В том числе у 27 предприятий данный показатель в той или иной степени рос, а у 3 предприятий — снижался.

5. Анализ основных проблем, выявленных в ходе эксперимента.

(1) Основные препятствия дальнейшему углублению реформы предприятий и построению системы современного предприятия заключаются в следующих четырех факторах:

Во-первых, запаздывает трансформация функций администрирования, не разделены функции государства и предприятия. Во-вторых, слишком тяжело историческое бремя предприятий в области необходимости сохранения рабочей си-

лы, содержания социальной сферы, отсюда - неизбежная убыточность в условиях рынка. В-третьих, неполноценна система социального страхования. В-четвертых, неполноценна рыночная система распределения факторов производства.

Это показывает, что строительство системы современных предприятий тесно связано с внешней средой, в которой находится предприятие, а вовсе не ограничивается обновлением системы внутреннего управления предприятия. Если макрореформы запаздывают, то обновление системы предприятия становится трудноосуществимым.

(2) Три основных фактора, влияющих на производственно-хозяйственную деятельность предприятий-участников эксперимента: недостаточность рыночного спроса, чрезмерное количество избыточной рабочей силы, негибкость управленческого механизма.

(3) Большинство предприятий приняло форму государственных унитарных компаний.

Из 30 предприятий 53% были реорганизованы в государственные унитарные компании. Согласно требованиям государственного проекта эксперимента преобразованию в государственные унитарные компании подлежат предприятия, производящие некоторую специфическую продукцию или относящиеся к специально определенным отраслям. Большую часть предприятий предполагалось реорганизовать в компании с ограниченной ответственностью, а там, где есть необходимые условия, - в акционерные компании. Тем не менее некоторые предприятия, не относящиеся к числу подлежащих преобразованию в государственные унитарные компании, по тем или иным причинам все-таки избрали государственную унитарную форму. Это неблагоприятно как для разделения функций государства и предприятия, так и для привлечения предприятиями финансовых средств.

(4) Слишком велика доля государственного капитала.

На 30 предприятиях подавляющая часть капитала приходится на государственный пай. Сумма государственного пая и пая государственных юридических лиц достигает 95%, что неблагоприятно для укрепления положения госсектора. При условии сохранения ведущей роли госсектора можно существенно снизить долю государственного капитала. Во-первых, если сохранять абсолютный контроль над контрольным пакетом, то государственный пай должен быть не ниже 51%. Во-вторых, в компаниях, капитал которых распылен между большим количеством владельцев, можно сохранять относительный контрольный пакет, при котором пай может быть снижен до 35%. Таким образом можно с помощью малого государственного капитала распоряжаться большим общественным капиталом. В настоящее время в ходе реорганизации доля государственного капитала слишком высока по следующим двум основным причинам. Во-первых, это концептуальная, гносеологическая причина. Некоторые люди полагают, что сокращение доли государственного капитала равносильно ослаблению госсектора и даже порождает риск утечки государственного имущества. А другие опасаются, что плюрализация собственности может нанести ущерб их собственным интересам. Во-вторых, отсутствует полноценный рынок капитала. В связи с этим в процессе реорганизации трудно найти сильного инвестора.

(5) Запаздывание реформы системы управления государственным имуществом.

До настоящего времени так и не выработано единой законодательно обоснованной концепции насчет того, кто конкретно является владельцем государственного капитала и исполняет права инвестора. В ходе реорганизации доля предприятий, на которых субъектом инвестиций стали правительственные управляющие ведомства, достигла 73,4%. Это неблагоприятно для разделения функций государства и капитала, государства и предприятий и одновременно в определенной

степени предоставляет системные основания для вмешательства государства в производственно-хозяйственную деятельность предприятий.

(6) Несовершенство функционирования структуры управления предприятием в качестве юридического лица.

Это преимущественно проявляется в следующем. Во-первых, на части предприятий-участников эксперимента еще не учреждены общие собрания акционеров. Во-вторых, в способах исполнения государственными инвесторами своих прав отмечаются случаи администрирования. Число предприятий, где государственные акционеры исполняют свое право для принятия важнейших хозяйственных решений методом утверждения государственными ведомствами, достигает 53,3%. В-третьих, на части предприятий еще не учреждено правление как орган оперативного управления компанией, неполноценны структуры предприятия, принимающие хозяйственные решения. В-четвертых, правительственные и управляющие предприятиями ведомства по-прежнему играют основную роль в назначении членов правления и директоров. Более чем на 50% предприятий председатели правления и директора все еще сохраняют разряды кадровых работников.

Результаты обследования показали, что, в общем, госпредприятия разрушают традиционную систему, и начинает формироваться каркас системы предприятий, соответствующей требованиям рыночной экономики, постепенно проявляется эффект обновления системы, преимущественно состоящего в реорганизации в форму компании. Что касается общих оценок результатов и хозяйственных показателей предприятий после проведения на них эксперимента, то большинство предприятий полагает, что эти результаты положительные. Это конкретно выражается в следующем. Во-первых, произошел новый прорыв в реформе системы имущественных прав. Во-вторых, учреждена имущественная система предприятия как юридического лица. В-третьих, предварительно сформирована система управления предприятия как юридического лица. В-четвертых, произошло заметное улучшение финансового положения и качества активов предприятий, еще более повысилась их способность противостоять рыночным рискам. В-пятых, проведена реформа системы внутреннего управления на предприятиях, что создало условия для снижения их бремени и повышения рыночной конкурентоспособности.

Вместе с тем практика эксперимента, как показали результаты обследования, свидетельствуют о том, что построение системы современных предприятий нельзя осуществить одним махом, что это воистину сложная системная общественная программа. И тем не менее, как отмечается в заключении обследования, реформа госпредприятий, целью которой является построение системы современных предприятий, уже вступила в решающую фазу, лед тронулся, расчищается фарватер для движения кораблей.

© 2001

Перевод с китайского языка
Г. Богданова

1. Тун Нянчэн, Чай Вэйхао, Чэнь Юньтао. Гою цие гайгэ (Реформа госпредприятий). Пекин: Чжунго жэньмин дасюэ чубаньшэ, 1999. С. 268.
2. Там же. С. 273.
3. Чжунго цзинци тичжи гайгэ няньчэнь (Ежегодник по реформе экономической системы в КНР): Гайгэчубаньшэ. Пекин, 1995. С. 140.
4. Сяньдай цие чжиду шидянь цие дэ сяньчжуан дяоча юй фэньси (Анализ результатов эксперимента по созданию системы современных предприятий): Тичжи гайгэ. Пекин, 1999. № 4. С. 67.
5. Там же. С. 77.

Южнокорейский опыт реформирования финансово-промышленных групп

© 2001

С. Суслина

Южнокорейские финансово-промышленные группы (ФПГ) или чэболь (в переводе с корейского языка - финансовые олигархии) уже несколько десятилетий привлекают к себе самое пристальное внимание и не только в самой Республике Корея, но и за рубежом. Оценка значения этого своеобразного национального феномена, - аналога схожих процессов концентрации производства и капитала в руках семейных корпораций в других азиатских странах, - была и остается далеко неоднозначной. При этом, если в 1970-80-е годы роль чэболь в связи с их большими заслугами в создании и подъеме национальной экономики расценивается в целом как положительная, то уже в 1990-е годы в их адрес стала раздаваться резкая критика и даже высказывались оказавшиеся впоследствии пророческими предупреждения и опасения относительно их слишком отсталой в условиях глобальной экономики системы управления и экономически неоправданной разветвленной структуры. В конечном счете эти недостатки привели к серьезному падению мировой конкурентоспособности их производств.

Азиатский финансовый кризис 1997 г., чуть не повлекший полный дефолт ранее весьма динамично развивавшейся южнокорейской экономики, окончательно и бесповоротно перевел проблему необходимости быстрого реформирования чэболь из чисто дискуссионной в насущно практическую.

Ретроспективный анализ проблем, с которыми рикошетом столкнулись южнокорейские промышленные магнаты в ходе финансовых катаклизмов 1997-1998 гг., показывает, что подлежавшие ликвидации и коренному исправлению пороки и недостатки возникли не только по вине самих финансовых групп и, конечно, не только за тот сравнительно короткий период ускоренной либерализации экономики (с конца 1980-х годов, если учитывать общедемократический этап в развитии страны, провозглашенный администрацией Ро Дэ У, или с середины 1990-х годов, когда Южная Корея после вступления в ОЭСР и ВТО активизировала демонтаж системы государственного регулирования и фактически признала преимущества рыночных начал в экономике). Южнокорейская практика также со всей остротой выявила, что реформирование ФПГ - это комплексная проблема, имеющая глубокие и трудно поддающиеся быстрому разрешению аспекты общего и частного характера.

Черода банкротств, которая началась среди совсем недавно казавшихся неизбежными южнокорейских монополий в конце 1997 г. и продолжавшаяся весь 1998 г., была вызвана в первую очередь нехваткой у компаний ликвидных средств. Однако и в настоящее время, т.е. тогда, когда, как официально заявле-

но, Южная Корея успешно преодолела финансово-экономический кризис и вышла на новый виток своего экономического развития, еще случаются довольно громкие банкротства, как, например, банкротство одной из крупнейших автомобильных компаний страны «Дэу моторз». С учетом этого видно, что процесс реформирования чэболь не всегда приносит только положительные результаты.

Проблема реформирования чэболь и их будущей судьбы так бы, наверное, и осталась чисто южнокорейской спецификой, если бы не то важное обстоятельство, что в столь успешной до недавнего времени южнокорейской экономической модели она тесно смыкается с вопросом о том месте, которое государство занимало и которое должно ему отводиться в экономике страны в XXI веке. Широко развернувшиеся в ходе начавшихся после кризиса реформ дискуссии, причем не только в странах, пораженных кризисом, но и во всем мире, выявили глубокий интерес мировой общественности к обострившейся в результате последствий финансового кризиса проблеме: какова должна быть роль государства в условиях глобальной экономики, остается ли она вообще и если да, то в каких областях и в какой мере? И здесь наиболее показателен пример Южной Кореи как страны, прошедшей все стадии развития капиталистического рынка, начиная с жесткого государственного присутствия в экономике (интервенционизма или дирижизма) в 1960-1980-е годы, продолжая чрезмерным и слишком быстрым, по мнению некоторых южнокорейских экономистов, процессом рыночной либерализации в 1990-е годы¹ и завершая активным включением в глобальную экономическую систему в настоящее время.

Здесь, видимо, уместно будет напомнить, какую роль само государство сыграло в процессе становления крупного южнокорейского бизнеса. Но сначала немного о генезисе корейского капитализма. По характеру своего возникновения ныне существующие крупнейшие южнокорейские монополии делятся на те, которые свою родословную ведут от мелких компаний и фирм, возникших еще в период колониальной зависимости Кореи от Японии, и те, которые появились уже после освобождения страны и, особенно, в период активного привлечения иностранного капитала (1960 - 1980-е годы). В первом случае достаточно долго сохранял свое определяющее значение семейно-клановый характер структуры и культуры бизнеса (менеджмента). Во втором - южнокорейские чэболь, основанные в конце 1950-х - начале 1960-х годов, испытали на себе значительное воздействие американских и японских систем бизнеса. В целом, структурное оформление ФПГ произошло в конце 1950-х годов после окончания Корейской войны, когда Южная Корея получила финансовую помощь от США. В дальнейшем процесс монополизации южнокорейской экономики проходил весьма ускоренными темпами. Так, если в 1953 г. было только 5 чэболь, в 1965 г. - 10, то в 1985 г. уже 70, а в 1990 г. 100². При этом значительным просчетом явилось то, что, по-своему восприняв тенденции международной интеграции и сотрудничества, южнокорейское предпринимательство стремилось в первую очередь к максимальному расширению своих «экономических империй» и при этом мало заботилось о создании и поддержании оптимальной (с позиций прибыльности) структуры. Только в 1980-х годах число фирм, входящих в финансово-промышленные группы, возросло с 400 до 850³. Спорадически расширяя свои границы, южнокорейские чэболь инвестировали средства в отрасли часто не из соображений экономической целесообразности для своей уже имевшейся структуры, а из престижных конъюнктурных соображений. Для примера можно вспомнить намерение «Хендэ» построить еще один крупнейший в стране металлургический комбинат без учета того, где новая продукция нашла бы сбыт, а также возведение монополией «Самсон» не менее проблематичного с точки зрения экономической целесообразности автомобильного завода. Конечно, в изменившихся условиях - либерализации международ-

ной экономической жизни и усиления тенденций глобальной взаимозависимости - такая система организации бизнеса объективно не может им оптимально соответствовать, хотя, как показывает международная практика, семейно-клановая структура и соответствующая ей система управления присуща не только одним азиатским монополиям, но в ряде случаев сохраняется до сих пор и не является препятствием успешному функционированию многих известных в мире фирм.

В связи с вышесказанным, проблему реформирования южнокорейских ФПГ следует рассматривать с учетом гораздо более широких подходов, чем это в основном делалось до сих пор как южнокорейскими, так и зарубежными исследователями, включая и российских. В этом случае поиски ответов на вопросы: отчего и как чзболь, предмет гордости Южной Кореи, стали такими слабыми и уязвимыми, и кто виноват в этом: они сами с их недальновидной финансовой политикой или государство, воспитавшее у них трудно изживаемое мировоззрение иждивенчества, могут стать практически ценными не только для одной Южной Кореи, но и для других стран, вольно или невольно повторяющих ее ошибки.

И в ряду этих стран далеко не на последнем месте находится Россия, ищущая свой путь капитализации производства, разгосударствления экономики, стараясь при этом избежать ее монополизации.

Если снова обратиться к истории становления южнокорейского бизнеса, то обращает на себя внимание тот вполне очевидный факт, что для Южной Кореи большое значение имела и продолжает иметь та система отношений, которая складывается между государственным аппаратом и деловыми кругами, чем та или иная структура собственности. Система своеобразного патернализма государства в отношении крупного частного предпринимательства сложилась в Южной Корее сразу же после возникновения республики и была порождена объективными причинами: общим экономическим развалом и слабостью имевшейся южнокорейской буржуазии, ее неспособностью в одиночку взять на себя задачу экономического подъема только что возникшей страны. В сложившихся после освобождения условиях, достаточно сложных для проведения экономических реформ, именно государство стало организатором, координатором и вдохновителем экономических преобразований. Как раз в те первые годы становления южнокорейской государственности возникает прообраз той модели отношений государственной структуры с частным бизнесом, которая впоследствии совершенствовалась и с некоторыми изменениями дошла до настоящего времени. Тогда же возникшее сотрудничество было закреплено передачей лисынмановским правительством в частные руки бывшей японской собственности, перешедшей республике после ее юридического оформления, что создало первый прецедент особых отношений государства с крупным капиталом.

Примечательно, что при предоставлении возможности участвовать в аукционах, посредством которых распределялась эта собственность, специальная государственная комиссия проводила тщательный отбор тех южнокорейских компаний, которым разрешалось принять участие в торгах. Как пишет один из основателей российской школы исследований по южнокорейской экономике Сеницын Б.В., «политическая благонадежность», связи с деловым и государственно-чиновничьим аппаратом играли здесь решающую роль. При этом широко практиковалось занижение официальной оценки на 40-50% и растягивание сроков выплаты на 15 лет⁴. А в ряде случаев власти вообще игнорировали закон 1949 г. о распродаже так называемого возвращенного имущества и предприятия распродавались на основе специальных указаний президента, естественно, наиболее верным власти деловым кругам. И в последующие десяти-

летия практика патронажа крупного капитала со стороны государства сохранялась и расширялась.

Мало кто подвергает сомнению тот факт, что государственный капитализм, сложившийся в Южной Корее, явился объективно неизбежным методом разрешения противоречия, вызванного необходимостью ускорения и модернизации экономического развития и неспособностью национального капитала соответствовать этой задаче. « Ввиду этого, - как отмечает Сеницын Б.В., - вся система южнокорейского государственного капитализма была рассчитана на укрепление и развитие южнокорейской буржуазии как класса в целом, но прежде всего и главным образом - на всемерное стимулирование и поддержку развитых форм капиталистического предпринимательства, в том числе крупных торгово-промышленных групп».

Первоначально стимулирование частнохозяйственного капитализма включало два основных комплекса мероприятий. Первый - уже упомянутая распродажа государственных предприятий, управление которыми было под силу частному капиталу, а второй - разработка правовых норм и введение в действие законодательных актов, обеспечивающих приток частных иностранных инвестиций и регулирующих их взаимоотношения с местным национальным капиталом. В дальнейшем политика государства по содействию именно крупному капиталистическому предпринимательству и упрочению его позиций на мировом рынке вообще стала ключевым звеном всей экономической стратегии Южной Кореи. Этой центральной задаче были подчинены почти все государственные постановления в экономической области. В соответствии с поставленной целью разрабатывались промышленная и торговая политика, принимались меры, в том числе и поощрительные, по наращиванию мощностей экспортных производств, составляющих собственность крупных компаний.

Государство в Южной Корее стали упрекать в том, что оно, особенно в 1960-1970-х годах, являлось выразителем интересов в первую очередь крупного капитала. Эта ситуация стала постепенно несколько меняться в сторону большего социального равновесия лишь в конце 1980-х годов, да и то первоначально о необходимости проведения более справедливой социальной политики, в том числе и поддержки мелкого и среднего бизнеса, больше заявлялось, чем практически осуществлялось. Однако проблемы с чэболь все больше накапливались, и в 1990-х годах наряду с их заслугами, как генераторов экономического прогресса в стране и бастионов укрепления ее международных экономических позиций, стали все чаще отмечаться провалы и недостатки, а иногда чэболь напрямую критиковались как разросшиеся «раковые опухоли» на экономическом организме Южной Кореи.

Эти проблемы заключались в следующем: во-первых, старая система организации чэболь (их закрытая семейно-клановая структура) стала тормозом на пути повышения эффективности хозяйственного управления в условиях упрочения в мире позиций либеральной экономики. Впоследствии это грозило Южной Корее отставанием и потерей конкурентоспособности ее промышленного производства на мировом рынке. Во-вторых, анархично сложившаяся и разросшаяся производственная структура чэболь в значительной степени несла весомую долю ответственности за возникшие по ее вине диспропорции в развитии всей национальной экономики. В-третьих, всемерная поддержка государства и привилегированное положение породили у чэболь преувеличенное представление о своей значимости, безотчетности и безнаказанности, что в конечном счете привело к бесконтрольности, вседозволенности и иждивенчеству в их действиях. В их представлении, в немалой степени внушенном государственной политикой по форсированию экспортоориентированного развития экономики, им разрешалось идти на различные материальные и финансовые рис-

ки во имя укрепления экономического могущества родины, при том что возможные потери им всегда возмещались заботливым государством. В-четвертых, сложившаяся система отношений государственно-чиновничьего аппарата с крупным частным бизнесом на рубеже 1990-х годов стала все меньше отвечать интересам эффективного экономического развития Южной Кореи с позиций не только микро, но и -макрэкономии. Чрезмерная опека государством крупного национального бизнеса вызвала явления застойного характера, которые выразились, в частности, в недостаточной активизации технологического прогресса, а также в явлении экономически необоснованного возведения ряда промышленных объектов и т.д.

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что к концу 1980-х годов Южная Корея, руководствуясь убеждением, что "хорошо управляемая экономика функционирует лучше, чем основанная на рыночных стимулах", построила модель по определению Г.Мюрдаля «жесткого государственного режима», власть которого особенно сильно проявилась в развитии тех отраслей, которые имели долгосрочные перспективы⁶. При этом южнокорейское руководство искренне считало, что в стране создается государственно-регулируемая и социально-ориентированная рыночная экономика. При таком распределении ролей рыночная система служила не организационным принципом экономики, а лишь инструментом в достижении главной национальной цели - индустриализации через ускоренное развитие экспортного производства.

В долгосрочной перспективе такая стратегия южнокорейского государства, не сумевшего, несмотря на частично предпринятые во второй половине 1990-х годов попытки демонтажа своего властного вмешательства в экономику, оценить важность и глубину охвативших мир глобальных тенденций, привела к структурному дисбалансу и диспропорциям, посеяла семена, подготавливая финансовый хаос конца 1997 г. По мнению ряда южнокорейских экономистов, которое разделяет и автор статьи, Южная Корея оказалась подверженной вирусу азиатского финансового кризиса благодаря тому стечению обстоятельств, что государство в новых условиях больше не справлялось со своими полномочиями действительного центра управления экономикой, в то время как частный сектор, по-прежнему ориентируясь на поддержку государственной власти и не заботясь о последствиях, погряз в долгах в результате чрезмерного краткосрочного заимствования для долгосрочных инвестиций.

Разразившийся столь внезапно азиатский финансовый кризис, вовлекший в декабре 1997 г. в свою орбиту и Южную Корею, еще летом того же года, заявлявшую о полной своей безопасности, ярко высветил просчеты экономической стратегии экспортной ориентации, поставил под вопрос жизнеспособность созданной ею хозяйственной модели. Пришедшее на помощь Южной Корее мировое сообщество в лице МВФ потребовало от корейского правительства в ближайшие годы провести ряд неотложных реформ в экономике, направленных на придание ей более открытого либерального рыночного характера и на формирование более стабильной финансовой структуры.

В этот перечень попало и реформирование корпоративного сектора страны, состоявшего в первую очередь из крупных монополий, которых, по данным на 15 апреля 2000 г., насчитывалось 30. До кризиса активы каждой из них составляли в среднем от 500 млн. и более долларов. По данным на конец 1990-х годов, совокупная стоимость активов элиты южнокорейского бизнеса превышала 300 млрд. долл., а оборот достигал почти 400 млрд. долл.⁷ В каждой из них сосредоточено не только производство всевозможной продукции и предоставление разнообразнейших услуг, но и владение значительной недвижимой собственностью как в стране, так и за ее пределами.

Каждая чэболь имеет в своей структуре большое количество дочерних компаний и филиалов, задействованных в каждой значимой отрасли промышленного производства. Например, в середине прошлого года в группе «Хендэ» числилось 35 компаний, «Самсон» - 45, «Эл Джи» - 43, «Сункен» - 39, «Ханчжин» - 18 и «Лотте» - 28⁸. Такая широкая деловая специализация получила название «осьминожной» и была оправдана в самые первые годы становления частного предпринимательства в Южной Корее, когда подобная структура позволяла всей группе выживать в условиях конъюнктурных колебаний рынка. Уже отмечалось, что и структура собственности и управление чэболь также имеют свою уникальность, особенно в сравнении с западными монополиями. Во-первых, их активы в подавляющей своей части сосредоточены во владении семей, их основавших. Во-вторых, важным проявлением доминирующего влияния семейной собственности на чэболь является прочная связь между собственностью и распоряжением (управлением). Это означает, что чэболь строго контролируются председателем или главой группы или семейным советом акционеров и все самые важные решения принимаются ими. И хотя чэболь сейчас имеют советы директоров, их роль кардинально отличается от той, которую подобные структуры играют в США или западноевропейских странах, где они открыто избираются всеми акционерами для осуществления контроля над деятельностью верхушки руководства монополии. При этом даже если широкий круг вопросов, таких как: осуществлять ли новое капиталовложение или как реализовать новый проект, обсуждается на совете директоров южнокорейской компании, только председатель принимает окончательное решение, которое обязательно для всех в группе, равно как и все его другие распоряжения. Таким образом, специфичность системы управления и менеджмента в чэболь заключается в высокоцентрализованной степени принятия решений, что характерно для Южной Кореи с ее приверженностью конфуцианской системе ценностей, которой присущ строгий иерархический порядок с доминирующим авторитетом власти. С конца 1980-х годов южнокорейское правительство предпринимало неоднократные попытки надавить на чэболь, чтобы они отделили право управления от права собственности. Однако процесс этот достаточно сложный и чэболь крайне неохотно на него идут. Чэболь оказались способными противостоять давлению со стороны правительства, и в большинстве своем собственники и члены их семей сохранили свой контроль над управлением созданных империй. В соответствии с вышесказанным, чэболь можно охарактеризовать как чрезвычайно диверсифицированные промышленно-предпринимательские группы, находящиеся в собственности и контролируемые семьями-основателями и отличающиеся патерналистским стилем руководства.

Другой характерной чертой южнокорейских монополий является то, что практически все они сравнительно молоды, так как история их развития насчитывает не более 3-4 десятилетий, за исключением одной - «Дусан» (основана в 1896 г.).

Следующей примечательной чертой чэболь можно отметить их абсолютное доминирование на внутреннем рынке. В 1995 г. совокупный объем продаж только четырех крупнейших южнокорейских монополий составил более 80% от ВВП, в то время как на них было занято всего лишь 3% всей рабочей силы⁹. Эта же четверка обеспечивала в 1996 г. более чем 60% всего экспорта страны¹⁰. Эти данные показывают, какая огромная экономическая власть оказалась сосредоточенной в рамках только этих монополий.

Еще одной важной характеристикой чэболь является их сравнительно большая задолженность, связанная с финансированием. В соответствии с данными отчета, опубликованного Комиссией финансового контроля, по состоянию на 1 августа 2000 г. уровень задолженности таких крупнейших монополий, как

«Хендэ», «Самсон», «Эл Джи» и «Сункен», исключая их соответствующие финансовые подразделения, был около 300%¹¹, (до кризиса он часто превышал 400 и более процентов). Когда в самом начале 1997 г. одна из главных в иерархии 20 южнокорейских монополий - «Ханбо Стилл» - рухнула под тяжестью долга в 6 млрд. долл.; соотношение ее долга к собственным активам исчислялось 1000%. Такая высокая степень зависимости южнокорейских монополий от заемного капитала объясняется тем, что они, в отличие, например, от своих японских конкурентов, не имеют в своей структуре крупных банков. В период, когда происходило становление большинства чэболь, в 1961 г. были национализированы все отечественные банки, и южнокорейским монополиям пришлось полагаться на кредитную систему, полностью контролировавшуюся правительством. В начале 1980-х годов отдельным чэболь удалось приобрести незначительное количество акций в некоторых финансовых организациях. И хотя правительство провело повторную приватизацию четырех банков в русле общей политики либерализации экономики, в целом чэболь, по-прежнему, были лишены возможности иметь в своей собственности банковские структуры из-за боязни государства как бы чэболь не захватили и банковский сектор.

Однако по мере того, как Южная Корея все более активно входила в глобальный рынок, даже ее достижения, например то, что в начале 1990-х годов всего лишь десять крупнейших корпораций в совокупности давали три четверти ее ВВП, стали оборачиваться негативными результатами: негибкостью и неэффективностью ее экономики. Чэболь стали представлять серьезную угрозу развитию здоровой конкуренции как между подразделениями внутри, так и с не входящими в структуру предприятиями мелкого и среднего бизнеса. Кроме того, чэболь развернули широкую спекуляцию земельными участками, что также выбивало почву из под ног мелких и средних предпринимателей.

В период нахождения у власти администрации Ким Ен Сама (1993-1997гг.) в рамках программы построения «Новой экономики» была предпринята попытка существенно сократить роль государства и передать бразды правления в экономике частной инициативе. Однако эти меры, хотя и сняли некоторые препятствия, ограничивающие активность частного капитала, в целом не создали обстановки здоровой конкуренции и эффективности. В действительности многие реформы того времени были весьма мягкими и в значительной степени амбициозными. Слабость и уязвимость южнокорейской экономики в ходе наступления азиатского кризиса можно отнести также за счет незавершенности именно этих реформ. Еще в июне 1993 г. администрация Ким Ен Сама запустила план финансовой либерализации и открытия внутреннего рынка. Через полтора года она объявила о плане реформы валютного рынка. Эти планы предусматривали либерализацию процентных ставок и сокращение сфер государственного регулирования в финансовом секторе¹². Начавшиеся реформы способствовали увеличению иностранного присутствия на южнокорейском финансовом и инвестиционном рынке, но при этом портфельным инвестициям отдавалось большее предпочтение, чем прямым. Как показали дальнейшие всемирно известные события, многие из этих реформ лишь превратили государственное регулирование в своеобразную «ахиллесову пяту» южнокорейской экономики. И хотя этими мерами предусматривалось предоставление банкам более независимой и профессиональной роли в размещении кредитов, в действительности этого невозможно было достигнуть при сохранении практики патронажных связей чиновничьего аппарата и представителей крупного бизнеса.

Без эффективных реформ Южная Корея постепенно стала накапливать экономические проблемы, что в первую очередь проявлялось в ухудшении результатов ее внешнеэкономической деятельности. Дефицит внешнеторгового

баланса возрос с 6,3 млрд. долл. в 1994 г. до 10 млрд. долл. в 1995 г. и 20,6 млрд. долл. в 1996 г. Особенно тяжело сказывалась ситуация в одной из самых конкурентных до того времени отраслей южнокорейской промышленности - в электронной. Резкое снижение цен на полупроводниковую продукцию на мировом рынке существенно ударило по некоторым ведущим южнокорейским чэболь (на полупроводники приходилось свыше 18% всего объема южнокорейского экспорта). Если к тому, что происходило с южнокорейским торговым оборотом, прибавить все возрастающую задолженность страны по линии международных частных заимствований (в первую очередь краткосрочных портфельных инвестиций), то станет понятным, в каком состоянии находилась Южная Корея накануне финансового кризиса.

По иронии судьбы при получении пакета помощи МВФ, к которому была вынуждена обратиться Южная Корея в конце 1997 г., ей было предложено в срочном порядке провести именно те реформы, которые она сама уже начала, но не смогла довести до конца при президенте Ким Ен Саме под выдвинутым им лозунгом глобализации (по-корейски - «сегехва»).

Финансовый кризис 1997 г. тяжело задел весь корпоративный сектор экономики страны. Только за одно первое полугодие 1998 г. в Южной Корее разорились 5239 компаний, из них: 18 крупных, а остальные относились к разряду мелких и средних с числом занятых на каждой из них менее 300 человек¹³. Во многом в том, что финансовый кризис развернулся в стране с такой разрушительной силой, оказались виноваты и сами южнокорейские ФПГ с их нерациональной инвестиционной политикой, проводившейся ими в течение ряда лет при попустительстве банков. Результатом этого явилось двадцатикратное превышение просроченных взаимных долговых обязательств южнокорейских компаний над общими суммами имевшейся у них ликвидности. Объем несвязанных краткосрочных займов, бесконтрольно выданных банками на начало кризиса составил 110 млрд. долл.¹⁴ Кризис с ликвидностью вызвал цепную реакцию банкротств, затронувшую и такие крупные, фирмы как например, «Халла» (12-е место в иерархии крупнейших южнокорейских компаний), крупную финансовую компанию «Коре секьюритиз», компанию «Санъен» (была поглощена корпорацией «Дэу»). Разорилась одна из крупнейших автомобильных корпораций - «Киа моторз».

Финансовый кризис со всей очевидностью показал, что для выживания южнокорейской экономики необходимо провести ее демонополизацию, и что кардинальная реформа структуры экономики, ее модернизация невозможны без реструктурирования чэболь. В перспективе чэболь, при определенном изменении их экономического статуса, по-прежнему отводится роль самостоятельных экономических подсистем. Однако увеличение их числа в результате политики правительства, направленной на их разукрупнение и придание им более узкой специализации, должно увеличить общий ресурс всей экономической структуры Южной Кореи в целом и повысить ее устойчивость.

Комплекс мер, предложенных правительством Ким Дэ Чжуна по реформированию корпоративного сектора страны, сводится к следующему. Крупнейшие конгломераты страны все без исключения должны быть разукрупнены. Их филиалы наделялись полной самостоятельностью, оставшиеся структуры должны были сосредоточиться на наиболее профильных видах деятельности. Все эти преобразования должны были осуществляться через продажу части собственности, отделение предприятий, обмен видами деятельности, слияния. Известно, что совокупность таких мер в отношении пяти крупнейших конгломератов Южной Кореи («Хендэ», «Самсон», «Дэу», «Эл Джи» и «Эс Кей») получила название «Большая сделка». В ее рамках предусматривалось слияние нефтехимических подразделений «Хендэ» и «Самсон», полупроводниковых

производств «Эл Джи» и «Хендэ», а также передача в собственность «Самсон» электронного завода «Дэу» в обмен на автомобильный завод «Самсон». В результате сокращения сфер деятельности число компаний, входящих в каждую из вышеназванных ФПГ, должно сократиться: у «Хендэ» с 63 в 1998 г. до 32 в 2002 г., у «Самсон» соответственно с 66 до 40; у «Дэу» с 41 до 10; у «Эл Джи» с 53 до 32; у «Эс Кей» с 42 до 22¹⁵.

Однако реализация «большой сделки» сразу натолкнулась на острое противодействие ФПГ, которые выступили за самостоятельность и постепенность проведения этих преобразований, особенно тех, которые касались сокращения избыточных мощностей. Например, противники передачи «Дэу электроникс» в ведение корпорации «Самсон» прямо заявили, что электронная отрасль, в отличие от других, не имеет избыточных мощностей. С трудом продвигаются и другие обменные сделки. По сути дела к концу 2000 г. ни один начавшийся процесс еще не был окончательно завершен. Конгломераты с большой неохотой выставляют на продажу свои предприятия, относящиеся к ключевым сферам их бизнеса. Но и тогда не обходится без проблем. Даже когда компания (возьмем к примеру «Дэу моторз») стремилась привлечь иностранные инвестиции, осуществить продажу недвижимости, выпустить и разместить новые акции, далеко не всегда иностранный капитал проявляет интерес к малоприбыльным с позиций международного стандарта производствам в условиях еще не совсем оправившейся от кризиса южнокорейской экономики.

На протяжении десятилетий упор делался на расширение объема продаж продукции этих конгломератов, а не на повышение уровня прибыльности. В частности, производственные мощности трех ведущих корпораций, занимавшихся выпуском автомобилей до недавнего времени, составляли около 3,5 млн. шт. в год, что определяло 5-е место страны на мировом рынке этой продукции. О неэффективности этой отрасли свидетельствовал хотя бы тот факт, что для поддержания достигнутого уровня продаж на внешнем и внутреннем рынках требовалось лишь 80% имевшихся мощностей. Далеко неслучайно, поэтому, что у ряда автомобильных компаний возникли серьезные проблемы с погашением накопившихся долгов. («Киа моторз» - банкрот в 1997 г., «Дэу моторз» - в 2000 г.). Проблема избыточных мощностей в автомобильном производстве еще более обострилась в 1998 г., когда «Самсон моторз» ввела в строй новое предприятие, рассчитанное на выпуск 80 тыс. автомашин в год.

Кроме сокращения и частичного перепрофилирования корпораций, от них в рамках реформ требовалось оздоровить свои финансовые структуры, сделать их подотчетными и прозрачными, освободиться от нерентабельных производств, отказаться от практики предоставления ФПГ гарантий по кредитам, получаемым их дочерними предприятиями. Именно такие гарантии давали ФПГ возможность осуществлять заимствования в особо крупных размерах.

В настоящее время большинство южнокорейских ФПГ сумели сохранить свой бизнес. В их управленческие системы были внесены существенные изменения. К концу марта 2000 г. чэболь прекратили практику предоставления внутри своих групп «перекрестных» гарантий при осуществлении заимствований их дочерними компаниями. Их финансовая структура после аудиторской проверки и рекомендованных в этой области мер стала более здоровой, устойчивой и прозрачной. Существенную роль при этом сыграл привлеченный ими иностранный капитал. В ходе существенного улучшения экономической ситуации в стране Южная Корея опять вернулась на свое место в списке наиболее рекомендуемых для инвестиций стран мира. Результат не замедлил сказаться в виде обильного притока иностранных средств: в 1999 г. - около 15 млрд. долл., а в истекшем - оценочно 25 млрд. долл.¹⁶

Однако продажа предприятий в рамках упоминавшейся «большой сделки» в целом пока не имеет тех существенных результатов, оздоровительных для всей экономики страны, на которые рассчитывало правительство Ким Дэ Чжуна. Да и продвигается эта кампания недостаточно активно. В большинстве случаев возникают существенные проблемы, поскольку нерентабельные или низко рентабельные производства практически мало интересны для крупных западных и отечественных инвесторов. Среди проданных фирм можно пока отметить лишь подразделение корпорации «Самсон» по производству дисплеев и вилочных подъемников.

Складывается впечатление, что разукрупнение ФПГ и упорядочение их профильных специализаций не такой уж легкий процесс, который можно разрешить с помощью банальных математических действий. Нельзя не учитывать, что это еще и болезненный процесс, непосредственно затрагивающий судьбы и благосостояние простых людей, работающих в этих экономических конгломератах, и всякое изменение структуры: сокращение неэффективного производства, его перепрофилирование или передача в другую монопольную структуру - влекут за собой определенные социальные последствия (рост безработицы, социальную нестабильность, рост нищеты и бедности), обостряют процесс поляризации общества. Эти явления очень серьезны и опасны для любого государства. Являясь прямым результатом происходящих в экономике процессов, они сами оказывают самое непосредственное влияние на нее. Эти в общем-то известные истины познает на своем опыте и Южная Корея. К реальным результатам корпоративной реформы сегодня можно отнести пока лишь ряд ее, в основном, негативных последствий. После разукрупнения некоторые наиболее яркие представители бизнеса были вынуждены уйти с прочно занимаемых ими позиций на мировом рынке и даже оказаться в ущемленном положении на внутреннем. Далеко неясное положение сложилось в известнейшей монополии «Хендэ»: две крупнейшие ее компании - «Хендэ моторз» и «Хендэ хэви констракшн» попали, как выяснилось в конце прошлого года, в финансовые тиски. Кроме этого, находясь в полной собственности сыновей основателя этой знаменитой южнокорейской промышленной империи, эти компании остро конкурируют друг с другом за право господства во всей монополистической группировке. Интересно отметить и такой побочный результат проходящей реформы: преследуя цель демополилизировать экономику, сделать ее открытой для конкуренции, создать для всех участников равные условия для развития эффективного бизнеса, правительство Южной Кореи непроизвольно содействует обратному результату, а именно - еще большей концентрации капитала и производства теперь в еще меньшем, чем прежде, круге монополий. Наиболее ярко данное явление просматривается в автомобилестроении: раньше были «Киа», «Дэу», «Хендэ». Теперь пока осталась одна «Хендэ».

Видимо, пока еще рано подводить итоги проходящей сейчас в Южной Корее реформы корпоративной системы, однако некоторые поучительные уроки из этого неоднозначного процесса уже можно извлечь. Во-первых, опыт Сеула подтверждает, что государственное участие в развитии рыночной экономики необходимо даже в процессе ее либерализации. Вопрос заключается лишь в определении степени и сфер государственного влияния в экономике. Во-вторых, проблема состоит не в сохранении прежнего влияния государства на экономику, а в создании государственного аппарата или структуры, своими функциями действительно содействующего полноценному развитию рыночной экономики с ее духом здоровой конкуренции и равных возможностей для всех участников. В-третьих, развитие и укрепление монополистических тенденций в экономике не отвечает ее эффективному развитию, особенно в условиях глобальной взаимозависимости экономических структур различных стран. Однако

и простое необдуманное разукрупнение господствовавших на ее рынке ФПГ не может придать ожидаемый импульс к более эффективному росту. В-четвертых, существование в рамках глобальной экономики диктует предпринимательскому капиталу условия открытого менеджмента и использование современных методов ведения бизнеса. При этом роль государства, как структуры, гарантирующей и поддерживающей такой деловой климат с помощью действенной законодательной базы, может и должна возрастать.

1. Korea Observer: The Institute of Korean Studies. Vol. 31. No.4. Winter 2000. P.553-578.
2. The Rise of the Korean Economy. Oxford, 1992. P. 115.
3. Ibid.
4. Крупный капитал и монополии стран Азии. М., 1970. С.300.
5. Иностраный капитал и иностранное предпринимательство в странах Азии и Северной Африки. М., 1977. С.304.
6. Kim S. Kwan, The Korean Economy Facing The Millenium of Globalization: Challenges and Prospects. Paper to be presented at a conference on «Critical Issues in Korean Studies in the Millenium»: University of Hawaii at Manoa, February 18-21, 2000.
7. Россия и Корея на пороге нового столетия. Материалы 3-й научной конференции. М.: 1999. С. 12.
8. Korea Observer. Vol. 31. No. 4. Winter 2000. P.582.
9. The Economist. 6 July 1996.
10. The Economist. 18 May 1996.
11. The Economist. 4 September 2000.
12. Far Eastern Economic Review. 20 June 1996. P. 46-48.
13. Kim S. Kwan. The Korean Economy Facing. P. 8.
14. Россия и Корея на пороге нового столетия. Материалы 3-й научной конференции. Москва, 25-26 марта 1999. М., 1999. С.5.
15. Korean Economy. Daewoo Economic Research Institute. No. 3. 1999. P. 6-23.
16. Overcoming a Crisis, Korea Makes a New Leap Forward. The Ministry of Finance and Economy: The Korean Inforrmation Service. Policy Series. September 2000. P. 4-5.

Проблемы и перспективы внешнеэкономических связей КНДР

© 2001

Л. Ходов

Возможности российского экспорта

В КНДР на относительно небольшой территории расположены значительные ресурсы разнообразных полезных ископаемых - угля, железной, медной, свинцово-цинковой, вольфрамовой и молибденовой руд, есть залежи бокситов, магнезитов, урана, графита. Из природных ресурсов в республике нет промышленных месторождений нефти и газа. Однако в последние годы появились обнадеживающие сообщения о возможном присутствии углеводородного сырья на континентальном шельфе Желтого моря.

Экономика

КНДР образовалась в сентябре 1948 г. Вскоре началась тяжелая война 1950-1953 гг., в ходе которой и без того слабой экономике был нанесен тяжелый ущерб, особенно в результате массированных бомбардировок американской авиации.

После окончания войны все силы страны были направлены на индустриализацию, была создана горнодобывающая, металлургическая, машиностроительная, химическая промышленность, построены мощные гидроэлектростанции. По производству некоторых видов сырья, полуфабрикатов, электроэнергии КНДР выдвинулась в число среднеразвитых. Большую помощь в индустриализации страны оказала безвозмездная помощь СССР и других стран СЭВ, КНР.

Однако, создание тяжелой промышленности не сопровождалось одновременным развитием производства товаров народного потребления и сельского хозяйства. Большой нагрузкой на народное хозяйство страны оказались значительные военные расходы в течение нескольких десятилетий военно-политического противостояния с южной частью полуострова - Республикой Корея. Замкнутый, автаркический характер хозяйственного развития, ориентированный на "опору на собственные силы", привел к возникновению серьезных отраслевых диспропорций, технической отсталости, низкой производительности труда.

Не удалось улучшить коренным образом и ситуацию в сельском хозяйстве. В стране до сих пор существует нормирование потребления продуктов питания и предметов потребления.

Корейская Народно-Демократическая Республика - одно из немногих государств - торговых партнеров России, сохранивших систему централизованно планируемой экономики и государственную монополию внешней торговли. КНДР в течение многих десятилетий являлась важным поставщиком товаров и услуг в Приамурье и Приморье, а также одним из крупных импортеров советских, а позднее российских товаров. Экономические и политические проблемы, стоящие перед КНДР и Российской Федерацией, ни в коем случае не должны мешать сохранению и развитию интенсивного торгового обмена, полезного обеим сторонам. В связи с этим большой интерес для российской экономики в целом, и особенно для нашего Дальнего Востока, представляет регулирование импорта в КНДР.

Экономика республики с середины 80-х годов находится в тяжелом положении, о чем свидетельствует уменьшение валового национального продукта и национального дохода, падение производства во многих отраслях народного хозяйства. Правительство КНДР прилагает усилия, чтобы преодолеть трудности путем усиления административной, идейно-политической, воспитательной работы. При этом ЦК Трудовой партии Кореи признает необходимость использования в решении хозяйственных задач экономических рычагов, хозрасчета. Главный упор делается на дальнейшее форсирование капитального строительства в целях увеличения производства электроэнергии, угля, стали, цемента, древесины, полимерных материалов.

Распад социалистического лагеря и СССР оставил Северную Корею - одну из немногих стран традиционной коммунистической ориентации - в относительной политической и хозяйственной изоляции. Китай остался единственным государством, поддерживающим тесные отношения с КНДР на основании договора о политическом, хозяйственном сотрудничестве и оказании военной помощи. Экономическая помощь из России больше не поступала, торговля с РФ, в особенности с соседними дальневосточными областями продолжалась, но оборот заметно сократился. Слабое участие в международном разделении труда и попытки решить все проблемы собственными силами при одновременном выполнении программы создания собственного ракетно-ядерного оружия тяжело отразились на экономике страны, прежде всего на продовольственном обеспечении населения. При этом реконструкция портов, развитие других объектов инфраструктуры, электростанций продолжались. В августе 1998 г. было произведено успешное испытание баллистической ракеты.

В 1995 г. истек срок действия договора о всестороннем сотрудничестве между КНДР и СССР, включавший статью об оказании военной помощи. С тех пор экономические связи с Россией в течение почти пяти лет основывались на контрактах между предприятиями или соглашениях с соседними дальневосточным и сибирским регионами.

В феврале 2000 г. в Пхеньяне был подписан новый Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между КНДР и Российской Федерацией. Этот договор создал новую базу для развития экономического сотрудничества между двумя странами, расширения торговли между приграничными регионами.

Тяжелое продовольственное положение республики несколько облегчилось во второй половине 1999 г. - начале 2000 г. в связи с предоставлением помощи со стороны КНР, Японии, Республики Корея и достижению договоренности с США о нормализации отношений, продовольственной и технической помощи в обмен на обещание правительства КНДР сократить программы развития ядерного и ракетного оружия¹.

В июне 2000 г. впервые в послевоенной истории состоялась встреча лидеров двух корейских государств, ознаменовавшая начало сотрудничества между ними в разных областях с целью сближения и создания предпосылок для

национального объединения. В краткосрочном плане улучшение отношений приведет к облегчению продовольственного положения и возможному притоку южнокорейского капитала и туристов в КНДР.

Внешняя торговля и создание совместных предприятий

В соответствии со структурой народного хозяйства КНДР выступает на мировом рынке как экспортер продукции горнодобывающей промышленности, некоторых металлов, химикалий, цемента, изделий легкой промышленности, рыбопродуктов, фруктов и кустарных изделий. Потребности в импорте чрезвычайно разнообразны - нефть и нефтепродукты, оборудование практически для всех отраслей промышленности, транспортные средства, минеральные удобрения, продовольствие - зерновые, промышленные потребительские товары, особенно предметы длительного пользования.

Главные торговые партнеры КНДР - ее соседи Россия, Китай, Япония.

Заметным тормозом в развитии внешнеэкономических связей республики является ее значительная задолженность перед Россией, Японией, некоторыми странами Западной Европы.

Отрицательное воздействие на внешнеэкономические связи страны оказывает и дискриминация со стороны ведущих промышленных стран, вызванная приверженностью КНДР социалистическому строю, созданием ею значительного собственного военного потенциала и противоборством с Республикой Корея. На юге полуострова постоянно находятся американские войска, и США считают КНДР своим потенциальным противником. Возможно, начавшаяся разрядка в отношениях с Югом поможет КНДР выйти из внешнеэкономической изоляции.

Партийное руководство призывает к установлению "более стройной системы" внешнеэкономических связей. Руководство этой сферой экономики осуществляется Комитетом по внешнеэкономическим делам.

Руководство КНДР уделяет повышенное внимание расширению импорта, отводя экспорту роль источника получения валютных средств для закупки товаров. В условиях недостаточного производства или отсутствия в КНДР ряда сырьевых товаров, а также относительной слабости машиностроительного комплекса страна вынуждена закупать довольно широкую гамму товаров производственного назначения. Одновременно нехватка ресурсов для экспорта постоянно сдерживает увеличение импорта. Недостаток иностранной валюты вызывает стремление закупать как можно больше товаров по клирингу.

Правительство поощряет создание на территории страны совместных предприятий с фирмами и гражданами зарубежных стран. В настоящее время подготовлены или готовятся к реализации объекты сотрудничества с корейскими предпринимателями, проживающими за границей, а также с Китаем, Японией, Сингапуром, некоторыми европейскими странами. Совместные предприятия призваны в первую очередь увеличить валютные поступления в страну, а также заместить импорт.

Успехи в деятельности совместных предприятий до сих пор незначительны.

Лицензирование

Импорт подлежит строгому лицензированию и осуществляется исключительно государственными внешнеторговыми организациями.

В стране завершается создание двух свободных экономических зон в Раджине и Сонбоне.

Порядок расчетов и платежей²

Все внешнеторговые операции осуществляются через 3 банка, не входящих в систему Центрального банка, а подчиненных непосредственно правительству и имеющих каждый свою специализацию. Это "Банк внешней торговли КНДР", "Кымган-банк" и "Корейский банк Дассон". Выдача импортной лицензии автоматически означает выделение валютных средств для оплаты закупаемых товаров.

Расчеты следует осуществлять по безотзывным аккредитивам. Учреждения, занимающиеся гарантированием экспортных кредитов многих стран, в т.ч. США и стран Западной Европы, не дают государственных экспортных гарантий фирмам, ведущим торговлю с КНДР; частным банкам, кредитующим эти фирмы, а также на капитал, инвестированный в экономику республики.

Сопроводительные документы³

Сертификат о происхождении товара не требуется.

Не нужно подтверждение коносамента.

Торговые счета должны содержать обычные в торговой практике сведения и они должны быть юридически правильно оформлены и подписаны. Подтверждение счетов требуется.

Документы, необходимые для оформления посылок

Посылки принимаются весом до 20 кг. Следует заполнить и приложить один международный посылочный формуляр и три экземпляра таможенной декларации.

Рабочие языки во внешнеторговой сфере - английский и русский.

Свободная торгово-экономическая зона на стыке границ с Россией и Китаем - шанс для российских экспортеров.

В 1991 г. правительство КНДР объявило о создании свободной экономической и торговой зоны (СЭТЗ) в районе порта Раджин и округа Сонбон площадью в 651 км². Целью создания зоны объявлено превращение ее в центр интенсивных внешнеэкономических связей. Для этого она должна стать районом международных транзитных грузовых операций, центром обработки и переработки ввозимых товаров и экспортного производства; районом отраслей высокой технологии и районом интенсивного международного туризма⁴.

Создание и развитие зоны должны обеспечиваться государственными капиталовложениями в инфраструктуру, созданием льготного режима для иностранных фирм, а также инвестициями и другими видами хозяйственной активности иностранных физических и юридических лиц. Большие надежды при этом возлагаются на участие в хозяйственной деятельности зоны представителей корейской диаспоры за рубежом, фирм и банков Республики Корея.

Порты новой свободной экономической зоны являются самыми близкими для одного из наиболее развитых хозяйственных районов Китая - Маньчжурии. Темпы роста производства и внешнеторгового оборота Северо-Восточного Китая таковы, что Китайские порты и ведущие к ним дороги с трудом справляются с транспортировкой грузов.

Перегруженность российских дальневосточных портов и растущий товарооборот России с прибрежными районами Китая, Японией, Республикой Корея, Тайванем, Сингапуром, Малайзией позволили бы обслужить портам корейской СЭТЗ часть российского внешнеторгового грузооборота, тем более, что доставка импортных грузов в глубинные регионы Дальнего Востока и Сибири все равно требует перегрузки в железнодорожные вагоны. Транспорти-

ровка импортных грузов из Японии или Республики Корея в Хабаровск или Читу через порт Раджин по подсчетам корейских экспертов обойдется не дороже, чем через Владивосток или Находку⁵.

СЭТЗ Раджин-Сонбон могла бы принять участие и в освоении нефтяных ресурсов сахалинского шельфа.

Недалеко от северо-восточного побережья КНДР, за незамерзающим морем находятся мировые центры производства, услуг, торговли и финансов в Японии, Республике Корея, на Тайване. Налаживание с ними устойчивого экономического сотрудничества вдохнуло бы жизнь в этот регион, обеспечило бы лучшее использование полезных ископаемых, трудовых ресурсов, производственных мощностей и инфраструктуры.

Развитие зоны предполагалось провести в три этапа и закончить в 2010 г. В настоящее время осуществляется второй этап, в течение которого предстоит завершить создание инфраструктуры, доведя возможности обработки грузов в портах до 50 млн.т в год, завершить проекты по строительству административных зданий, жилых домов, реконструкцию системы связи и туристских районов. В этот же период должен сложиться основной костяк промышленной структуры, ориентированной на экспорт и на переработку импортных грузов за счет иностранных инвестиций⁶.

На третьем этапе, в 2001-2010 гг. в зоне предполагается завершить формирование высокотехнологичного и наукоемкого комплекса предприятий.

Юридический статус зоны

Юридической основой создания и развития СЭТЗ Раджин-Сонбон являются Законы КНДР "Об иностранных инвестициях", "Об иностранных предприятиях" и законодательные акты и постановления правительства о зоне Раджин-Сонбон⁷.

В соответствии с законами и постановлениями, действующими только на территории зоны СЭТЗ, функции государства ограничиваются исключительно созданием условий для частного иностранного предпринимательства, развитием инфраструктуры, наблюдением за порядком и руководством государственными предприятиями.

Все иностранные юридические лица имеют право заниматься хозяйственной деятельностью без каких-либо ограничений и контроля. Аэропорт и морские порты СЭТЗ объявляются свободными для иностранных транспортных средств. Иностранным гражданам разрешен безвизовый въезд и пребывание в зоне. В зоне разрешается создавать любые типы предприятий любых отраслей за исключением загрязняющих окружающую среду и представляющих угрозу национальной безопасности.

Иностранцы могут вкладывать капитал как в совместные предприятия, так и быть полными собственниками хозяйственных объектов. Иностранцам разрешается проводить все виды операций с нерезидентами. Иностранцы могут брать в аренду землю и другие объекты недвижимости сроком до 50 лет. Характер, объем производства, цены на товары и услуги будут складываться по законам рынка.

Иностранцы могут свободно ввозить и вывозить товары, заниматься транзитной торговлей, реэкспортом, производить расфасовку, переупаковку, переработку товара, ввозить сырье, полуфабрикаты, комплектующие, необходимые для производства, и не уплачивать при этом никаких пошлин.

Налоговые льготы

Наряду с отменой таможенных пошлин иностранным инвесторам, предствительствам и отделениям фирм, зарегистрированным в СЭТЗ, предоставляется ряд налоговых льгот. Важнейшая из них - снижение основной ставки налога с прибыли корпораций до 14% (максимально) от балансовой прибыли. Для фирм, осуществляющих капиталовложения в отрасли высокой технологии, экспортные, импортозамещающие, предоставляется 10% скидка с подоходного налога.

Каждое предприятие, полностью или частично принадлежащее иностранцам, освобождается от налога на прибыль на 3 года с момента получения первой прибыли. В последующие два года они платят половину налога на прибыль. Для компаний, инвестирующих средства в инфраструктуру, льготный период освобождения и снижения налога может быть продлен.

Инвесторам приоритетных отраслей промышленности предоставляются, кроме того, льготы при аренде земли и получении кредитов у государственных банков КНДР.

Разрешается безналоговый вывоз за рубеж прибылей и других законных доходов, а также репатриация капитала.

За 9 лет после принятия решения о создании свободной экономической и торговой зоны в Северо-Восточной Корее в районе зоны достигнуты определенные успехи. Реконструированы дороги, перестраиваются порты, увеличено производство электроэнергии, полным ходом идет строительство жилых и административных зданий. Расширена сеть гостиниц и санаториев.

Положительным показателем является рост международного грузооборота трех портов, однако капиталовложения финансируются почти исключительно государством.

Некоторые иностранные фирмы и банки открыли в зоне свои представительства, но они не спешат с инвестициями, особенно в производство. Серьезные широкомасштабные проекты немногочисленны и ограничиваются в основном иностранными фирмами, принадлежащими этническим корейцам, проживающим за рубежом. Однако развитие китайских свободных экономических зон начиналось с того же самого.

Отличие СЭТЗ Раджин-Сонбон от подобных зон в КНР состоит, во-первых, в том, что северокорейская зона является как бы островом в чуждой социально-экономической среде. Социалистические социально-политические основы экономики КНДР до сих пор незыблемы в отличие от Китая, где после успешного проведения реформ свободные зоны обслуживают не только иностранных инвесторов, но и быстро растущий частный сектор в китайской экономике. Частный китайский капитал играет заметную роль в развитии самих зон. По этой же причине доверие иностранных инвесторов к китайским зонам несравненно больше, чем к СЭТЗ Раджин-Сонбон.

Во-вторых, внутренний рынок и ресурсы КНДР вообще и районов, прилегающих к СЭТЗ, неизмеримо меньше, чем соответствующие рынки и ресурсы в Китае. В отличие от бурноразвивающейся экономики Китая успехи прилегающих к северокорейской СЭТЗ регионов - самой Корейской Народно-Демократической Республики и российского Дальнего Востока представляются иностранным деловым кругам проблематичными.

В-третьих, экономический потенциал корейской диаспоры за рубежом не сопоставим с финансовыми возможностями хуа-цзя.

В-четвертых, в КНДР нет таких особых внешнеполитических условий, как в Китае в связи с вхождением Гонконга в состав КНР, когда гонконгская буржуазия стремится укрепить свои позиции в экономике Китая, а удобнее

всего вкладывать финансовые средства в связи с многочисленными льготами в свободных экономических зонах.

Тем не менее, стремление правительства КНДР создать свободную экономическую и торговую зону в Северо-Восточной Азии - явление положительное. Независимо от темпов притока капиталовложений и роста товарооборота СЭТЗ она способствует развитию Северо-Востока республики и международному региональному сотрудничеству в первую очередь между КНДР и восточными районами Китая и России. Развитие зоны представляет значительный интерес для российских экспортеров, экспедиторских компаний и инвесторов.

Сведения о рынке КНДР, полезные для российских экспортеров

Российские товары производственного назначения пользуются чрезвычайно высоким спросом на рынке КНДР в силу следующих обстоятельств:

1. Интенсивное капитальное строительство в условиях дефицитной экономики, острой нехватки машин, оборудования, комплектующих, целых технологических линий порождает чрезвычайный по масштабам спрос на вещественные носители основного капитала - традиционные экспортные товары нашего тяжелого машиностроения, особенно подъемно-транспортного, металлургического, металлообрабатывающего, энергетического, химического, нефтеперерабатывающего; грузового транспорта, энергетического, электротехнического оборудования и других средств производства, а также некоторых видов сырья и топлива.

2. Развитые государства Северной Америки, Юго-Восточной Азии и Западной Европы по военно-политическим соображениям сильно ограничивают поставки товаров производственного назначения в Северную Корею и, как было сказано выше, не страхуют экспортные кредиты и инвестиции. Некоторые новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии, заинтересованные в экспорте в КНДР, не в состоянии удовлетворить потребности страны во многих товарах производственного назначения, т.к. они этих товаров попросту не производят, а реэкспорт европейского и американского оборудования через Гонконг обходится для КНДР слишком дорого.

3. Конкурентоспособность российских машин и оборудования в значительной степени определяется простотой его обслуживания и возможностью ремонта собственными силами. Многие корейские инженеры и техники получили образование в советских учебных заведениях или подготовлены в КНДР советскими специалистами и специально изучали наше оборудование. Определяющим фактором является и относительная дешевизна российских машин.

4. Значительная часть используемого в экономике КНДР оборудования - советско-российского производства, очень многие хозяйственные объекты построены при техническом содействии СССР. В 1992 году на такие производственные мощности приходилось около 1/3 всей выплавляемой стали и добываемой железной руды, почти 40% производства проката, более 60% электроэнергии и нефтепродуктов, 90% аккумуляторов и 100% алюминия. Эксплуатация, ремонт, реконструкция, расширение этих мощностей требуют постоянного импорта из России.

5. Велика потребность северокорейского рынка и в потребительских товарах. Однако в связи с переходом в торговле между нашими странами к расчетам в конвертируемой валюте и острой нехваткой этой валюты в КНДР импорт потребительских товаров финансируется по остаточному принципу. Кроме того, молодые индустриальные страны - соседи Северной Кореи - стремятся заполнить рынок своими дешевыми изделиями. К этому же стремятся создаваемые с участием иностранного капитала СП.

Тем не менее, у российских промышленных потребительских изделий, особенно электротехнических, химических, бытовых инструментов, точной механики и оптики, при их надежности и дешевизне, - очень хорошие шансы на рынке КНДР. По этим товарам с северокорейской стороны неоднократно делались предложения относительно бартерного обмена.

Однако было бы неправильно вдаваться в эйфорию по поводу возможностей продвижения российских товаров на рынки КНДР. Есть по крайней мере три важных фактора, создающих проблемы для нашего экспорта.

Во-первых, постоянный дефицит валюты ведет к стремлению северокорейской стороны отсрочить, задержать платежи. Выход из этого положения для российского экспорта - безотзывной аккредитив (на это корейские партнеры соглашаются с трудом) или бартерная операция. Возможно создание СП в КНДР.

По причине нехватки валюты северокорейские импортеры жестко торгуются по ценам и порядку оплаты. Обычным является предложение необоснованно высоких цен на экспортные товары из КНДР и стремление занижить цены на российские товары, поэтому к переговорам следует основательно готовиться, представлять себе мировые цены, практикуемый порядок поставок и расчетов, сравнительную конкурентоспособность экспортируемых и импортируемых товаров на мировом рынке.

Во-вторых, следует учитывать транспортные проблемы поставок. То, что несколько лет тому назад не вызывало беспокойства у торговых партнеров, сейчас стало сильным тормозящим фактором: неконтролируемый рост затрат на транспортировку, резко возросшая опасность повреждений и недоставки груза, массовое несоблюдение сроков доставки.

В-третьих, перестройка системы внешней торговли и хозяйственные трудности в России привели к снижению активности отечественных экспортеров на рынке КНДР. Этим пытаются воспользоваться быстро развивающиеся соседи - КНР, Япония, Сингапур, Малайзия, и в первую очередь южный сосед Республика Корея.

Задача российских экспортеров сохранить и расширить позиции российских производителей на емком и перспективном рынке у наших границ на Дальнем Востоке.

1. Financial Times. 27 March. 2000.
2. Ratschlage fur die Ausfuhr. Commerzbank. Frankfurt/Main, 2000.
3. Там же.
4. Свободная экономическая и торговая зона Раджин-Сонгбон: Издание Комитета по содействию международной торговле. Пхеньян. 1992.
5. Pyongyang. 1998. № 62.
6. Age of Independence. 1999. № 36.
7. Там же.

История

Американская историография новой истории Китая: кризис парадигм? Заметки о дискуссиях синологов США

© 2001

Л. Березный

Сложные и неоднозначные процессы современного развития КНР побуждают китаеведов размышлять над новыми подходами к их изучению. Попытки стимулируются также общими изменениями в мире, все большим вовлечением Китая в процесс «глобализации» со всеми его противоречиями. Наконец, сказывается, видимо, ставшая очевидной эпистемологическая несостоятельность современной социальной мысли в ее попытках дать объективное обоснование названным процессам, их перспективам. По мнению А.Дирлика изменения в направлении развития Китая, которые связаны с переменами в глобальном масштабе, породили концептуальный кризис в историографии Китая¹.

О «методологических тенях» в американской синологии заговорили еще в начале 80-х гг.²; в 1991 г. в двух журналах, отстоящих весьма далеко друг от друга по своей политической направленности, почти одновременно появились констатации: «синология в кризисе»³. Ч.Хорнер, автор статьи в *Commentary* (в 1989-1990 гг. — сотрудник госдепартамента и информационного агентства США) обвинял синологов в том, что своими позитивными оценками китайской революции и КНР они способствовали мягкости политики США в отношении КНР (ранее подобную точку зрения высказывали и китаеведы Т.Метцгер и Р.Майерс в упомянутой статье о «методологических тенях»). В свою очередь А.Дирлик в статье 1996 г. отмечал, что в мышлении историков происходят значительные перемены — современная историография характеризуется переходом от обобщающих интерпретаций к множественности подходов, разъединяющих науку; это ведет к новым «гегемониям» («Культуралистский» подход, «Ориентализм», «China centred history» и др.) и к новым возможностям в понимании прошлого; «парадигмы и «кризис парадигм» владеют в наши дни умами историков Китая»⁴.

Отражением этой ситуации стали многочисленные в 90-х годах дискуссии в ряде американских университетов, а также публикации на страницах *Modern China*, *China Quarterly*, *Theory and History* и других изданий. Дополнительным стимулом поиска новых подходов послужили события весны 1989 г. в Пекине, выявившие противоречивость развития КНР⁵.

Существенное влияние на процессы в американской историографии оказывают как и прежде, идейно-политические факторы. «Синологические исследования, - отметила А.Уилсон, один из редакторов сборника статей по методологическим проблемам американского китаеведения, - осуществляются не в вакууме, они испытывают сильное влияние более широких интеллектуального и социального контекстов. В Соединенных Штатах Китай - идеологически обремененная, эмоционально перегруженная тема, что сказывается на объективности суждений»⁶. Подобного же мнения придерживаются и другие участники дискуссий. Ф.Хуан указывает на идеологический фактор как на одну из ловушек, подстерегающих исследователя⁷. Дирлик, придерживающийся подобного же взгляда, обращает внимание и на влияние различных социальных и профессиональных отношений и связей, в том числе самого тривиального свойства (продвижение по службе и в званиях, возможности получения грантов и т.п.), ограничивающих свободу выбора ученых и ведущих в той или иной степени к контролю над интеллектуальной деятельностью. Парадигмы не только направляют интеллектуальную работу, они являются также отражением общественной идеологии, поскольку профессии едва ли могут быть изолированы от более широких социальных контекстов, в том числе и отношений внутри профессиональных научных сообществ; «парадигмы не только ведут исследователя, они также контролируют его, исключая альтернативные объяснения и, следовательно, тех, кто оказывает предпочтение альтернативным объяснениям или предлагает их»⁸.

В связи с дискуссиями о парадигмах и роли теории в исторических исследованиях обсуждается и проблема «факта» (кавычки, как правило, ставят диспутанты). Как известно, вопрос этот давно привлекает внимание ученых. Преодоление позитивистских взглядов, господствовавших в XIX в., привело к осознанию релятивизма исторического знания. В последнее время проблемы достоверности исторических свидетельств, которыми оперирует исследователь, вновь стали злободневными, что связано, по-видимому, не только с распространением постмодернистских трактовок проблемы, но и с отставанием синологии от темпов изменений в Китае, опровергающих предшествующие выводы и прогнозы. Толчком к развертыванию новых дискуссий о проблеме «факта» послужил выход в свет в 1978 г. двух книг, авторы которых крайне негативно трактуют саму способность познания истинной сути явлений и событий. В одной из них ставится под сомнение возможность их трактовки вне связи с той или иной теорией, что требует привлечения других теорий, частично перекрывающих друг друга, но часто взаимно несовместимых⁹. В другой нашумевшей книге - «Ориентализм» Э.Саида - факт трактуется как выражение субъективных представлений историка¹⁰. Этот постулат встретил неприятие многих участников нынешних дискуссий. Симпозиум «Теория и практика в исследованиях новой китайской истории: парадигматические проблемы в китаеведении» на страницах *Modern China* (1998, № 2) был в значительной степени посвящен полемике с концепциями Саида¹¹. Главный редактор журнала Ф.Хуан, признавая обоснованность критики игнорирования субъективизма историка, указывал на другую крайность, в которую впал, по его мнению, постмодернизм: отрицание самой возможности познания объективной реальности, отделенной от субъективизма исследователя¹². А.Дирлик также не приемлет категорического отрицания указанной возможности, но обращает внимание на проблематичность статуса «факта» в истории, что превращает изучение истории в сугубо интерпретативное предприятие. Это не ведет к выводу, что история - просто разновидность художественной литературы, но предполагает необходимость пристального внимания к нарративной стратегии историков в их стремлении понять смысл прошлого. Подчеркивать важность интерпретации, полагает

Дирлик, значит указывать на роль историка в воссоздании истории, а это в свою очередь привлекает внимание к взаимоотношениям историка с его временем. Претендуя на профессиональную автономию и, соответственно, на автономность отношений между теорией и «фактом», историк замалчивает вопрос о роли идеологии в выборе и формулировке парадигм, а также в подборе «фактов», иными словами, скрывает идеологический характер занятий историей. Парадигмы историков, по Дирлику, порождаются как их общими социальными представлениями, так и профессиональными устремлениями, и вообще связями между работой историка и политикой и идеологией. Смена парадигм, отказ от прежних оценок прошлого могут быть обусловлены не только интеллектуальными требованиями науки, но и давлением идеологического контекста¹³.

В ходе дискуссий 90-х гг. отмечалась смена ряда общеметодологических подходов американских ученых к анализу новой истории Китая, но в центре обсуждения оказались «парадигма модернизации» и «парадигма революции». Внимание диспутантов было сосредоточено на их противостоянии, но общим вектором размышлений была трактовка реального модернизационного процесса. Модернизация как социальная теория была эвфемизмом, подразумевавшим развитие капитализма. Подчеркивая ее западоцентристское происхождение, Ф.Хуан характеризует эту теорию как идеализированную абстракцию западного опыта, превращенную в универсальную модель. При этом он указывает на западоцентризм как на еще одну ловушку, подстерегающую исследователя новой истории Китая.

Поколение ученых 50-60-х гг. (время, когда впервые модернизация появилась как социальная теория), констатирует и Хуан, и Дирлик, пришло к выводу о провале модернизации, поскольку Китай не пошел по западному пути.

Причиной этого была сочтена китайская культура, несовместимая с либеральными представлениями о модернизации. В то же время считалось, что само институциональное наследие китайского прошлого способствовало победе коммунизма, и эта победа, по мнению приверженцев подобных взглядов, подчеркивала отчужденность и удаленность Китая от Modernity, т.е. от западных форм развития, отождествляемых с новым временем и претендующих на универсальность¹⁴. Хуан, фиксируя западоцентристское происхождение понятия Modernity, полагает, что это не может служить основанием для утверждения (характерного, по мнению ученого, для «радикального культурного релятивизма»), будто данное понятие неуместно для анализа процессов общественного развития Китая¹⁵.

Категорический вывод о несхожести путей развития Китая и Запада дал толчок появлению противоположной точки зрения (тоже в общем западоцентристской): в первые столетия нового времени и в Китае (до разворачивания иностранной экспансии) проявились тенденции, свойственные направлению развития Запада¹⁶ (весьма условно имеются в виду последние три столетия – XVIII–XX вв.). Вывод о том, что и в Китае был свой период *early modern*, получил довольно широкое признание в американской литературе. Более того, некоторые ученые ведут поиски в позднимперском Китае «публичной сферы» или «гражданского общества» как явлений, равноценных понятию «зарождающейся демократии»¹⁷. Хуан также находит в Китае рассматриваемого времени проявление тенденций, схожих с ранним периодом формирования *modernity* на Западе, которые, однако, не привели к прорыву в росте продуктивности производства, капиталистическому развитию или формализации права. Вместе с тем, Хуан обнаруживает в экономике Китая свидетельства, противоречащие распространенным в литературе представлениями о том, что в Китае тогда были лишь «коммерциализация без развития», «капиталистические производственные отношения без развития», «рост без

развития», «правление закона без его формалистической рационализации»¹⁸. Хуан напоминает, что и К.Маркс и Адам Смит по крайней мере в своих идеологических построениях предполагали необходимую связь между коммерциализацией и экономическим развитием. Эмпирические данные в равной степени, по мнению ученого, не дают основания для заключения о том, что позднимперский Китай был таким же, как Запад в соответствующий период, ни для противоположного утверждения¹⁹. Китай может быть в чем-то схож с Западом и в то же время отличающимся от того Запада, каким он сконструирован в западных теориях. Признавая парадоксальность своих выводов, с точки зрения западных теорий, Хуан настаивает на необходимости в таком случае разработки новых концепций, более «согласующихся с китайскими реальностями»²⁰.

Поиски признаков модернизации в Китае в столетия, предшествовавшие началу так называемого «воздействия Запада», привели к выводу, что в стране был свой период early modern, свои особенности начала модернизации. Этот вывод отражал несогласие части американских ученых с первоначальным толкованием модернизации как процесса вестернизации китайского общества и с выводом о провале модернизационного направления его развития; несостоятельной оказалась парадигма модернизации в том виде, как она сложилась в 50-х гг. Признание этого факта стимулировало поиски новых подходов в иных направлениях. В начале 70-х годов в китаеведных кругах привлекла внимание статья Д.Типса. По мысли автора, современность содержит в себе и новое, и традиционное, последнее является интегральной частью нового мира²¹. Примечательно, что в 90-е годы сходные мысли высказывают конфуциански мыслящие ученые. По мнению Ду Вэймина, одного из наиболее авторитетных современных конфуцианцев, необходимо тщательное переосмысление понятия современности и процесса модернизации; традиции в современности – отнюдь не просто «исторический осадок, пассивно лежащий на дне современного сознания, а, напротив, сдерживающая и мобилизующая сила, способная придавать особую форму современности в каждом данном обществе»²² (курсив мой – Л.Б.).

В контексте поисков новых подходов в 70-80-х гг. воспринимается малоизвестная, кажется, у нас статья С.Хантингтона «Политический порядок в изменяющихся обществах». Задолго до появления его прогнозов (1993г.) о грядущем «столкновении цивилизаций» Хантингтон предлагал реформировать саму теорию модернизации, поскольку последняя, по мнению автора, – дестабилизирующий фактор. Чтобы избежать этого он предлагал рассматривать идеи авторитаризма как «рычаг» модернизации вместо демократии и других либеральных установок, выдвигавшихся как главное условие развития в прежней трактовке модернизационного процесса²³. В этой связи представляет интерес современная публикация профессора Пекинского университета Гуань Хайтина о дискуссии в 30-х годах о путях модернизации Китая. В ходе этой дискуссии Цзян Тинфу выдвигал идею авторитарного правления как этапа на пути к демократии, что вызвало отповедь Ху Ши²⁴.

Появление статьи Хантингтона нельзя не поставить в связь с тем, что с конца 60-х годов в американском китаеведении стала набирать силу парадигма революции, непосредственно связанная с проблемами модернизации общества. Как заметил А.Дирлик, концепция Хантингтона предлагала авторитарную модель модернизации в качестве альтернативы революции. Причины роста влияния парадигмы революции по-разному трактовались в американской литературе. Т.Метцгер и Р.Майерс, противники этой парадигмы, в упомянутой статье о «методологических тенях» отметили ряд факторов, способствовавших появлению этой «тени»: вьетнамский синдром, стремление некоторых ученых избегать нападок на пекинское правительство из-за опасений закрыть себе доступ в КНР («синдром Марко Поло», замечают авторы, от которого возмож-

но освободиться лишь побывав на Великой стене); то обстоятельство, что антикоммунизм, по мнению Метцгера и Майерса, не приобрел еще в интеллектуальных кругах достаточной легитимности: он вызывал ассоциации с маккартизмом²⁵. Приверженцы парадигмы революции видели, по словам Дирлика, предпосылки успеха модернизации в разрыве с прошлым, отвергали европоцентризм и упор на особую роль культуры (культурализм), свойственный последователям теории модернизации. Соответственно, в исторической литературе претерпели изменения представления о приоритетах в исследовании новой истории Китая. Акцент в объяснении трудностей модернизации сместился из сферы культуры в изучение социальных и экономических факторов, а также роли иностранного империализма, признаваемого главным препятствием на пути достижения *modernity*; логика такого подхода естественно переключала внимание на историю революционного движения и связанных с ним событий. Эти новые тенденции в историографии наиболее отчетливо проявились на страницах журналов *Modern China* и *Bulletin of Concerned Asian Scholars*²⁶. При этом парадигма революции не порывала с теорией модернизации, а перерабатывала ее в альтернативную концепцию, имея в виду вестернизацию Китая. Критика культурализма привела к тому, что некоторое время почти не было работ по вопросам культуры и идеологии новой истории Китая; в историографии распространились термины национально-освободительной борьбы — «империализм», «третий мир», «класс» и т.п. В конце 60-х годов, отмечает Дирлик, парадигма революции стала столь влиятельной, что даже модернизационисты «из буржуазно-либерального лагеря» сочли необходимым инкорпорировать революцию (и социализм) в содержание концепции модернизации как возможных альтернативных способов развития к капитализму²⁷.

Рассматриваемые дискуссии, начавшись в период наибольшего влияния парадигмы революции, продолжали с еще большей остротой после того, как с середины 80-х годов ситуация в историографии стала заметно меняться: модернизационный подход вновь стал теснить парадигму революции. Упомянувшиеся выше констатации «кризиса в синологии» (1991 г.) отражали происходивший перелом. Этому, конечно, способствовали события весны 1989 г. на Тяньаньмэнь, но еще до них — успехи реформ рыночного характера.

Свидетельством обострения интеллектуального кризиса, поразившего американскую историографию Китая, является, по моему мнению, присоединение к критике парадигмы революции ученых, прежде разрабатывавших именно эту концепцию. Так, Дж.Эшерик — один из сторонников этой парадигмы — призвал в 1995 г. «к переосмыслению китайской революции». Не отвергая вовсе значения последней, он особенно подчеркивал неприемлемость, с его точки зрения, «телеологии революции»²⁸. Авторы, и ранее отвергавшие вывод о закономерности победы КПК в 1949 г. ходом событий предшествующих десятилетий, нашли новое подкрепление своим взглядам в переменах, происшедших в 80-90-х годах в КНР и в мире в целом. Как отмечает Дирлик, китайской революции отказывают теперь в историчности, объявляют ее абберрацией (Р.Макфаркуар), ссылаясь при этом на то, что она в первые десятилетия после 1949 г. не только не обеспечила подъема экономики (бурное развитие КНР, связанное с переходом к рыночным реформам — один из главных аргументов противников парадигмы революции), но вообще положила конец прогрессивным тенденциям, существовавшим в обществе до 1949 г. По мнению приверженцев этой точки зрения, в поздний период правления цинской династии в Китае уже стали зарождаться элементы гражданского общества, набравшие силу в первые два десятилетия Китайской Республики; однако после 1949 г. они были подавлены; утверждается также, что революция привела к этическому вырождению китайцев. Эти и подобные оценки революционного процесса

в Китае послужили основанием для вывода, разделяемого ныне многими американскими китаеоведами: парадигма модернизации вновь одержала верх над парадигмой революции²⁹.

Одним из наиболее последовательных противников этого вывода выступил А. Дирлик, известный своими исследованиями ряда сюжетов истории китайской революции³⁰. Будучи противником «телеологии революции», он не разделяет однако и «телеологии модернизации» в том виде, в каком она предстает в тезисе о «победе» данной парадигмы (термин «победа» ученый ставит в кавычки). Дирлик критически относится к радикальному пересмотру многих оценок и явлений новой истории Китая, которым сопровождается «развенчание» революции: то, что прежде, когда революция рассматривалась в качестве центрального события в Китае XX в. считалось регрессивным, получило теперь противоположную оценку. Так, сторонники парадигмы модернизации подчеркивают теперь позитивный, по их мнению, вклад в развитие Китая гоминьдановского правления³¹; шэньши и торговцы позднецинского времени у них оказываются более прогрессивными, чем коммунистические революционеры. Особенно поразительной представляется Дирлику переоценка роли империализма в Китае. Основной порок модернизационной парадигмы в ее нынешнем виде Дирлик видит в «отделении» революции от модернизации в их противопоставлении для обоснования вывода о победе парадигмы модернизации: по Дирлику, это ведет к замалчиванию правды об истории модернизации и о самом понятии «модернизация», частью которой была революция. Этот вывод, полагает Дирлик, искажает не только историю модернизации, но и современное положение: ведь современный капитализм радикально отличается от того, каким он был в течение столетия, предшествовавшего появлению теории модернизации в 1950-х годах. Наиболее важное различие – исчезновение временной и пространственной телеологии модернизации. Капитализм, взяв верх над социализмом, преуспевает в унификации земного шара, но потерпел неудачу в достижении какой-либо однородности, породив новые формы фрагментации. Социализм может стать явлением прошлого, однако идея альтернативного пути развития, как его наследие, жива, хотя теперь уже в контексте капитализма. Дирлик имеет в виду так называемое возрождение конфуцианства, примером которого послужили китайские общества Гонконга, Сингапура и Тайваня. Эти общества, превращаясь в капиталистические, способны противопоставить себя в качестве образцов, полагает Дирлик, евроамериканской капиталистической модели. Сама возможность того, что «традиции», отличающиеся от евроамериканских, могут служить капитализму, подрывает евроамериканскую телеологию модернизации: она таким образом распадается во временном и пространственном разнообразии. В этой связи заслуживает внимания наблюдение Дирлика о росте в последнее время интереса к различным культурам капитализма. Это касается не только Китая. «Традиционные общества» от конфуцианских до исламских, ранее вступившие на путь модернизации, теперь превратились в культуры капитализма, обладающие своими особенностями³². По мнению Дирлика, плоды глобализации превращаются теперь в угрозу капиталистическому строю: Хантингтон в своей концепции «столкновения цивилизаций» пренебрег тем фактом, что эти «цивилизации» являются не старыми цивилизациями, а плодами глобализации капитала, они не только отделены друг от друга, но и связаны своим партнерством в глобальном капитализме. Предсказываемый Хантингтоном конфликт цивилизаций в действительности явится конфликтом внутри капиталистической мир-системы. Тем не менее, эти предсказания показывают, что *modernity* разъединяет даже тогда, когда она универсализирована. Какая уж тут «победа», восклицает Дирлик, имея в виду вывод о победе парадигмы модернизации над парадигмой рево-

люции³³. В целом, по мнению Дирлика, современное описание процесса модернизации в Китае, представляя «победу» модернизации над революцией в качестве кульминации полуторавековой борьбы за модернизацию, отделяя революцию от модернизации, исторически несостоятельно, оно не более правдоподобно, чем попытка объяснить сдвиги в развитии, например, Китая, только в рамках парадигмы революции³⁴.

Неприятие вывода о победе парадигмы модернизации Дирлик аргументирует, как будет показано ниже, и своим анализом сложностей и противоречий общественного развития КНР, сопутствующих реформам и в той или иной мере ими порожденных. Нельзя не отметить, что его наблюдения во многом схожи с констатациями некоторых авторов, с порога отвергающих мысль о том, что революция в некоторые ее периоды была частью процесса модернизации. Эта схожесть косвенно подтверждает, на мой взгляд, что революция в отдельные периоды ее развития была частью модернизационного процесса.

Американская литература о реформах в Китае и их последствиях весьма обширна, и представить в данном обзоре даже ту ее часть, которая доступна, невозможно. Приходится ограничиться лишь некоторыми примерами, отражающими различные тенденции. Одна из них – разочарование синологов, ранее стремившихся показать позитивные элементы в процессах, происходивших в КНР. Такой подход был свойствен, в частности, монографии Дж.Спенса, вышедшей в свет в 1981 г. В монографии же, опубликованной под непосредственным впечатлением событий на Тяньаньмэнь, акценты совсем иные: для Китая, стремящегося модернизироваться, как и прежде, характерны насилие, перевороты, стихийные бедствия и т.п.; исторический 1989 год (автор, по-видимому, имеет в виду события в Восточной Европе) обернулся для Китая тяжелейшим поражением – бархатная революция не произошла, бамбуковый занавес не устранен, нет и сколько-нибудь заметной гласности³⁵.

Иная тенденция просматривается в подходе Ч.Джонсона, опирающегося на теорию так называемых «постмобилизационных режимов» (книга написана в пору, когда парадигма революции была распространена в американской историографии). В отличие от авторов, прямо противопоставляющих модернизацию и революцию, Джонсон полагает, что маоистский режим на своих ранних стадиях являлся модернизационным режимом, осуществлявшим мобилизацию масс и государственный контроль над экономикой с целью осуществить индустриализацию. Однако такого рода режим не может бесконечно поддерживать высокую степень революционного напряжения: народ истощен и разочарован провалом попыток реализации утопических идей; создание современной крупномасштабной индустрии требует применения более сложных экономических структур, опоры на технократов, рационального регулирования, создания менее политизированного, более меритократического и либерального общества. Модернизация таким образом диктует мобилизационному режиму собственную динамику, вводя его в «постмобилизационную фазу» или фазу «зрелого коммунизма»³⁶. Эта концепция подвергнута критике в книге Э.Нэйтана. По его мнению, слабость такого подхода в том, что он не учитывает нестабильности систем «зрелого коммунизма», доказанную крахом постмобилизационных режимов в Восточной Европе. Большинство аналитиков, пишет Нэйтан, исходили из того, что постмобилизационные авторитарные режимы стабилизируются на время перехода к демократии. Но такой анализ не учитывает хрупкости этих режимов, игнорирует внутренние силы, угрожающие их существованию, не исследует возможных путей их развития после фазы реформ. Сам Нэйтан придерживается иного взгляда: режим Дэна столкнулся с серией кризисов. Признавая некоторые успехи экономических реформ, автор указывает на порожденные ими инфляцию и коррупцию, неэффективность государственных

предприятий, вызывающую недовольство и т.п. Подчеркивая противоречия современного развития КНР. Автор полагает, что они могут привести к образованию системы, в которой власть является столь всеохватывающей, хотя и децентрализованной, что государство, общество и экономика превратятся в одно целое³⁷. Анализ противоречий развития постмаоистской КНР представлен также в книге Эд.Фридмэна, который отмечает те же негативные явления, о которых пишут и другие американские синологи, обращая особое внимание на сложные проблемы национальной самоидентификации различных этнических групп населения Китая, и в этом контексте — на обострение центробежных тенденций³⁸.

При всем разнообразии круга рассматриваемых проблем, акцентов и т.п., многие американские китаеведы связывают негативные явления в общественном развитии КНР с отсутствием сколько-нибудь существенного, по их мнению, прогресса в демократизации общества, в том, что экономические реформы не сопровождаются демократическими реформами политической системы.

А.Дирлик, как было отмечено выше, тоже сосредоточивает свой анализ на негативных явлениях в КНР, также свидетельствующих, по его мнению, об эфемерности «победы» парадигмы модернизации. На поверхность выступают проблемы, свойственные раннему периоду модернизации: резкие социальные различия, регионализм, коррупция и бандитизм, милитаризм (теперь уже коммунистических кадров).

В стране сохраняются революционные традиции (отнюдь не являющиеся aberrацией), но возрождаются и традиции, вовсе, по мнению Дирлика, не прогрессивные, а напоминающие фашистские интонации 1930-х годов и т.д. А. Дирлик приходит к выводу: «победа» над революцией не гарантирует временной телеологии модернизации. Призрачность такой «победы» становится, полагает автор, еще более очевидной, если обратиться к проблеме пространственности, подрывающей построения как «революционной», так и «модернизационной» историографии. Автор имеет в виду проблему, привлекающую внимание ученых разных направлений, но ставит ее, может быть, отчетливее и острее. Дирлик указывает на исчезновение пространственной телеологии нации-государства, необходимость формирования которого признавала как «революционная» так и модернизационистская историография: считалось, что произойдет гомогенизация (экономическая, социальная, культурная) нации. Одна из причин того, почему китайские революционеры искали революционную альтернативу капиталистической модернизации, было убеждение в том, что при сохранении засилья империализма политическая интеграция невозможна. Именно поэтому основной целью революции было завершение процесса формирования нации. Усилия маоистского руководства, направленные на отделение страны от мировой экономики, и его политика автаркии, были тесно связаны с этой целью. В современном Китае государство находится в состоянии дезинтеграции, которая создается его собственной политикой. При этом государство проявляет обеспокоенность им же самим созданной ситуацией и готовность применить насилие для сдерживания центробежных тенденций. Впрочем, его способность осуществить это, полагает Дирлик, вызывает сомнения: капитализм, в который интегрирован нынешний Китай, отвергает в теории и на практике идею национальной экономики как автономного целого, прокламируя взамен необходимость интернационализации (глобализации) как условия развития. Глобальная интеграция (или гомогенизация) сочетается в КНР с фрагментацией (соперничеством мест за привлечение ресурсов для развития). Вопреки требованиям идеологии неравномерное развитие оказывается предпосылкой создания новой, современной экономики.

Дирлик обращает внимание и на другие факторы, обостряющие проблему дезинтеграции китайской нации-государства, показывая, что одни явления порождены современной ситуацией, корни других — в прошлом. Открытость страны ставит под сомнение границы того, что принято считать Китаем. Последнее проявляется в относительной экономической регионализации и возрождении проблемы этнического сознания отдельных групп неханьского населения. Выявляется несколько уровней экономической регионализации — от транспровинциальной (Южный Китай, Восточный Китай, Желтое море и т.д. (ряд авторов особенно подчеркивает противостояние Севера и Юга) до провинциального и даже до уровня город-поселок; в этих явлениях авторы во многих случаях видят не просто возрождение прежнего местничества. Новое местничество связано как с вовлечением в той или иной форме в мировую экономику, так и с этничностью: границы, на которые претендуют экономический регионализм и различные этносы подрывают пространство, определяемое национальными границами. Другим, внешним, фактором, подрывающим, по мнению Дирлика, саму идею нации-государства, является проблема Большого Китая, в частности обширная китайская диаспора, включаемая в понятие Большого Китая, в культурных отношениях еще более отличающаяся от жителей материка, чем обитатели Тайваня, Гонконга и Сингапура; у китайцев диаспоры свои представления о китайской идентичности³⁹. По мнению Дирлика, сама идея «китайскости» может утратить свое значение⁴⁰. Важность отмеченных автором тенденций современного развития Китая очевидна. Представляется, однако, что китайская национальная государственность, претерпевшая в XX в. столь значительные метаморфозы, не исчерпала еще резервов своего развития. Дирлик упоминает о возможностях государства тормозить дальнейшее распространение этих тенденций принуждением. Думается, однако, что и национальная (националистическая?) идея восстановления былого величия, облеченная к тому же в конфуцианские одежды, способна и в условиях глобализующегося мира оставаться одним из двигателей национального (цивилизационного?) подъема⁴¹, тем более, что процесс глобализации крайне противоречив, и не только С.Хантингтон, но и некоторые политические деятели стран Азии не исключают перспективы формирования нескольких сильных азиатских цивилизаций⁴². Можно ли исключать возможность существования в этом кругу китайской цивилизации с «китайскостью» в качестве ядра?

Краткий анализ некоторых сложных проблем развития современного Китая понадобился Дирлику, видимо, для выявления более глубоких причин нынешней дискуссии о парадигмах. Не исключено, предполагает ученый, что современные представления о новой истории Китая сформировались не благодаря развитию самой профессиональной исторической науки, а под влиянием современных представлений, проецируемых на прежние трактовки прошлого, китайской *modernity*. Понимание этой новой ситуации и ее влияния на историческое сознание весьма важно, по мнению Дирлика, для критической самооценки работ историков. Это также способствует критической оценке альтернативных подходов к изучению новой истории Китая, вышедших недавно на передний план. Умалчивая об условиях и источниках собственного развития Китая, сторонники этих подходов становятся соучастниками поддержания идеологизированных взглядов на современный Китай.

Неоднократное возвращение Дирлика к теме идеологизированности американской историографии Китая отражает, на мой взгляд, его критическое отношение к сложившейся в ней методологической ситуации. При всем различии подходов в их основе — общая идеологическая ориентация, которую Дирлик определяет как «постреволюционную». Он тоже, как отмечалось выше, не

приемлет «телеологии революции», но полагает, что революция, как историческое явление, была решающим событием в истории Китая XX в. Дирлик характеризует современную американскую историографию Китая и как «антиреволюционную», поскольку она не только негативно относится к «китайской коммунистической революции, как мы ее понимаем», но и вообще к революции и революционным преобразованиям, как историческому феномену, как способу достижения modernity. Будучи убежденным противником такого взгляда, ученый ссылается на аксиоматический для современной синологии постулат: исторический процесс может совершаться как в эволюционных, так и в революционных формах⁴³.

Невозможно оспорить вывод о том, что социальная эволюция предпочтительнее революции с сопровождающими последнюю потрясениями, разрушением материальных и культурных ценностей, гибелью людей. Проблема в другом: насколько реальной в конкретно-исторических условиях Китая XX в. была альтернатива именно эволюционными методами обеспечить условия для осуществления исторически назревших преобразований, т.е. модернизации⁴⁴. Между тем в современных дискуссиях вопрос о такого рода альтернативах практически отсутствует (некоторое внимание к этой проблеме проявил Д.К.Фэрбенк – но об этом ниже). А ведь история Китая в XX в. – отнюдь не прямая дорога, а путь, изобиловавший «перекрестками» – достаточно назвать наиболее заметные: 1924 (попытка созвать федеральное собрание), 1927–28, 1936–37, 1945–46, 1948–49. Открывал ли ход событий в эти моменты большие или меньшие возможности компромисса между противостоящими силами, который позволил бы прекратить братоубийственную борьбу и искать формы перехода к эволюционным методам решения проблем страны? Такой подход естественно ведет к вопросу о том, в какой мере выбор альтернатив был в каждом случае обусловлен всей совокупностью объективных исторических, социально-культурных и социопсихологических факторов, а в какой мере – обстоятельствами субъективного свойства и, следовательно, какова степень исторической ответственности политических организаций и деятелей за то, что возникавшие в эти периоды возможности свернуть с пути вооруженной борьбы не были реализованы. Представляется, что исследования «внутренней» истории, в частности ГМД и КПК, далеко не всегда дают достаточно убедительные ответы на этот вопрос. Приведем только один пример, относящийся уже к периоду КНР. Историки, в том числе и американские, вполне обоснованно критикуют «большой скачок», «культурную революцию», но так или иначе признают важное значение исторического поворота КПК к реформам в конце 70-х гг. Однако истоки этого поворота, при котором КПК, в отличие от компартий стран Восточной Европы, сохранила абсолютную монополию на власть, в сущности, не исследованы. Американские китаеведы в современной дискуссии, по существу, прошли мимо тех тенденций в предшествующем развитии КПК, которые как бы готовили поворот к политике реформ (теория «новой демократии», дискуссия в КПК в 1948–49 гг. по вопросу о том, каким должен быть характер создаваемой новой государственности, некоторые черты «политики урегулирования» в 1961–65 гг. и др.).

В рассматриваемой дискуссии критика парадигмы революции с позиций парадигмы модернизации методологически уязвима: она игнорирует наличие у понятия революция двух значений: первое – коренное изменение направления развития общества в сфере и средствами политики и второе – социальная революция как форма борьбы за осуществление этого коренного изменения в данном случае – модернизации. Кроме того, обе дискутирующие стороны имеют в виду лишь «коммунистическую революцию». Последняя, однако, лишь часть истории революции в Китае: борьба за революционный, а не

эволюционный переход к исторически назревшей задаче модернизации началась еще в конце XIX в. В современной дискуссии о парадигмах вопрос о причинах того, почему развитие событий пошло именно по революционному пути, всерьез не обсуждается. Между тем в исторической литературе разных направлений накоплен огромный материал, свидетельствующий об остроте противоречий внутри китайского общества и в отношениях Китая с внешним миром. Именно эта острота объективно обусловила неизбежность революционного переворота для устранения исчерпавшего себя императорского режима (никто, кажется, из противников парадигмы революции не ставит под сомнение правомерность Синьхайской революции). Последняя, как известно, не решила задачу создания современного государства, ставшую *conditio sine qua non* развертывания эффективной модернизации. Дальнейшее нарастание остроты названных противоречий обусловило и неизбежность дальнейшего развертывания революционного процесса (гоминьдановское правление при всех позитивных сдвигах, которые оно принесло, не решило указанной задачи). Как и в других странах, китайская революция знала периоды отката, попятного движения, включавшего и тупики, пока, наконец, не наступило время «после Мао», тоже, как отмечается в современных дискуссиях, отнюдь не расчистившее все завалы, но все же открывшее значительные новые возможности общественного развития. Революционный процесс занял большую часть XX в., и в течение всего этого времени модернизация, хотя и с трудом пробивала себе дорогу, повторяя в своем развитии те же откаты, попятные движения, а временами упираясь в тупик.

Нельзя не согласиться с отмеченным выше выводом А.Дирлика о том, что обе противостоящие парадигмы далеки от адекватного описания исторического процесса. Но в американском китаеведении разработана концепция, в своей основе выдержавшая проверку временем, хотя, разумеется, некоторые оценки в ее рамках нуждаются в уточнениях. Речь идет о концепции Д.К.Фэрбенка, общепризнанного старейшины не только американской, но и западной историографии Китая в целом (в сентябре 2001 г. исполняется 10 лет со дня его кончины). Эта концепция, разработка которой началась еще в 40-х гг., получила развитие в двух последних трудах ученого, один из которых (*The Great Chinese Revolution 1800-1985*) вышел в свет в 1986 г., после начала рыночных реформ в КНР, а второй (*China a New History*) – в 1992 г., уже после известных перемен в мире в конце 80-х – начале 90-х гг. и событий весны 1989 г. в Пекине. Предисловие к последнему подписано автором 12 сентября 1991 г. за 2 дня до смерти⁴⁵.

Суть подхода Фэрбенка к пониманию новой истории Китая в концентрированной форме выражена в разделе «История и китайская революция», открывающем 10-й том «Кембриджской истории Китая»: «Новая история Китая зарегистрировала две великих драмы, первая – конфронтация культур распространяющейся западной цивилизации международной торговли и войны и устойчивой китайской цивилизации земледелия и бюрократии, и вторая – начало фундаментального преобразования в величайшей из всех революций»⁴⁶. Даже после событий на Тяньаньмэнь 1989 г., произведших на ученого, по свидетельству М.Голдмэн, самое тягостное впечатление, Фэрбенк в первой же фразе предисловия к своему последнему труду употребил формулу «великая китайская революция»⁴⁷. Однако это не «парадигма революции», вокруг которой продолжают ломаться копья. В его понимании модернизация это и есть революция. Фэрбенк обращает внимание на два фундаментальных фактора, обусловивших особенности китайской революции. Первый – революции в западном мире произошли на почве автохтонных культур, их породивших; в Китае же происходит не только политическая, социальная и экономическая рево-

люция, но трансформация всей культуры; понятие *трансформация* – ключевое для понимания концепции ученого о китайской революции-модернизации⁴⁸. Второй фактор – процесс модернизации требует в Китае гораздо больших изменений, чем в большинстве западных стран. Результатом самой длительности китайской истории стала громадная власть инерции, которая сделала революционные изменения судорожными, порой заторможенными, а временами – разрушительными⁴⁹. Модернизация, будучи прежде всего ответом на новые технологии, всегда взаимодействует с местными культурными ценностями, поэтому каждый народ по-своему отвечает на новые вызовы в соответствии с унаследованными условиями, институтами и ценностями; «на этой основе китайская революция ведет теперь к какой-то конвергенции китайских и иностранных элементов в новый китайский культурный синтез».

Несомненный интерес представляет выбор Фэрбенком даты начала «великой китайской революции», т.е. процесса модернизации 1800 г. – трансформации – (разумеется, эта дата условная). Она основана на анализе данных о развитии Китая в XVII-XVIII вв., накопленных особенно в последние десятилетия. Этот анализ побудил Фэрбенка сформулировать следующие выводы: он считает значительным событием и «открытием» в синологии факт роста коммерции и частного сектора до иностранного вторжения и неравноправных договоров 1840-1850-х гг. Этот, по мнению ученого, вывод требует внесения корректив в тезис о «западном воздействии» как импульсе процесса модернизации в Китае и характеризует позднимперский Китай как общество не статичное, а находившееся в движении. Фэрбенк считает первостепенным тот факт, что развитие хозяйства шло преимущественно, если не целиком, за счет частного сектора, что в основном и утвердило его в прежних предположениях, что источник перемен – в самом Китае и что именно там накапливались ингредиенты революции⁵⁰. В этом выводе особенно важная констатация факта изменений в китайском обществе еще до «воздействия Запада», и потому выбор 1800 г. как условного начала революции-модернизации представляется вполне обоснованным⁵¹.

Фэрбенк выделяет в процессе модернизации несколько последовательно сменяющих друг друга фаз. Первая (начальные десятилетия XIX в.) характеризуется напряжением между возникающими новыми институтами и старыми, между ростом численности населения, расширением торговли и невосприимчивостью власти и шэньши к новым тенденциям. Во второй фазе (начавшейся в 50-е гг. XIX в. с навязывания Китаю неравноправных договоров), сложилась ситуация (считающаяся традиционной для истории Китая), сочетания внутренних беспорядков и внешней экспансии, что привело к установлению в «открытых» портах своеобразного кондоминиума консервативной императорской власти и иностранцев, обладавших договорными привилегиями. На третьей фазе, когда империалистическая экспансия достигла наивысшего размаха (1890-е гг.), в развернувшихся в обществе поисках путей «спасения Китая» и движения к Новому Китаю стали взаимодействовать, и в то же время соперничать идеи постепенной модернизации материально-культурной жизни и социальных институтов, и идеи решения всех проблем обновления Китая революционными средствами. В четвертой фазе (в первой половине XX в.) происходят колебания в этих поисках то в одну, то в другую стороны; в трех революционных конфликтах (1911-1913, 1925-1928, 1946-1949) наблюдалось взаимодействие между материальными изменениями и изменениями культурного порядка между технологией и ценностями (по мнению Фэрбенка, тот же процесс продолжается и в КНР). Наконец, в текущей фазе «великой китайской революции» как части процесса модернизации, начавшейся, по Фэрбенку, в 70-х гг., Китай предстал как более диверсифицированное и динамичное общество⁵².

Концепция общественного развития Китая, предложенная Фэрбенком достаточно убедительно, на мой взгляд, показывает тщетность попыток лишить китайскую революцию ее места в истории и в то же время односторонность культуралистского подхода, который едва ли в состоянии объяснить сложные перипетии истории Китая в XX в. Нынешнее снижение внимания китаеведения в США к социально-экономической истории Китая в XX в. и к истории революции вряд ли благоприятствует стремлению глубже познать Китай. В частности, едва ли обоснован утвердившийся в американском китаеведении вывод о том, что 1949 год не является рубежом. Можно ли игнорировать тот факт, что именно в 1949 г. началось воссоздание единой государственности (гоминьдановское правительство с этой исторической задачей не справились), без чего дальнейший прогресс в модернизации общества был невозможен. Фэрбенк убедительно, на мой взгляд, показывает причины, приведшие гоминьдановское правление к краху и обусловившие неизбежный в конкретно-исторических условиях середины XX в. приход к власти КПК.

Знакомство с доступными материалами дискуссии дает, как представляется, основания для вывода: обе парадигмы, обремененные к тому же идеологически, действительно находятся в состоянии кризиса, препятствующего адекватному (в той мере, в какой оно вообще возможно) познанию истории Китая в XX в. и особенно периода реформ в последней четверти этого века. Вместе с тем следует отметить, что американская историография новой истории Китая отнюдь не исчерпывается влиянием двух рассмотренных нами парадигм. Что произойдет с этими парадигмами и какие изменения претерпят они, покажет время.

1. Dirlic A. Reversals, Ironies, Hegemonies // *Modern China*. 1996. № 2. P. 249.
2. Metzger T.A., Myers R.H. *Sinological Shadows: The State of Modern China Studies in the U.S.* // *Methodological Issues in Chinese Studies*. Ed. By A.Wilson (and others). NY, 1983.
3. Horner Ch. *Sinology in Crisis* // *Commentary*. 1991. № 2; Huan Ph. *The Paradigmatic Crisis in China Studies: Paradoxes in Social and Economic History* // *Modern China*. 1991. № 3.
4. Dirlic A. *Op.cit.* P. 243.
5. Непосредственные отклики, крайне негативные, американских синологов на эти события весьма многочисленны, но это особая тема; отметим только, что дискуссии 90-х гг. в той или иной форме несли на себе печать впечатлений, произведенных происшедшим в Пекине.
6. *Methodological Issues in Chinese Studies*. *Op.cit.* P. 3.
7. Huan Ph. *Theory and the Study in Modern Chinese History* // *Modern China*. 1998. № 2. P. 183.
8. Dirlic A. *Op.cit.* P. 244.
9. Fuyerbend P. *Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge*. London, 1978. P. 188.
10. Said E.W. *Orientalism*. New York, 1978. P. 272-273; подобную постановку вопроса см. в кн.: Geertz Cl. *Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology*. New York, 1978.
11. См. статьи Ф.Хуана, А.Вудсайда, Ф.Уэйкмена, Дж. Эшерика, П.Дуара.
12. *Modern China*. 1978. № 2. P. 194.
13. Дирлик в качестве примера отмечает, что оценка «культурной революции» в течение профессиональной жизни одного поколения менялась трижды (*Modern China*. 1996. № 3. P. 247).
14. *Ibid.* P. 256-257. О трактовке понятия Modernity в западной литературе см.: Гордон А.В. *Цивилизация нового времени между миркультурой и культурным ареалом (Европа и Азия в XVII-XXвв.)*. Научно-аналитический обзор. М., 1998.

15. Huan Ph. *Theory and Study of Modern Chinese History // Modern China*. 1998. № 2. P. 189-191.
16. Rowe W.T. *Hankow: Commerce and Society in Chinese City, 1796-1889*. Stanford, 1984; Rowe W.T. *Conflict and Community in Chinese City, 1796-1855*. Stanford, 1989.
17. Huan Ph. *Op.cit.* P. 190. Хуан напоминает о том, что в КНР историки тоже искали «зарождающийся капитализм» в столетиях, предшествовавших развертыванию иностранной экспансии.
18. Определение «рост без развития» использует и Д.Фэрбенк. См.: Fairbank J.K. *China: a New History*. Enlarged ed. Cambridge, Mass. 1998. P. 167-186.
19. Huan Ph. *Op.cit.* P. 191.
20. В одной из предшествующих работ Хуан обращал внимание на то, что у экономики Китая есть свои специфические проблемы, и, во всяком случае Китай столь большая страна, что могут в одно и то же время быть найдены свидетельства существования весьма разнообразных условий и тенденций в разных районах (См.: Huan Ph. *The Peasant Family and Rural Development in the Yangzi Delta, 1350-1988*. Stanford, 1990).
21. Tipps D. *Modernization Theory and the Study of National Societies: a Critical Perspective // Comparative Studies in Society and History*. 1973. № 2.
22. Ду Вэймин. Глобальное сообщество как реальность: изучение духовных ресурсов социального развития: Сб. Китайская философия и современная цивилизация. М., 1997. С. 23.
23. Huntington S. *Political Order in Changing Societies*. New Haven, 1972.
24. См.: Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 6. С. 110-117. Уместно вспомнить, что в канун событий весны 1989 г. в Китае вновь разгорелась дискуссия о «новом авторитаризме» как «рычаге» реформ (см.: Карпов М.В. *Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984-1989)*. М., 1997).
25. *Sinological Shadows: The State of Modern Chinese Studies in the U.S.* P. 15.
26. За прошедшие четверть века *Modern China* получил признание как авторитетное научное издание; что касается *Bulletin...*, то Дирлик отказался от рассмотрения его публикаций ввиду того, что журнал, играя авангардную роль в выдвижении новых концепций, не проявлял необходимой строгости в отношении историографических проблем (Dirlic A. *Op.cit.* P. 281, п. 9). Заметим, что, начиная с 2001 г. (Vol. 33. № 1), журнал получил новое название – «*Critical Asian Studies*», что не приведет, по заявлению редакции, к изменению общего направления издания, в частности, его цели способствовать пониманию азиатских обществ и их усилий в поддержании культурной целостности и преодолении нищеты, угнетения, империализма; в намерения редакции входит также стимулировать выдвижение альтернатив преобладающим тенденциям в востоковедении.
27. Dirlic A. *Op.cit.* P. 257. Представляется, что Дирлик не вполне точен в данном наблюдении: Д.Фэрбенк, признанный адепт либеральных ценностей, задолго до временного «возвышения» парадигмы революции рассматривал, как будет показано ниже, последнюю как один из важнейших факторов китайского исторического процесса.
28. См. об этом: Березный Л.А. *Американская историография китайской революции: переосмысление? // Вестник Санкт-Петербургского университета*. 1997. Серия 2. Вып. 2.
29. Dirlic A. *Op.cit.* P. 250.
30. Дирлик продолжает заниматься этой проблематикой и поныне, когда в американском китаеведении заметен спад интереса к изучению истории революции.
31. По мнению Дирлика, подобная переоценка гоминьдановского правления свойственна в большей степени историкам в КНР, чем в США.
32. Примечательно, что сходной точки зрения придерживается Ду Вэймин, один из наиболее авторитетных современных конфуцианцев: «...индустриальная Восточная Азия уже создала менее противоречивую, менее индивидуалистичную и менее корыстную современную цивилизацию» (см. статью Ду Вэймина в сб. *Китайская философия и современная цивилизация*. М., 1997. С. 20); см. также: Clegg S.R. and Gordon R. (eds.). *Capitalism in Contrasting Cultures*. Berlin, 1990.
33. Dirlic A. *Op.cit.* P. 258-262. Ду Вэймин, у которого свой взгляд на проблемы глобализации, тем не менее полагает, что модернизация — чрезвычайно дифференцирован-

- ное культурное явление, а отнюдь не гомогенный, интегральный процесс вестернизации (Ду Вэймин. Указ. соч. С. 23).
34. Dirlic A. *Op.cit.* P. 258-262.
 35. Ср.: Spence J. *The Gate of Heavenly Peace. The Chinese and Their Revolution, 1895-1980.* Viking, 1981; Spence J. *The Search for Modern China.* Norton, 1990.
 36. См.: Johnson Ch. (ed.) *Change in Communist Systems.* Stanford, 1970.
 37. См.: Nathan A.J. *China's Transformation.* NY, 1997. Автор посвящает много страниц проблеме соблюдения в Китае прав человека. Тема эта выходит за рамки данного обзора, отметим только небесспорный, на наш взгляд, вывод о том, что главным препятствием в осуществлении эффективной политики США в отношении соблюдения прав человека в Китае является не непреклонность последнего, а нерешительность Запада (Р. 261). Представляется, что для руководства КНР проблема эта, помимо иных факторов, связана прежде всего с присущим ему пониманием путей сохранения стабильности в обществе.
 38. Friedman Ed. *National Identity and Democratic Prospects in Socialist China.* NY, 1995. (Обзор книги Фридмана см.: *Проблемы Дальнего Востока.* 1998. № 5. С. 105-118).
 39. См.: Friedman Ed. *Op.cit.* P. 330-334.
 40. Такого же, примерно, мнения — о современной размытости, «неуловимости», понятия «китайскость» — придерживаются и некоторые ученые-конфуцианцы (см.: Wang Gongwu. *The Chineseness of China: Selected Essays.* Hong Kong, 1991; Tu Wei-ming (ed.) *The Living Tree. The Changing Meaning of Being Chinese Today.* Stanford, 1994; в сборнике публикуются и статьи западных авторов).
 41. Известно, какое значение для современной ситуации в Китае имеет проблема сохранения стабильности; озабоченность ею присуща не только руководству государства, но и многим интеллектуалам.
 42. См.: Clarke J. *Beyond Orientalism: International Institute of Asian Studies Newsletter.* 1999. № 18 (Leiden).
 43. Dirlic A. *Op. cit.* P. 256-262.
 44. Уместно вспомнить, что все ведущие западные государства, гордящиеся уровнем своего развития, прошли через революции, после которых только и стало возможным эволюционными средствами достичь modernity.
 45. Новое, расширенное издание книги опубликовано в 1998г.; текст Фэрбенка воспроизведен без каких-либо изменений. М. Голдмэн, готовившая это издание, дописала главу 21-ю с анализом развития событий в Китае в 90-х гг. ("Эра реформ после Мао") и Эпilog ("Китай в конце столетия").
 46. *Cambridge History of China.* Cambridge University, 1978. Vol. 10. P. 1.
 47. Fairbank J.K. *China a New History.* Cambridge, Mass. 1998. P. XV. "Новый взгляд" Фэрбенка на историю Китая опирался на новейшие достижения мирового Китаеведения (впрочем, автор счел необходимым оговорить, что многие вопросы остаются нерешенными: "расширение нашего знания расширило пределы нашего незнания" (Р. XVI).
 48. Понятие "трансформация" в смысле, предложенном Фэрбенком, получает, кажется, распространение в американском Китаеведении (см., например: Tu Wei-ming (ed.) *China in Transformation.* Cambridge, Mass., 1994; в США начато издание специальной серии *Asian's Transformation* М.Селдена).
 49. Fairbank J.L. *The Great Chinese Revolution.* P. 6-7.
 50. *Op. cit.* P. 62.
 51. В российской литературе этот процесс квалифицируется как начало системного кризиса китайского общества.
 52. *The Great Chinese Revolution.* P. 45; *China a New History.* P. XVI. М.Голдмэн, дополнившая, как отмечалось, книгу Фэрбенка описанием событий в КНР в 90-х гг., по своему расставила акценты. Картина, нарисованная ею, представляется взвешенной; констатируются отмечаемые другими авторами негативные явления, характерные для КНР 90-х гг., но с должным вниманием показаны и позитивные результаты политики реформ.

Русские в Китае

Русские и китайские школы на КВЖД. 20-е годы.

© 2001

О. Еропкина

Маньчжурия — огромный богатейший район. Его площадь равна Амурской и Приморской областям, вместе взятым. В 1897 г. царская Россия по соглашению с Китаем начала здесь грандиозное строительство почти 2500-километровой железной дороги, закончившееся в 1903 г. Дорога пересекла всю Маньчжурию и стала на многие десятилетия ее главной транспортной артерией.

Строительство Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) имело огромное значение для России и Китая. Транзитная магистраль предоставляла большие преимущества России и позволяла ей добиваться решения военных, экономических и политических задач, стоявших перед страной в тот период. После окончания строительства был установлен сплошной — наиболее короткий — рельсовый путь между европейской частью России и Дальним Востоком. Расширился торговый обмен с Китаем, увеличился вывоз сюда русских товаров. Стали развиваться промышленность, сельское хозяйство и на русском Дальнем Востоке, и в Маньчжурии. Строительство КВЖД позволило более эффективно противостоять натиску держав-соперниц — Англии, Франции, Японии. Царское правительство надеялось благодаря КВЖД значительно укрепить русский Дальний Восток и общие позиции России на Тихом океане¹.

КВЖД оказала огромное влияние на развитие экономики, рост народонаселения и другие стороны общественной жизни Маньчжурии. Она и сыграла в том числе особую роль в становлении системы народного образования в Северной Маньчжурии, где со строительством железной дороги возросла численность как русского, так и китайского населения.

Полоса отчуждения КВЖД никогда не была иностранным селтльментом в Китае. По всей Северной Маньчжурии русские и китайцы жили вместе, бок о бок, пользовались одинаковыми правами и сталкивались с одними и теми же трудностями при обживании новых для них мест. Всех объединяла железнодорожная магистраль. Точка зрения С.Ю.Витте (в 1892-1903 гг. — министр финансов России) по этому поводу была следующей: "Что же касается китайцев, то препятствование им селиться и приобретать участки в полосе отчуждения, вблизи дороги, проходящей в пределах Китая, совершенно изолировало бы дорогу от того района, который она призвана обслуживать и который должен снабжать ее грузом. Наоборот, безусловно в интересах дороги укрепить связи с

нею тех из китайцев, которые уже и ныне находятся к ней в том или ином отношении — в качестве подрядчиков, торговцев или ремесленников.”²

С самого начала постройки дороги было предложено организовать целую сеть просветительных учреждений в полосе отчуждения. Началось развитие школьного дела: в 1898 г. открылась первая русская школа в Старом Харбине. Заведовать этой школой специально пригласили из России учителя Ивана Степановича Степанова. Школьная сеть расширялась с каждым годом. Русско-японская война несколько помешала осуществлению широко задуманного плана культурной деятельности в полосе отчуждения, но к началу 1906 г. здесь уже имелось 12 начальных школ с 1460 учащимися и 38 преподавателями³. В 1906 г. при Управлении дороги был учрежден Учебный отдел, который развернул широкую учебно-образовательную, внешкольную и культурно-просветительскую работу.

В 1898-1916 гг. на КВЖД насчитывалось 19 начальных школ для детей русских служащих, обучение в них было платным. Вопрос об открытии начальных школ для детей служащих китайской национальности даже не поднимался. Для русских расширялась и система средних учебных заведений: открылись в 1906 г. прогимназия, позднее гимназия им. Д.Л.Хорвата (1906-1935 гг.), смешанная гимназия В.Л. Андерса (1910-1927 гг.), затем классическая гимназия Я.А. Дризуля (1910-1937 гг.), Харбинские Коммерческие училища и другие. Революция 1917 г., вслед за которой увеличился приток эмигрантов из России, повлекла дальнейшее развитие в зоне КВЖД начального народного образования. Уже к началу 1917-18 учебного года как число школ, так и число учащихся в них увеличилось почти вдвое по сравнению с предыдущим учебным годом.

С 1922 г. Учебный отдел стал обращать больше внимания на просветительскую деятельность среди железнодорожных служащих китайской национальности. Развитие школьной сети для их детей началось с создания двух начальных китайских школ. Кроме того, существовали курсы русского языка для служащих китайской национальности, организовывалось внешкольное образование⁴.

В 1919-24 гг. Управлением дороги было открыто 10 школ, в которых обучалось 714 учащихся китайской национальности⁵.

В 1924 г. после перехода КВЖД в совместное владение СССР и Китая начался новый этап школьного строительства. Просветительская работа велась по четырем главным направлениям: школьной, дошкольной, внешкольной деятельности и профессионально-технического образования. За 1925 г. расходы на просветительские цели возросли и составили более миллиона рублей. Расходы эти вызваны были громадным ростом сети китайских школ. В то время как с 1921 по 1924 гг., то есть за 4 года, на китайские школы было потрачено всего 97 тысяч рублей, то в одном только 1925 г. — около 192 тысячи рублей⁶. Дальнейшее развитие железнодорожной школьной сети, а также отмена платы за учение в начальных школах способствовали приливу учащихся, и к 1926 г. дети школьного возраста русской национальности были в основном охвачены школьным обучением.

В 1925-26 учебном году на средства КВЖД содержалось около 100 учебно-воспитательных учреждений. По строению их бюджетов они делились на учреждения, которые обеспечивались полностью и субсидировались частично. К первой категории относились 66 школ 1-й и 2-й ступени как в Харбине, так и на линии. Остальные школы и учреждения получали средства от платы за учение, а также и от Управления дороги — как наличными деньгами, так и предоставлением бесплатного помещения, отопления и освещения. В 1926 г. русских школ, находящихся на полном содержании КВЖД, было 48⁷. Всего в них обучалось: 2000 китайцев — (16%) и 10500 русских — (81%).

На конец 1926 г. функционировали 16 школ для детей служащих и рабочих китайской национальности, среднее учебное заведение — училище Пу-юй и училище специального типа (“Юбилейное техническое училище имени первого Председателя Правления дороги Сюй Цзиньчэна”), а также две частные школы — на Чжалайнорских копях и в Чжаланьтуне, получавшие ежемесячную субсидию. В этих школах обучалось до 2000 человек. Развитие китайских и русских школ по годам можно проследить по следующей таблице⁸:

	1920 год	1921 год	1922 год	1923 год	1924 год	1925 год
Русские школы	46	47	50	52	49	48
Китайские школы	—	1	5	11	18	20

Все китайские школы функционировали по новому плану народного образования Китая, опубликованному Министерством народного образования в 1923 г. Обучение в начальных школах — шестилетнее. Первые 4 года — начальная школа 1-й ступени (нижнее начальное училище), последние 2 года — начальная школа 2-й ступени (высшее начальное училище). В школы принимались дети не моложе 6 лет.

Училище Пу-юй являлось средним учебным заведением, соответствующим гимназии. При нем имелся детский сад, классы низшей начальной школы, классы высшего начального училища и гимназические классы 1-й ступени (по новому плану народного образования средние учебные заведения были тоже разделены на 2 ступени: гимназия 1-й ступени — 3 года — с изучением общеобразовательных предметов; гимназия 2-й ступени — тоже 3 года со специальными курсами).

В училище специального типа первые три года обучения носили общеобразовательный характер. Все предметы являлись фундаментом для дальнейшей специализации. Следующие три года ученики уже изучали отдельные специальные курсы. Для этого училища было построено новое здание, в котором имелось шесть классных комнат, оборудованных как физические и химические кабинеты.

Начавшееся с 1924 г. развитие школ для китайских детей на КВЖД вызвало и значительный рост расходов, который оказался по силам благодаря улучшению ее финансового положения. Расходы на Учебный отдел можно проследить по следующей таблице⁹:

Расходы КВЖД на Учебный отдел (тыс. руб.)		Расходы по содержанию китайских школ (тыс. руб.)	
1920-21 уч. год	500	1921 год	не было кредита
1921-22 уч. год	550	1922 год	2,5
1922-23 уч. год	560	1923 год	22,2
1923-24 уч. год	675	1924 год	72,5
1924-25 уч. год	750	1925 год	191,9
1925-26 уч. год	1011	1926 год	345,3
1926-27 уч. год	1624		

Из таблицы можно увидеть, что за 1925-26 гг. резко увеличились сметные ассигнования на просвещение. Этот рост вызван тремя основными причинами. Во-первых, в смету включено содержание двух новых крупных просветительских учреждений: 1-й железнодорожной гимназии и Центральной библиотеки, что увеличило на 20,2% общую смету. Во-вторых, возросли кредитные ассигнования на отопление и освещение помещений, ремонт, пособие слу-

жащим, что составляет 13,5% от общей сметы. В-третьих, имел место естественный рост школьной сети, вызвавший увеличение расходов на 26,3%.

Увеличение расходов по личному составу (только школ) в сравнении с 1925 г. иллюстрируется следующими цифрами:

- по русским школам — на 89296 руб., или на 20,4%;

- по китайским школам — на 82106 руб., или на 74%.

Такое увеличение расходов по китайским школам объясняется быстрым их ростом в связи с желанием администрации КВЖД довести их число до необходимого уровня. Сравнивая 1922 г., когда отпускалось на китайские школы 2500 руб., и 1926 г., когда расходовалось 345343 руб., можно видеть, что значительный рост начинается с момента перехода дороги в совместное владение СССР и Китая.

Стоимость содержания одного ученика составляла: в русских школах 1-й ступени — 69 руб. 87 коп., 2-й ступени — 137 руб. 70 коп. В китайских школах 1-й ступени — 77 руб. 53 коп., школах 2-й ступени — 272 руб. 25 коп. Такая разница объяснялась, с одной стороны, тем, что китайские учебные пособия и материалы для работы обходились несколько дороже, чем русские, с другой стороны, школьное строительство для детей китайских служащих и рабочих началось при несколько более высоком уровне финансирования, что дало возможность приобрести лучшее оборудование.

Если иметь в виду реальные школьные нужды, то смета на 1926 г. должна была составлять не менее 2000000 руб. Но, учитывая недостаток финансов, Учебный отдел подготовил смету 1926г. в 1624513 руб., то есть на 79,4% нормальной потребности 1926 г.¹⁰

Основываясь на кратком анализе сметных ассигнований на дело народного образования за 1920-25 гг., можно сделать некоторые выводы. Одновременно с укреплением финансового положения КВЖД росла и материальная база народного образования; ассигнования по сравнению с предыдущими годами заметно увеличиваются. Однако смета Учебного отдела на 1926 г. все же не удовлетворяла насущные нужды. Громадный рост культурных потребностей служащих и рабочих дороги выдвигал как одну из главных задач Учебного отдела дальнейшее развитие школьной, особенно китайской, сети и улучшение качества обучения в существующих учреждениях. Учебному отделу наряду с проявлением инициативы в изыскании дополнительных средств необходимо было продуманно, с максимальной целесообразностью использовать все средства, которые имелись в его распоряжении. Это было тем более важно, что Учебным отделом был взят курс на удовлетворение в равной степени культурных потребностей китайских и русских служащих дороги¹¹.

Стоит особо остановиться на одном важном вопросе: о взаимоотношении советских и китайских школ на КВЖД. Мы уже упоминали, что до перехода дороги в совместное владение СССР и Китая уровень школьного дела для служащих и рабочих китайской национальности был очень низкий. После заключения соглашения 1924 г. начался бурный рост сети китайских школ. Учебный отдел руководствовался принципом национального равноправия как единственно целесообразным принципом дальнейшего плодотворного развития дела просвещения на КВЖД. Безоговорочный отказ СССР от прав экстерриториальности для своих граждан и полное признание суверенитета Китая над районом КВЖД не означали, конечно, что бывшая колония советских граждан здесь в вопросах своего быта, духовного развития, воспитания и обучения детей будет отказываться от традиций своей страны. Китайские власти не могли не учитывать этого при подписании соглашения с СССР. В изданных местной краевой властью законоположениях о школах в ОРВП (Особый Район Восточных Провинций), предусматривавших порядок функционирования школ для иностранных резидентов, специально упоминались школы КВЖД. Тем самым китайские власти формировали особый подход к этим школам.

Являясь совместным предприятием, КВЖД обслуживалась, как известно, только гражданами двух стран. И чтобы дорога имела кадры будущих служащих и рабочих, школы должны были заниматься подготовкой для этих целей местного китайского и русского населения. Эту чрезвычайно важную роль школ КВЖД не следует забывать и умалять¹².

Особый Район Восточных Провинций — часть китайской территории. Русские и китайцы, проживающие здесь, имели очень тесные политические, экономические, культурные связи, что настоятельно диктовало необходимость изучения китайского языка русскими и русского языка китайцами.

С давних пор русская средняя школа включала в свои программы изучение иностранных языков. При этом культивировались как древние (греческий и латинский), так и живые языки: французский, немецкий, английский. Но почти не изучались восточные языки. Лишь немногие школы вводили их в свои программы. Так, например, в Благовещенской духовной семинарии изучался маньчжурский язык. В Монголии, в Юрге, существовала специальная школа переводчиков, где изучали маньчжурский, китайский и монгольский языки. Обучение восточным языкам было сосредоточено в высших учебных заведениях и на специальных курсах, готовивших лиц для службы по министерству иностранных дел или в административных и торгово-промышленных учреждениях. Поэтому понятно, что и учебные пособия по дальневосточным языкам, включая сюда грамматику китайского языка, изданную членами Пекинской духовной миссии, предназначались главным образом для студентов специальных высших учебных заведений. Не было почти совсем спроса на учебники по японскому, китайскому и другим дальневосточным языкам для детей.

До 1929 г. в программы начальной и средней школы Особого Района Восточных Провинций китайский язык не включался как обязательный предмет. Только в Харбинском Коммерческом мужском училище и Харбинской торговой школе он считался обязательным со дня их открытия.

Харбинские Коммерческие училища (мужское и женское) были открыты в 1906 г. Строительство корпусов Коммерческих училищ в 1904 г. стоило около полумиллиона рублей. Предназначенные для учебных заведений и интернатов при них, эти здания до своего прямого назначения служили и госпиталями в японскую войну, и казармами, а также давали приют Управлению дороги и даже военному суду. Только с 1906 г. их начали использовать по прямому назначению. С 1910 г. Коммерческие училища начали выпускать уже окончивших полный учебный курс молодых людей¹³. 1 декабря 1927 г. Харбинские Коммерческие училища, наряду с другими школами, перешли в ведение 4-го отдела Департамента народного просвещения и были переименованы в 1-е Коммерческое училище ОРВП для детей железнодорожников — граждан СССР. Это училище давало среднее образование не только русским, но и китайским детям. С 1911-12 гг. в училище обучались дети китайской национальности, приехавшие в Харбин и не знавшие ни слова по-русски. Некоторые из них, получив образование в стенах училища, стали работать в правительственных учреждениях ОРВП. Позже в училище организовали высший китайский класс для более глубокого ознакомления с русским языком, литературой и историей России.

Великолепно обеспеченное в материальном отношении Харбинское мужское коммерческое училище КВЖД давало возможность обучать учащиеся младших классов языкам по группам, организовывать для учеников экскурсии, хорошо оплачивать преподавательский труд, помогать ссудами в издании учебников. В общем, преподавание китайского языка постепенно достигло необходимого уровня. В свое время это официально неоднократно подтверждалось многими сведущими лицами и в том числе известным синологом, профессором Восточного института во Владивостоке П.П.Шмидтом. В 1915 г. П.П.Шмидт высоко оценил преподавание китайского языка в училище. Этот

первый опыт преподавания китайского разговорного языка в русской средней школе нужно признать удачным.

Харбинское мужское коммерческое училище и Харбинская торговая школа были пионерами в изучении китайского языка. Во многих статьях в прессе и докладах в разных учреждениях говорилось о трудностях преподавания китайского языка в русской школе. Но в конце концов восторжествовала методика двух преподавателей: русского и китайца. При этом на русского преподавателя возлагалось общее руководство занятиями. От преподавателя-китайца требовалось, главным образом, умение вести упражнения по живой разговорной речи и письменные занятия. Система эта приносила очень хорошие результаты. Первым преподавателем китайского языка во Владивостокском коммерческом училище был профессор Восточного института П.П.Шмидт. Первыми преподавателями китайского языка в харбинских учебных заведениях были бывшие питомцы Восточного института во Владивостоке, вошедшего в 1920 г. в состав Государственного Дальневосточного Университета в качестве восточного факультета.

Лишь с введением китайского языка как обязательного предмета в курс Харбинского мужского коммерческого училища КВЖД и Харбинской торговой школы, уже после русско-японской войны появилась потребность в учебниках по китайскому языку для средней школы.

Одно время эти учебники использовались в Харбинском мужском коммерческом училище КВЖД наряду с учебниками преподавателей этого училища¹⁴.

Вопрос о включении китайского языка в курс начальной и средней школы обсуждался Учебным отделом не один год. В августе 1909 г. в Харбине состоялся съезд учителей начальных училищ КВЖД. На нем был прочитан доклад К.Швецова о введении китайского языка в начальных школах КВЖД. Съезд постановил представить доклад на усмотрение железнодорожной администрации. Однако в силу разных причин идея преподавания китайского языка в начальных школах не была реализована. На этом съезде также заслушали доклад И.Петелина о включении курса востоковедения в число предметов старших отделений начальных школ. По докладу было решено просить Учебный отдел вопрос о преподавании востоковедения как школьного предмета пока не возбуждать ввиду неподготовленности учителей начальных школ¹⁵.

В будущем планировалось во всех русских начальных и средних школах ОРВП ввести китайский язык как обязательный предмет. Департамент Народного Просвещения ОРВП принял решение включить китайский язык в качестве обязательного в русские низшие и средние школы начиная с 1929-30 учебного года.

Особая комиссия китайского языка из 20 лиц русской и китайской национальности выработала проект программы. Главные вопросы, подлежащие рассмотрению на Комиссии, были сформулированы следующим образом: цель преподавания китайского языка в начальной и средней русской школе, программа, методы обучения, преподавательский персонал и учебники. По первому из намеченных вопросов Комиссия записала, что целью преподавания китайского языка в начальной и средней школе должно быть изучение разговорного языка.

Школам ОРВП на первых же порах пришлось встретиться с трудностями в поисках опытных преподавателей китайского языка. Имеющиеся в Харбине восточное отделение Юридического факультета, Институт ориентальных и коммерческих наук, Курсы китайского языка для подготовки к службе на КВЖД, как предлагалось, должны были хотя бы отчасти удовлетворить эту потребность школ.

Составленная программа не могла быть чем-то неизменным и не подлежащим критике. К столь серьезному вопросу, как введение китайского языка в виде обязательного предмета в русской школе, следовало отнестись с уд-

военным вниманием, чтобы "золотые часы учения" не были потеряны "молодой сменой" и чтобы она приобрела действительные знания, столь необходимые во взаимном общении русского и китайского народов¹⁶.

Руководство КВЖД с помощью Учебного отдела, а позже и китайского Департамента народного просвещения старалось создать атмосферу, благоприятную для расцвета культурно-общественной жизни этого района. В этом смысле создание русских и китайских школ, изучение китайского языка в русских школах способствовали лучшему пониманию работавшими и жившими на КВЖД русскими национальных особенностей китайцев, утверждению отношений сотрудничества и взаимопонимания между ними.

1. Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. С. 38-40.
2. Там же. С. 48.
3. Экономический вестник Маньчжурии. 1923. № 23-24. С. 16.
4. Там же. С. 20.
5. Вестник Маньчжурии. 1926. № 5. С. 33.
6. Экономический бюллетень. 1926. № 41. С. 6.
7. Вестник Маньчжурии. 1926. № 5.
8. Там же. С. 35.
9. Там же. С. 35.
10. Там же. С. 36.
11. Там же. С. 37.
12. Там же. С. 38.
13. Экономический вестник Маньчжурии. 1923. № 21-22. С. 49.
14. Вестник Маньчжурии. 1929. № 7-8. С. 9.
15. Там же. С. 10.
16. Вестник Маньчжурии. 1929. № 7-8. С. 9-12.

Философия

Распространение буддизма в Японии: синто-буддийский синкретизм

© 2001

Д. Главева

Проблема проникновения буддизма в Японию, его становления и распространения в этой стране всегда интересовала исследователей японской истории и культуры. Буддийская идеология, своеобразие которой на островах обусловили многочисленные объективные и субъективные факторы социально-политического, экономического, географического, этнического и культурного характера, оказала мощное влияние на формирование японской цивилизации.

В данной статье затрагивается лишь один из аспектов сложного и многогранного процесса "вращения" буддийского учения в японскую почву: взаимоотношения, взаимовлияние, взаимопроникновение синтоизма – комплекса древнейших мифологических и религиозных представлений японцев – и пришедшего с континента буддизма.

Стереотипы синто-буддийского синкретизма, столь характерного для всей последующей культуры Японии, были заложены в VI-VIII вв. Начиная с этого периода, взаимодействие синтоизма и буддизма стало в значительной степени определять ход исторического развития Японии, формируя новый психотип человека, жившего в условиях классового общества. Пожалуй, именно синто-буддийский синкретизм лег в основу поведенческих реакций японцев на иноземное влияние, с которым приходилось сталкиваться в различные исторические эпохи любому народу и государству. В результате многочисленных заимствований различных континентальных (главным образом китайских) институтов японцы выработали весьма своеобразный модус поведения, который определяется, с одной стороны, отсутствием предубежденности в отношении заимствований, с другой – весьма бережным сохранением собственных традиций.

Первые достоверные сведения о проникновении буддизма в Японию датируются V в. Ему пришлось преодолевать многочисленные препятствия, приспособляться к принципиально иной по сравнению с исходной социокультурной среде. В результате на островах возник целый ряд школ японского буддизма, столь значительно адаптировавшихся к местным условиям, что в них можно обнаружить множество специфических особенностей, существенно отличающих их от школ традиционного индийского буддизма.

Однако хотелось бы подчеркнуть тот факт, что все разновидности буддийского учения являются формами одной и той же Дхармы ("Закона" в самом широком смысле), которую проповедовал Будда Шакьямуни. Нельзя забывать о том, что о вариативности изложения Дхармы говорил сам Будда, тем самым как бы заранее легитимизируя все формы, которые его учение может принять в будущем. Как бы далеко ни отходил буддизм от своего первоначального вида, в нем всегда сохранялось некое ядро учения Шакьямуни¹.

Буддизм (прежде всего в его махаянистской разновидности) представляет собой сложную полиструктурную динамическую систему, включающую в себя набор подсистем (по крайней мере четырех): религиозной, философской, политической и этической. Именно этим фактом обуславливалась возможность функционирования буддизма (а также синтоизма и конфуцианства, которые являются такими же сложными системами) в качестве официальной идеологии.

В свою очередь, подсистемы, составляющие систему буддизма, имеют нефиксированный набор собственных подсистем, обладающих характерными для них структурами. Подобного рода подсистемами второго уровня можно считать, например, культовые обряды (каждый со своей структурой), философские доктрины (также имеющие свою собственную структуру) и т.д. Набор таких подсистем не может быть фиксированным: именно он наиболее всего подвержен изменениям в силу многообразнейших причин. Нужно также учитывать, что между всеми системообразующими компонентами (включая отношения между элементами) существует весьма жесткая зависимость: изменения, происходящие в одном из них, прямо или косвенно отражаются на всей системе. Следовательно, при анализе какой-либо доктрины, ритуала, деятельности буддийского лидера нельзя забывать, что это системообразующие элементы, и изучать их необходимо как функциональный компонент системы².

Естественно, что как полноценная динамическая система буддизм формировался поэтапно и развитие той или иной его подсистемы было обусловлено множеством факторов (социально-экономических, географических, политических, культурных и т.д.). По мере распространения буддийской идеологии в дальневосточном регионе на первый план выдвигались подсистемы, способствовавшие адаптации ее к местным условиям. Другие же подсистемы до поры до времени или совсем не функционировали, или же оставались на периферийных позициях. Все сказанное выше в полной мере относится и к Японии, где на начальном этапе распространения буддизма на передний план вышла культовая сторона буддийской религии.

Буддизм проник в Японию через Корейский полуостров, точнее, через государство Пэкче (яп. Кудара). Характер корейского буддизма определяли главным образом три типа буддийских верований: верования, связанные с культурами будды Бхайшаджья-гуру (Учитель Врачевания)³, будды Амитабхи (Амиды)⁴, а также бодхисаттвы Майтрейи⁵. Их объединяет общая черта: исключительно большое функциональное значение культовой стороны в религиозной практике, которое к тому же усиливалось традициями племенных верований корейцев и японцев. Не случайно указанная черта определила лицо так называемого популярного ("народного", "низового") буддизма, который исследователи часто противопоставляют "чистому" ("элитарному") буддизму, где на первый план выдвигались метафизические спекуляции. Следует подчеркнуть, что культовая сторона буддийской религии (в китайском, корейском и японском вариантах) определяла прежде всего мировоззрение адептов буддизма в миру и в меньшей степени отражалась в буддийских сочинениях. Данное обстоятельство несколько затушевывает значение подобных напластований в формировании облика буддизма в соответствующем регионе: на самом же деле

роль их огромна, особенно на первых этапах адаптации и становления этой религии в странах Дальнего Востока.

Важно также отметить, что на Японские острова проник китаизированный буддизм, точнее, тот его тип, который сформировался на севере Китая в IV-VI вв. Северокитайскому буддизму были присущи две особенности: 1. На него оказали огромное влияние небуддийские верования и культуры шаманского типа, которые исповедовали народы, проживавшие на территории и у границ северокитайских государств. 2. Буддизм довольно скоро стал государственной идеологией, что, в свою очередь, привело к созданию крепкой религиозной организации, находившейся в прямой зависимости от императорского двора.

Правительственные мероприятия освящались авторитетом буддийской общины, а сам император нередко объявлялся бодхисаттвой или буддой в "превращенном теле". В буддизме данного типа еще более возросло значение культа будд (манифестаций Будды в мистическом "теле Закона") и бодхисаттв, и даже можно сказать, что культовая сторона стала в нем превалировать над доктринальным комплексом.

Основные черты северокитайского буддизма не только перешли в японский буддизм, но и стали в нем доминирующими.

VIII - начало IX в., период перехода от древности к средневековью, характеризуется многомерным процессом встраивания буддизма в жизнь японского общества. Можно назвать две главные причины сравнительно быстрого распространения буддийского учения в Японии: 1. Потребность в буддизме как в общегосударственной идеологии. 2. Потребность в буддизме как в мировоззрении личности, выделявшейся из родового коллектива.

Одним из решающих факторов успешного внедрения буддизма в японское общество было отсутствие в то время на островах конкурентоспособной идеологии. Японцы познакомились с буддизмом примерно в то же время, что и с конфуцианством. Однако экономический, социально-политический и культурный уровень развития страны препятствовал превращению конфуцианства в государственную идеологию. Местные верования, позднее оформившиеся в самостоятельное идеологическое течение - синтоизм, в V-VI вв., безусловно, не могли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления буддизму, с одной стороны, и в полной мере удовлетворить идеологические запросы молодого, находившегося в стадии становления японского государства, - с другой.

Нельзя сказать, что синтоизм (синто: - букв. "путь богов", "путь божеств") никак не реагировал на происходившие изменения, но, как и всякая религия родо-племенного строя, он обладал значительной инерцией покоя, его эволюция была слишком медленной. К тому же синтоистские представления, дошедшие до нас в письменно зафиксированной, главным образом официальной, версии мифа и ритуала, несли в себе экспрессию коллективных, но не личных переживаний. Единицами синтоистского социума были род и община. Человек еще не воспринимался как его составляющая.

Основу поведения и ориентации человека в новом, переросшем рамки общины социуме (т.е. в государстве), где возникает потребность в регулировании общения индивидов вне зависимости от их родо-племенной принадлежности, составил буддизм, который на неофициальном уровне осмыслился главным образом как учение о карме - законе воздаяния по результатам всех действий и мыслей человека, реализуемым в текущей или одной из последующих жизней.

В то же время, буддизм как глубоко систематизированная идеология, в отличие от синтоизма, вполне мог способствовать идейному укреплению централизованной власти и объединению провинций страны в единое государство. Впоследствии идея государственности в японском варианте буддизма соединилась

лась с сакральностью императорской власти *синто*; что не могло не повлиять на характер религиозного сознания японцев.

Хотя наши знания о раннем синтоизме ограничиваются археологическими данными, а также свидетельствами более поздних письменных источников (прежде всего, "Кодзики"⁷ и "Нихон сёки"⁸), очевидно, что в V-VI вв. верования местного населения не были унифицированы. Не существовало еще ни самого термина *синто*; ни сколько-нибудь оформленного вероучения; поэтому понятие *синто*: по отношению к тому времени может применяться лишь условно. Первоначально в этот аморфный еще комплекс входили верования, культы и ритуалы различных родо-племенных объединений и этносов. Так, наиболее значительный вклад в письменно зафиксированную традицию внесли племена завоевателей Северного Кюсю: и аборигенное население центральной Японии. Наряду с этим в синтоизме прослеживаются определенные параллели с мифологическими представлениями народов Полинезии, Кореи, Китая. Синтоизм, таким образом, - это весьма неоднородная по своему происхождению религиозная система, основу которой составили стадильно различные представления нескольких этносов.

Само название *синто*; а также первые письменные памятники, зафиксировавшие устные предания, традиции и верования, содержавшие буддийский мировоззренческий элемент, появились лишь в начале VIII в., т.е. почти два столетия спустя после появления буддизма на островах. К числу таких источников относятся уже упоминавшиеся "Записи о делах древности" ("Кодзики", 712 г.), "Анналы Японии" (или "Японские хроники", "Нихонги", 720 г.), а также литургии (*норито*), "Описание земли и нравов" ("Фудоки", 713 г.), поэтическая антология "Собрание мириад листьев [поколений]" ("Манъё:сю", вторая половина VIII в.). Хотя составление этих текстов преследовало вполне определенные культурно-политические цели своего времени, их содержание тоже предоставляет материал для изучения специфики мировосприятия более раннего периода, так как в них может быть вычленено первоначальное осмысление мира древней устной традицией. Отсутствие абстрактных философских понятий в японской мифологии отнюдь не исключает наличия определенного элемента рефлексии. Такого рода рефлексия квалифицируется исследователем *синто*: Дж. Масоном как "проявления интуитивного подсознательного осмысления действительности"⁹. В подобном контексте синтоизм предстает как форма мироощущения и мировосприятия.

В чем, собственно, состоят особенности "мифопоэтического" осмысления мира древними японцами, мы рассмотрим чуть позже. Пока лишь отметим, что в самом общем виде синтоистские верования можно разделить на культ предков (каждое родовое объединение поклонялось своему мифологическому предку - *удзигами*) и культ ландшафтных божеств (каждая гора, роща, река, другой природный объект имели своего божество-покровителя).

Если взглянуть на ранние японские источники, в которых говорится о буддизме ("Нихонги", "Нихон рё: ики"¹⁰), то бросается в глаза общая для них особенность: Будда - *хотокэ*¹¹ - функционально уравнивается с божествами местных верований (*ками*), с той разницей, что *хотокэ* осмысливается как *ками* иностранный, "прибывший из соседней страны".

С одной стороны, в буддийских храмах местное население видело вместилища божеств охранителей той или иной местности или деревни. С другой стороны, буддизм воспринимался не столько как учение о спасении, сколько как высший тип магии, способный вызывать могущественных духов в виде будд и бодхисаттв, которые, в свою очередь, наделялись чудодейственными свойствами, позволявшими им исцелять болезни, отвращать зло, обеспечивать богатый урожай. А это были те же самые свойства, которыми наделялись и

местные божества (*ками*). Вначале буддийские статуи, завозившиеся в Японию из Китая и Кореи, не воспринимались как изображение конкретных будд и бодхисаттв, а различались в зависимости от приписываемых им магических свойств. Первые собственно японские буддийские изображения создавались с вполне конкретными целями: в них отражалась идея исцеления от болезней царствующих персон или других знатных особ. Таким образом, поклонение буддийским изображениям воспринималось в первую очередь как средство усиления магии и не противоречило религиозной практике той эпохи.

Иными словами, буддизм, вовлекая японцев в свою орбиту, не требовал от них отказа от прежних верований. Более того, он дополнил местные культы рядом этических понятий, которые в них отсутствовали.

В то же время относительно мирное сосуществование буддизма и синтоизма было связано и с тем, что функциональное размежевание двух религий произошло довольно легко. В этой связи надо указать, что процесс "врастания" буддийского учения в жизнь японского общества не следует сводить к простому дублированию буддизмом уже сложившихся синтоистских институтов и представлений. Проблема функциональности является ключевой при исследовании любого рода межкультурных влияний. Это тем более справедливо по отношению к Японии, где процесс усвоения достижений китайской цивилизации происходил без какого бы то ни было насильственного вмешательства извне, в силу внутренних потребностей японского общества. Поэтому без признания того факта, что каждая из двух религий выполняла различные социально-идеологические функции и обслуживала неодинаковые сферы практической и интеллектуальной деятельности, невозможно понять, почему, собственно, буддизм мог укорениться на островах Японского архипелага (эти соображения касаются лишь начального этапа распространения буддизма).

Считалось, что синтоистские божества контролировали преимущественно силы природы и определенные территории, а будды охраняли государство и апеллировали к внутреннему миру человека. Все "личное" (богатство, индивидуальная судьба) "обеспечивалось" буддийским учением с его принципом индивидуальной ответственности, в то время как за "коллективное" во многих случаях отвечали божества *синто*. Так, в случае болезни правителя обращались к буддийскому ритуалу, в то время как эпидемии по-прежнему оставались в ведении синтоистских божеств, "отвечавших" за коллективное благополучие. В ведении синтоизма оставались также все природные явления (землетрясения, засухи, наводнения и т.п.), на которые, как считалось, не распространялось могущество будд и бодхисаттв.

Правда, современные понятия "коллективное" и "индивидуальное" не вполне пригодны для описания реалий того времени. Скажем, "государство" в современном понимании, безусловно, является наиндивидуальным образованием. Но в древней Японии государство персонифицировалось в правителе, потому некоторые термины (*микадо*, *кокка*) означали одновременно как "государство", так и собственно правителя. Как раз эта нераздельность закладывала в себе возможность использования в качестве официальной государственной идеологии как буддизма, так и синтоизма. Характерно, что при этом буддизм воспринимался как магический инструментарий для обеспечения целостности государства.

Важно подчеркнуть, что в самом *синто*: отсутствовали строго разработанные каноны и догмы, у него не было конкретных основателей и пророков, что является неотъемлемым свойством любой мировой религии. Это делало его открытым для восприятия не только буддизма, но и конфуцианских морально-этических норм, даосских элементов, а позднее и элементов христианства.

Взаимодействие буддизма и синтоизма наблюдается уже в начале периода Нара (710-794). Правящая верхушка японского общества была заинтересована как в укоренении буддизма в качестве средства укрепления государственной власти, так и в поддержке *синто*, содержащего миф о божественном происхождении императорского рода. Ведь легитимность последнего основывалась на первенстве основательницы императорского дома – богини солнца Аматэрасу Омиками (букв. “Светящая с Неба”) – в синтоистском пантеоне, а божественное происхождение обладало общезначимой ценностью лишь при сохранении системы сакральной генеалогии. В то же время приверженцы буддизма из правящего дома не могли, безусловно, игнорировать стойкую местную традицию. Отсюда их непоследовательность, компромисность в проведении “пробуддийской” политики.

После правления императора Ко:току (645-654) в мифологическо-летописном своде “Нихон сёки” исчезают записи, формулирующие отношение правителей к буддизму и синтоизму. Это связано с достижением определенной стабильности в религиозной политике. С того времени, особенно с периода правления императора Тэмму (673-686), она фактически направлена на обеспечение мирного сосуществования двух религий. Если до Тэмму правители Японии обращались к буддизму лишь спорадически, то начиная с его правления можно говорить о постоянно возрастающей роли буддизма в жизни двора. Тэмму даже издал указ, согласно которому “во всех провинциях и во всех домах” надлежало иметь буддийский алтарь и сутры: “Было речено: “Во всех провинциях и во всех домах надлежит построить храм Будды, поместить туда статую Будды и сутры, совершать моления и приношения”¹². Учащаются также сообщения о пожаловании буддийским храмам земельных наделов и крестьянских хозяйств, при дворе неоднократно проводятся буддийские церемонии.

В то время синтоистские божества *ками* рассматривались с точки зрения буддизма – как один из видов живых существ, которые должны быть спасены с помощью буддийского учения. Как бы с этой целью и сооружались буддийские храмы и пагоды на территориях, находившихся в “ведении” синтоистских божеств. Так, в 698 г. по указанию императора Момбу в провинции Исэ были построены первые синто-буддийские храмы *дзингудзи*. В эпоху Хэйан (794-1192) буддийские священнослужители читали перед алтарями синтоистских храмов сутры, ради спасения *ками* был введен обычай переписывания сутр и копирования изображений будд. Следующим шагом было объявление синтоистских *ками* покровителями каждого буддийского храма. Например, в качестве покровителей Энрякудзи – главного храма школы Тэндай – выступали божества местности Хиэ – Охиэдзин и Кохиэдзин. Сам факт согласования буддийского и синтоистского учений в общем виде получил название *симбуцу сюго*, что может быть переведено как “сведение вместе”, объединение *синто*: и буддизма.

“Синтоистско-буддийская амальгама” развивалась таким образом, что буддизм, бывший в VI в. оригинальной мировоззренческой системой, во многом утратил свои индивидуальные черты. Японский буддизм представляет собой синтез собственно буддийских идей с местными культами, верованиями, системами ценностей и мировосприятия.

Напомним в самом общем виде, в чем состоят особенности “мифопоэтического” осмысления мира древними японцами. Прежде всего, признанной особенностью японской мифологии является жизнеутверждающий взгляд на мир. Окружающая природа мыслится по отношению к человеку как материнское лоно, дарующее разнообразные блага. Для синтоистских представлений характерна политеистическая окрашенность бытия: нет единого и всемогущего Бога, отсутствует подавляющий абсолютизм божественной воли. В основе синтоист-

ской мифологии - пантеизм, многочисленные божества (*ками*), населяющие воды, горы, землю, но находящиеся по эту сторону существования. Мир в архаическом восприятии есть "стихийный мир саморавных феноменов, одушевленный и населенный *ками*"¹³.

Издревле японец жил в их окружении и воспринимал их в процессе общения с природой, отправления обрядов, соблюдения обычаев. Магические обряды синтоизма, связанные с культом природы, преследовали посясторонние цели: регулирование погоды, обеспечение плодородия, исцеление от болезней. Таким образом, формировалось вполне прагматичное отношение японцев к религии, у которой они просили помощи в этом, материальном мире.

Он считался наилучшим местом пребывания, при этом отсутствовали непреодолимые границы между миром этим и миром иным. Архаическим сознанием японцев отвергался принцип трансцендентности. Изначально же все миры древних японцев были, по-видимому, взаимопроницаемы и посясторонни. Согласно *синто*, мир *ками* - это не нечто потустороннее, отличное от мира людей. *Ками* обитают в том же мире, что и люди, - ведь в свое время они спустились на землю из небесной страны Такамагахара.

В этой связи итальянский культуролог Ф. Мараини отмечает, что "японцы склонны рассматривать феноменальный мир как Абсолют. При таком мировосприятии "конечной реальностью" являются, естественно, "здесь" и "теперь"¹⁴.

Смерть в японской мифологии осознавалась как переход в невидимый мир, сообщающийся с миром живых. Вместе с тем все, связанное с физическим разрушением, рассматривалось в *синто*: как осквернение божественного.

Насколько устойчивым оказался этот мировоззренческий элемент, сохранился ли он после встречи с буддийским учением с его развитой догматикой, логикой и понятийным аппаратом или был полностью вытеснен последним? Если сохранился, то каким образом включился в дальнейшее внедрение буддизма в систему мировосприятия японцев?

Ответы на эти вопросы в целом давно даны исследователями. Например, выдающийся российский буддолог О.О. Розенберг утверждал, что "если чисто японский элемент и был менее сильным и определенным (по сравнению с китайскими и индийскими элементами. - Д.Г.), он все же оказал огромное влияние на самый способ обработки, которой подвергались чужеродные элементы. В национальном элементе скрывалось... известное характерное мировоззрение, хотя и не заключенное в рамки системы"¹⁵. Накамура Хадзимэ усматривал характер этой мировоззренческой ориентации в "направленности на этот мир", которая "трансформировала основные буддийские доктрины по сравнению с их обликом в Индии и Китае"¹⁶.

Л.М. Ермакова подчеркивает, что для японского мышления, "полагающего целью некий "гармонический эклектизм", оказалось возможным "японизировать" буддизм, подставив вместо отрицания жизни (феноменального, преходящего, иллюзорного человеческого бытия) и освобождения от желаний корректировку этих желаний, освобождение от "ложных желаний", вызывающих конфликт с действительностью, ради гармонического существования здесь, на земле"¹⁷. В связи с этим следует отметить, что одной из специфических особенностей японского буддизма, до сих пор сохраняющей высокий удельный вес в его мировоззренческой системе, является именно идея о буддийской религии как "инструменте" извлечения блага в этом мире, а не где-то в потустороннем существовании. Такое понимание функции буддийского учения получило название "польза (выгода) в этом мире" (яп. *гэндзэ-рияку*).

Разграничение функций синтоистских божеств и будд, имевшее место на начальном этапе распространения буддизма, постепенно уступало место их

более полной взаимозаменяемости. Например, в середине эпохи Хэйан (794-1185) взаимодействие буддизма и синтоизма стало осмысляться на принципиально иной основе. Этой основой явилась идея "воплощения Будды" (яп. *гонзэн*) с целью спасения живых существ. Восприятие *ками* как одной из разновидностей живых существ, подлежащих спасению, трансформировалось в представление об одинаковом статусе *ками* и *будд* – *симбуцу докаку*. Эта трансформация, в свою очередь, привела к появлению упоминавшегося в начале статьи синкретического вероучения *хондзи-суйдзюку* (*хондзи* переводится как "основное место пребывания", а *суйдзюку* – как "след", "сошествие"). В целом *хондзи-суйдзюку* означает принятие вечным Буддой временного образа (т.е. явление Будды в образе синтоистского божества). Суть его заключается в том, что синтоистские божества суть не что иное, как временные воплощения (аватары) будд и бодхисаттв (т.е. "будды – изначальные", они рассматриваются как *хондзи*, "*ками* – спустившиеся", они фигурируют как *суйдзюку*). Так, Аматаэрасу считалась воплощением Вайрочаны (яп. Дайнити), главного будды в учениях школы Кэгон (кит. Хуаянь) и школ эзотерического буддизма. К концу эпохи Хэйан для каждого синтоистского божества в качестве *хондзи* был определен конкретный будда или бодхисаттва, что отразилось в многочисленных записях. Несколько позднее, с зарождением синтоистского богословия, данное вероучение было переосмыслено: синтоистские теологи стали рассматривать теперь уже будд в качестве аватар синтоистских божеств. Эта разновидность доктрины *хондзи-суйдзюку* получила название *симбон (синхон)-буцудзюку* ("*ками* – изначальные, будды – спустившиеся"; "*ками* – основа, будды – след"). Будда Шакьямуни стал "превращенным телом" богини Аматаэрасу.

В то же время, как представляется, сам факт осуществления синто-буддийского синкретизма следует рассматривать и в качестве своеобразной попытки примирения двух форм мировосприятия – синтоистской и буддийской. Поэтому кажется чрезвычайно важным обратить внимание на акт "смотрения", т.е. на специфику мировидения в синтоизме и буддизме.

В поле зрения синтоиста попадает внешняя реальность, феноменальный мир, воспринимаемый им как одушевленный, безграничный, слитый с человеком. Но сам человек как индивидуум, его сокровенный внутренний мир не является объектом внимания для архаического сознания. В синтоизме доминирует коллективное сознание, через обряд приобщающее человека к природе. Собственно, поэтому в синтоизме самооценности личности не имеет никакого значения и весь модус поведения носит коллективный характер. Время мифологично, человек слит с окружающим его миром.

В буддизме человеческое вычленяется из природного. Взгляд направлен на индивидуальное, своеобразное и неповторимое, на внутреннюю, невидимую сторону реальности. Буддизм делает акцент на индивидуальном, подчеркивает конечность всех явлений. Именно буддийская идея бренности бытия обуславливает "распрявление" круга циклического времени синтоизма. Тем самым утверждается линейное понимание времени, настоящее обретает большую самооценку, а каждый миг из жизни человека расценивается как единственный и неповторимый. В более поздние времена (эпоха Камакура – XII-XIV вв.) "высокий" буддизм окончательно дистанцируется от сферы магии и чародейства и переходит во внутренний мир человеческой природы. Ритуально-магическая заданность взгляда в синтоистском мире заменяется интравертной направленностью взгляда в мире буддийском.

Обобщая сказанное выше, нам представляется правомерным выразить разницу между буддизмом и синтоизмом в виде пары "культурное – природное": в буддизме взгляд направлен на человека, в синтоизме – на природу.

Синто-буддийский синкретизм является, в частности, попыткой совмещения “внешнего” (синтоистского) и “внутреннего” (буддийского) взглядов на мир и процессы, протекающие в нем. Ярким примером взаимопроникновения буддизма и синтоизма представляется теория *рё:бу-синто*: принадлежавшая основателю школы Сингон¹⁸ - Ку:каю (посмертное имя - Ко:бо: Дайси, 774-823).

Согласно этой теории, синтоистские божества являются манифестациями (“превращенными телами”) божеств буддийского пантеона, точнее - будды Махавайрочаны, главного будды школы Сингон. Ку:каю интерпретировал соотношение между божествами *синто*: и буддизма, исходя из того, что вся Вселенная есть тело будды Махавайрочаны, который, таким образом, присутствует во всех проявлениях живой и неживой природы. Такая интерпретация распространялась и на главное синтоистское святилище Исэ дзингу. При этом внутреннее святилище - *найку*, посвященное великой богине Аматэрасу-омиками, отождествлялось с *мандалой*¹⁹ “мира чрева” (санскр. *гарбхадхату*, яп. *тайдзокай*), а внешнее - *гэку*, посвященные богине Тоеукэ-но-ками (Богине Воды и Пищи) - с *мандалой* “мира алмаза”²⁰ (санскр. *ваджрадхату*, яп. *конгокай*). Подобно тому, как обе *мандалы* представляют две стороны существа будды Махавайрочаны, так и оба святилища Исэ дзингу являются двумя проявлениями того же будды.

Иными словами, в основу трактовки *хондзи-суйдзюку* легло известное положение эзотерического буддизма о единстве двух миров вселенского Будды Дайнити Махавайрочаны - “мира чрева” и “мира алмаза”. Названные миры представляют собой как бы две стороны этого Будды. Первый мир является сферой действия “пяти великих элементов” (земли, воды, огня, ветра [воздуха] и пространства), воплощающих мировой принцип, и содержит в себе потенциал роста и созидания. Символом его является лотос²¹. Второй мир - мир мудрости Махавайрочаны - есть сфера действия сознания. Его символизирует *ваджра* - ритуальное оружие с двумя заостренными концами, знак преодоления невежества и заблуждения.

Именно положение о единстве двух миров, определяемое формулой “обе части - не два” (яп. *рё:бу фуни*), обусловило название данной теории - *рё:бу синто*: (“двустороннее синто”). Она объединяла в себе элементы местных японских верований и эзотерического буддизма школы Сингон.

Теория *рё:бу-синто*: основывалась на положении *кэммицу-никё*: - “два учения, явное и скрытое”, подробно изложенном в трактате Ку:каю “Бэн-кэммицу никё:-рон” (“О двух учениях: явном и тайном”, 819 г.).

Проповеди Будды подразделяются Ку:каю на те, что произнесены Буддой в “превращенном (человеческом) теле” (“Тело соответствия”, санскр. *нирмана-кая*, кит. *иншэнь*, яп. *одзин*) и проповеди абсолютного, вечного Будды (“Тело Дхармы”, санскр. *дхарма-кая*, кит. *фацшэнь*, яп. *ходзин*)²². Первые приносились историческим Буддой в связи с теми или иными обстоятельствами и были адресованы конкретным лицам, обладавшим определенным уровнем понимания. Эти проповеди, по словам Ку:каю, признаются всеми школами и имеют множество толкований. Вторые не имеют формы и вида, но скрыто присутствуют в первых.

Основной идеей трактата является положение о том, что тайное откровение (“истинные слова” Будды) содержится повсюду, только надо уметь его разглядеть (именно на “истинные слова” Будды и опирается Сингон). По этому поводу Ку:каю отмечал, что люди видят то, что видеть в состоянии, воспринимают эту жизнь так, как позволяет им их уровень постижения истинной действительности.

Согласно центральной догматической формуле Сингон, постигнув суть “истинных слов”, любой человек может достигнуть “просветления” (букв.

“достижение [состояния] Будды, яп. *дзэ:буцу суру*) в своем нынешнем теле (яп. *сокусин*) “внезапно” и “мгновенно”.

Ку:кай говорит также о существовании двух реальностей: внешней и внутренней. Та реальность, в которой происходит совершенствование, предшествующее самому акту “просветления”, и собственно само “просветление” называется “тайной”, “внутренней” – “сердцем” (яп. *син/кокоро*), а реальность, применительно к которой можно говорить о “просветлении” – “явной”, “внешней” – “телом” (яп. *син/ми*).

Но эти две реальности, согласно Ку:каю, как бы совмещены, наложены одна на другую, существуют одна в другой, “составляют два, но не есть два” (*дзини фуни*)²³.

В приведенных рассуждениях Ку:кай выявляется единство всех миропроявлений, недuality феноменов природы и сознания. Таким образом была сделана “тонкая попытка уменьшить возможность конфликта и примирить две формы понимания – синтоистскую и буддийскую”²⁴.

Здесь стоит обратить внимание на тот факт, что сам процесс взаимопроникновения буддизма и синтоизма стал возможным именно в результате недuality восприятия мира, лежащего в основе обеих форм мировосприятия. Как уже было отмечено в предыдущем изложении, в ранней японской культуре наблюдались отказ от дуальности, размытость границ сакрального и профанного. В архаических представлениях японцев отсутствовала концепция трансцендентности, им была свойственна онтологическая посюсторонность. Видимый и невидимый мир были взаимопроницаемыми, они перетекали друг в друга.

В японском буддизме “просветленное” состояние сознания характеризуется недuality восприятием действительности, исчезновением привычных дифференциаций явлений и их категоризации. На этом, высшем, уровне сознания происходит нейтрализация всех дуальных противоположностей и замена бинарного кода мышления, действующего на обыденном уровне и организованного по принципу оппозиции, на амбивалентный код, характерным признаком которого является непротиворечивое сочетание двух полярных элементов в одном знаке.

В этой связи следует отметить особенности интерпретации просветленного состояния сознания японскими буддистами.

В системе классического буддизма состояние “просветления” означает постижение того, что находится *за пределами* феноменального мира, в системе японского – того, что *внутри* него.

Так, теория “достижения [состояния] Будды в настоящем теле” (яп. *сокусин дзе:буцу*), т.е. при этой жизни, занимающая центральное место во всех работах Ку:кай, основывалась на двух основных положениях: недuality, всеединство мира; “исходная просветленность” (*хонгаку*), т.е. наличие “просветленной природы” у внешне “непросветленных” живых существ.

Последнему положению был посвящен трактат “Дайдэ: кисинрон” (“Трактат о пробуждении истинного видения Махаяны”, санскр. “Махаяна шратподхада шастра”), приписываемый Ашвагхоше²⁵, который неоднократно цитировал Ку:кай.

В самом общем плане содержание трактата сводится к следующему. Необходимость перехода от “непросветленного” к “просветленному” состоянию сознания безусловна. Однако последнее характеризуется недuality восприятием действительности, возвращением к изначальной гармонии бытия. Таким образом, возникает необходимость в снятии присутствующей в обыденном сознании грани между “просветленностью” и “непросветленностью”, поскольку, в сущности, это лишь два разных взгляда на одно и то же: “Уже в

начале, или в основе (*хон*), этого очевидного процесса может быть обнаружена просветленность (*каку*). Без исходной просветленности такого состояния невозможно достичь в конце. Это снимало дистанцию между состояниями обыденным и просветленным, все той же дуальности, которая есть заблуждение само по себе"²⁶.

По сути дела, то, что считается "тайным", по мнению Ку:кая, является "тайной от самих себя" для людей, не ведающих о собственной "изначальной просветленности". Этот текст подтверждает положение Ку:кая о том, что возможно достичь "состояния Будды" уже в этой жизни²⁷. Он считал, что не сознание ("сердце") изменяет материю ("тело") в процессе обретения "просветленности" и не материя подчиняет себе сознание, когда человек пребывает в оковах заблуждений, но и то и другое - это единая субстанция в различных формах. Таким образом, здесь присутствует все та же теория *кэммицу нике*: - "два учения, сокрытое и явное".

Именно в отказе от дуального восприятия, в размытости границ сакрального и профанного и сказывался специфически японский взгляд на мир, прослеживающийся на всех этапах развития духовной истории Японии.

Поскольку речь зашла о недуальном восприятии мира, лежащем в основе обеих форм мировосприятия (синтоистской и буддийской), необходимо сделать следующее уточнение: буддизм имеет дело с уже преодоленной дуальностью; синтоизм - это дуальность, еще не дошедшая до объективации. В синтоизме, как и во всех примитивных религиях, присутствуют различного рода оппозиции, но они не артикулируются, не сводятся в категории теоретической культуры.

Важное обстоятельство: уже в раннем синтоизме запрещалось смотреть на наиболее сакральные объекты и явления феноменального мира, которые как бы становились невидимыми для физического взгляда. Святыню - "тело божества" (*синтай*) - обычно держали в шкатулках или завернутой в многослойное полотно, и никто, включая священнослужителей, не имел права видеть ее. Запрет этот строго соблюдается и поныне²⁸. Сам стереотип поведения, связанный с табуированием взгляда на священные предметы, наблюдается на всем протяжении истории синтоизма. Как ранний, так и нынешний синтоистский храм представляет собой не столько помещение для молений, сколько вместилище для храмовой святыни, некий священный "сундук", в котором эта святыня заперта. Ее нельзя увидеть (запрещается на нее смотреть), за исключением особо оговоренных случаев, обычно праздников (в некоторых храмах *синтай* вообще не может быть предъявлен).

На основе изложенных выше фактов можно заключить, что в контексте синтоистского мировидения незримое обладает наибольшей сакральностью. А это создавало предпосылки для усвоения синтоизмом буддийских идей относительно *интроспекции* - "внутреннего взгляда" на собственную недуальную истинную сущность, не отличную от сущности мира, и для формирования мировоззренческого синкрета, обусловившего специфику духовной жизни японской нации.

1. См.: Лысенко В.Г. Ранняя буддийская философия // Лысенко В.Г., Терентьев А.А., Шохин В. К. Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. М., 1994. С. 274.
2. Об этом подробнее см.: Игнатович А.Н. Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. М., 1987. С. 4-6.
3. Бхайшаджья-гуру стал буддой, обретя возможность выполнить 12 обетов, которые он принял, являясь еще бодхисаттвой. Многие из этих обетов заключали обещания обеспечить всем страждущим духовное и, подчеркнем особо, физическое здоровье. На классических изображениях он держит в левой руке горшочек с целебными снадобьями.

4. Амитабха — имя одного из главных будд махаяны (в хинаянистских текстах не упоминается). Культ Амитабхи возник в Индии в начале новой эры. Согласно "Сукхавати-вьюха-сутре", он принял решение создать особое "поле будды", обладающее всеми совершенствами, т.е. мир, где могли бы возрождаться страждущие существа, уверовавшие в Амитабху. После достижения состояния будды Амитабха создал это "поле" — рай "Чистой земли" (санскр. сукхавати, яп. дзё:до), являющийся воплощением идеального, блаженного бытия, и стал им управлять.
5. Формирование культа Майтрейи имеет долгую историю. Большинство ученых считает его чисто индийским по происхождению, однако ряд специалистов полагает, что майтрейянизм восходит к иранским религиозным верованиям. В буддизме наибольшее распространение майтрейянизм получил в школах хинаяны. В системе буддийских верований Майтрейя стал одной из основных фигур, а не только учеником или сподвижником Шакьямуни. Причины популярности этого верования (как и амидаизма) — прежде всего идея о всемогущем спасителе, способном принести счастье молящемуся.
6. Буддизм в Японии. М., 1993. С. 7.
7. "Кодзики" — "Записи о деяниях древности" — мифологическо-летописный свод, составленный в 712 г. О:но Ясумаро (?-723). "Кодзики", по замыслу его составителя, — это история Японии с древнейших времен до 20-х годов VII в.
8. "Нихон сёки" ("Нихонги", "Анналы Японии") — мифологическо-летописный свод, составленный в 720 г. принцем Тонзри (676-735); представляет собой официальную (до середины VI в. малодостоверную) историю Японии. "Нихон сёки" охватывает историю японского народа, начиная с древнейших времен, с появления страны, и кончая правлением Дзито: (690-697), т.е. концом 80-х — началом 90-х годов VII в.
9. Mason J.W.T. The Meaning of Shinto. N.Y., 1935. P. 179.
10. "Нихон рё:ики" — сборник буддийских преданий и легенд, составленный на основе устной и письменной традиции монахом Кё:каем в конце VIII — начале IX в.
11. Японское наименование Будды — *хотокэ* — возникло, скорее всего, в результате фонетического изменения старокитайского *футу* (яп. чтение *футто*), представлявшего транслитерацию санскритского buddha.
12. "Нихон сёки", свиток XXIX. С. 257.
13. Ермакова Л.М. Синтоистский образ мира и вопросы поэтики классической японской литературы // Восточная поэтика. Специфика художественного образа. М., 1989. С. 24.
14. Ермакова Л.М. Указ соч. С. 163.
15. Розенберг О.О. Труды по буддизму. М., 1991. С. 55.
16. Nakamura H. Ways of Thinking of Eastern Peoples. Honolulu, 1964. P. 362.
17. Ермакова Л.М. Там же. С. 27-28.
18. Сингон-сю: — японская буддийская школа, основанная в начале IX в. монахом Ку:каем (774-835). Название школы Сингон-сю: (*сингон* — "истинное слово", кит. *чжэньянь*) указывает, что в ее доктринах запечатлена "сокровенная суть" буддийского Закона, возвещенная буддой Махавайрочаной. Учение Сингон-сю: называют "тайным" (*мицу*), оно относится к эзотерическому буддизму *ваджраяны*, главную роль в ней играют сложные медитативные практики. Базисными текстами являются "Махавайрочана-сутра" и "Ваджрасекхара-сутра". Монастыри Сингон находились под покровительством синтоистских храмов, посвященных местным божествам.
19. *Мандала* (букв. "круг", или, по некоторым предположениям, — "обладание сущностью") — схематическое изображение системы мироздания (графическое или пластическое, в скульптурных группах). Система мироздания строится постановкой в центр *мандалы* изображения "Основного Почитаемого" (санскр. *свадэва*, яп. *хондзон*). Каждый элемент мироздания (Вселенной) символизируется определенным буддой или бодхисаттвой. Согласно японской эзотерической традиции, *мандала* представляет собой воплощение в концентрированном виде функциональных ипостасей Махавайрочаны.
20. *Лотос* — общеподддийский символ чистоты. На "*мандале* черева-хранилища" красный восьмилепестковой лотос символизирует сердце мироздания и олицетворяет "просветление", в его центре — будда Махавайрочана. Красный цвет — цвет сострадания, а также символ человеческого сердца.

21. "Мандала мира алмаза" является графической репрезентацией символов "мудрости" будды Махавайрочаны и пути ее реализации; в центре ее — Махавайрочана в позе созерцания, восседающей на белом лотосе.
22. Буддизмом *махаяны* выделяются три ипостаси — три "тела" Будды или три способа бытия Будды (санскр. *три-кая*, кит. *сань шэнь*, яп. *сансин* или *сандзин*): 1. "Тело Дхармы" (санскр. *дхарма-кая*, кит. *фашэнь*, яп. *хоссин*) — базисная ипостась Будды. 2. "Тело воздаяния" (санскр. *самбхога-кая*, кит. *баошэнь*, яп. *ходзин*) — вечное мистическое тело наслаждения (блаженства). В этом "теле" Будда является на уровне миров форм и не-форм. 3. "Тело соответствия" (санскр. *нирмана-кая*, кит. *иншэнь*, яп. *одзин*) — "феноменальное тело", переходящее физическое тело Будды. Будда проявляется в образе эмпирического.
23. Буддизм в Японии. С. 146.
24. Там же. С. 146.
25. Ашвагхоша (ок. 80-150) — индийский буддист, философ и поэт, отец санскритской драмы.
26. Буддизм в Японии. С. 153.
27. Утверждение о том, что в человеке имеется "мир будды", воспринято Ку:каем из тяньтайского учения о наличии "мира будды" в каждом существе: Чжию (538-597) и его последователи, опираясь на откровения Будды Шакьямуни в Лotosовой сутре, представили досконально разработанную аргументацию взаимопроникаемости "десяти миров Дхармы" (яп. *дзиппокай*), делая упор на положении о наличии "мира будды" в любом человеке.
28. Например, "телом божества" храма Ацука считается священный меч, одна из регалий японского императора. О помещении меча в этот храм говорится и в "Нихон сёки". Во время инаугурации нынешнего японского императора Акихито 7 января 1989 г. этот меч был доставлен для церемонии в храм богини Аматаэрасу в Исэ в той же самой шкатулке, в которой хранится в Ацука. Но во время ритуала ящик открывать тоже не полагается, поэтому никто так и не знает, что это за меч и есть ли он там вообще.

Новое поколение "свободных художников" на литературной сцене КНР

© 2001

Н. Демидо

Экономический успех КНР и кардинальные изменения, происходящие в китайском обществе, давно уже перестали вызывать как восхищенное удивление, так и скептическое недоверие. Смена одной системы – планового народного хозяйства – другой – рыночной экономикой с хорошо развитыми элементами капитализма, происходит относительно быстро и бескровно. Вместе с тем, признание нового характера общественных отношений в КНР редко распространяется на сферу идеологии и литературу как ее составляющую. На самом деле, литературная ситуация 90-х гг. характеризуется рядом довольно значительных изменений, и существенно отличается от предыдущего этапа развития. Во-первых, по признанию части китайской критики, сегодня можно говорить об утверждении в китайской литературе системы "многополярности", подразумевающей наличие и "мирное сосуществование" нескольких равновеликих, равноценных и равноправных центров (имеется в виду мирное соседство на литературной сцене и реализма и модернизма, и "высокой" литературы и литературы массовой). Во-вторых, китайскими литературоведами была проделана огромная работа по систематизации, обобщению и осмыслению литературно-критической практики "нового периода", дана оценка развитию литературы после 1978 г. и поставлен вопрос о необходимости переосмысления, а, отчасти, и переоценки истории литературы периода КНР. В третьих, китайская литература за последнее десятилетие доказала свою жизнестойкость и довольно успешно приспособилась к трудным условиям рыночной экономики. В 90-е годы происходила смена поколений литераторов. Практически, все течения, бывшие на гребне популярности в 80-е годы, прекратили свое существование, уступив место новым творческим группам. Однако это не означает, что "старая гвардия" писателей ушла со сцены, многие из них в 90-е гг. продолжали свою творческую практику, но уже совершенно независимо от каких-либо школ и течений и в несколько иной творческой манере.

Изменившиеся воззрения на общество, экономику, культуру вызвали расхождение во взглядах на литературу и искусство, чему в немалой степени способствовало появление на литературной сцене независимых писателей, или так называемых "свободных художников". Именно с появлением новой плеяды молодых писателей, не входящих в состав "Союза китайских писателей", но занимающихся литературной деятельностью профессионально, связано воз-

никновение новых групп, получивших в различных изданиях названия "писатели поколения 60-х", "писатели поколения 70-х", "писатели нового поколения", "позднее поколение писателей". Необходимо заметить, что подразделение на группы весьма условно, да и само название зависит исключительно от пристрастия литературного журнала или отдельного критика. Нередко одни и те же писатели попадают в разные группы или одна и та же группа получает несколько различных названий в литературно-критических изданиях. Однако не столь существенно название, сколь важно содержание – ярко выраженная индивидуалистическая позиция и отношение к литературному творчеству как к единственно возможной форме существования.

В 90-е гг. достаточно громко заявила о себе группа "писателей нового поколения" (или поколения 60-70-х гг.), "потеснившая" на литературной сцене приверженцев неореализма и авангарда. Появление группы "писателей нового поколения", по мнению критика Фан Вэя, "было результатом глобальных изменений во взглядах на экономику и культуру".¹ С установлением рыночных отношений литература стала товаром. Появилось понятие "поп-культура". Важным критерием литературного произведения стала возможность его продажи (соответственно главным принципом писателя стало удовлетворение требованиям рынка). Писатели нового поколения, сконцентрировав свое внимание на сугубо личных, скрытых от посторонних глаз сторонах частной жизни индивида, неожиданно смогли снискать благодушное признание избалованной литературным изобилием публики.

Ядро группы первоначально составляли писатели преимущественно из Пекина и Нанкина. По оценке китайского критика Син Аня, их "первая проба пера была настолько успешной, что уже вскоре они завоевали литературное пространство во всех периодических изданиях КНР".² К 1998 г. во многих литературных изданиях (включая журналы "Сяошо сюанькань" и "Сяошо юэбао") были опубликованы произведения малой и средней формы таких авторов, как Хань Дун, Чжу Вэнь, Дун Си, Сюй Кунь, У Чжэньцзи, Дин Тин, Ван Янь, Мян Мян, Вэй Хуэй и др. Некоторые из них, например, Чэнь Жэнь и Линь Бай, которых критика относит к группе "писателей поколения 60-х", начинали свою литературную деятельность как поэтессы, но в 90-е гг. обратились к жанру прозы, сохраняя при этом присущую лирической поэзии чувственную откровенность и пристрастие к интимному тону повествования. Общим же моментом для писателей нового поколения при всем различии стилей и жанров стало демонстративное изображение личности вне общества, внимание к частной жизни героя, склонность к философствованию и самоанализу, противопоставление активной общественной позиции пассивного "бунта эгоиста-одиночки". Их "герой" начисто лишен какого бы то ни было чувства социальной ответственности или долга перед обществом, он отказался от общепризнанных ценностей и утверждает свою, индивидуалистическую шкалу ценностей, погружен в свои субъективные ощущения, которые и становятся для него объективной реальностью. В качестве сюжета нередко использовалась история личной жизни писателя, все остальное – оставалось вне поля зрения автора. Манера повествования становилась все более откровенной, характерной чертой их творчества стал так называемый "литературный эксгибиционизм". В какой-то мере можно даже согласиться с оценкой китайского критика Фан Вэя, что в произведениях писателей нового поколения "повествование "замкнулось" на личности рассказчика /автора/.

Хотя "новое поколение" "подготавливало почву" для бурных дискуссий уже с 1995 г., но вплоть до конца 1998 г. об этой группе авторов было известно не так много, более того, мнение литературной общественности КНР и до сего дня остается весьма противоречивым. Так, к примеру, критик Гэ Хунбин весьма позитивно оценивает факт появления нового литературного объединения, подчеркивая, что сущность творчества представителей данного течения наиболее полно выражают два понятия – "единичность как антипод массовости,

коллективности и индивидуальность как антипод структуры, системы”³ Индивидуальный характер творчества некоторые критики объясняют принадлежностью авторов к поколению, над которым не довлеет груз исторической ответственности, поскольку они современники эпохи рыночной экономики. По мнению литературного критика и редактора Ши Чжаньцзюня писатели, вошедшие в группу “нового поколения”, “не скованы ни требованиями официальной идеологии, ни задачей экспериментирования в сфере художественной техники, их отличает свобода интеллекта и духа, присущая личности 90-х, личности, живущей в эпоху информационного, рыночного общества”⁴

Однако не все согласны с подобными утверждениями. Многие критики считают, что творческий процесс – явление сугубо индивидуальное, поэтому нет необходимости втискивать творчество индивида в “прокрустово ложе” некоего коллектива, стало быть, не имеет смысла говорить о писателе “нового поколения” как о единой творческой группе (Шао Цзянь⁵). Другие – вполне обоснованно выражают несогласие с классификацией писателей по возрастному принципу, считая подобную практику порочной, ибо для литературы ценен не возраст писателя, а совсем иные качества (Нань Фань⁶). Третьи весьма справедливо указывают на необходимость наличия общей идейной платформы и единых художественной концепции, творческих взглядов и программы для того, чтобы получить право именоваться течением или творческой группой. По мнению критика Ван Чжэна, можно говорить о приходе в литературу “нового поколения” писателей, но не стоит строить иллюзий относительно появления нового художественного течения.

Несмотря на всю противоречивость оценок критики реальности существования творческой группы писателей “нового поколения”, она уже существует в сознании литературной общественности как группа, сознательно дистанцирующая себя от мейнстрима современной китайской литературы и решившая публично провозгласить о своем “разрыве” с литературным официозом.

Во второй половине 1998 г. один из главных представителей группы “нового поколения” Чжу Вэнь провел анкетирование среди писателей, относящих себя к данной творческой группе. Результаты опроса, озаглавленные “Окончательный разрыв: одна анкета с вопросами и 56 анкет с ответами”, были опубликованы в журналах “Цзедо”, “Вэнь ю”, “Жэньминь вэньсюэ” и газетах “Линнань вэньхуа шибао” и “Вэньлунь бао”. По мнению критика Вэнь Бо, инициированный Чжу Вэнем опрос и его результаты вызвали в литературных кругах КНР такую бурную реакцию, что стали одной из наиболее “горячих” тем для дискуссий в 1998 г.⁷

Согласно анализу Вэнь Бо, анкета, составленная Чжу Вэнем, состояла из 12 вопросов, 11 из которых касались текущей литературной ситуации в КНР. Всего было распространено 73 анкеты, возвращено с ответами – 56. Давая ответы, 98,2% опрошенных заявили, что современная китайская литературная критика не оказывает на их творчество никакого влияния; 94,6% резко негативно оценили исследование большинства университетов и академических институтов в области литературы нового и новейшего времени; 98,2% отказались считать эталоном произведения Лу Синя; 91% опрошенных оспаривают авторитет Лу Синя в современной литературе; 96,6% опрошенных негативно относятся к Союзу писателей; 94,6% полностью отрицают значимость премий имени Мао Дуня и Лу Синя.

Большинство респондентов, отвечая на вопросы, придерживалось нейтрального тона, однако было немало и таких, чьи оценки были резки и эмоциональны, а порой даже враждебны. На вопрос: “Кого из писателей, активно работающих в 50–80 годы, вы могли бы считать своим творческим наставником?” – некоторые писатели отвечали, что большинство литераторов, относящихся к этому периоду, “низкорослы и слабы, все они цеплялись за юбки политиков, явно не имели никакого представления о бизнесе”. На вопрос: “Оказывает ли значительное влияние на ваше творчество современная критика?” – некоторые ответили, что “современной критики в Китае просто не существует, а есть

лишь слегка замаскированная "тухлятина". На вопрос: "Какое влияние оказывают на вас исследования ведущих центров литературоведения?" – некоторые отвечали, что "большинство ученых, занимающихся изучением литературы нового и новейшего периодов, во главу угла ставят личные ученые звания и награды, а на второе место – воспитание вояк с деформированной психикой". Вопрос: "Считаете ли вы Лу Синя образцом для подражания?" Ответы: "Лу Синь – это старый камень, о который все спотыкаются", "его реакционность очевидна". На вопрос: "Оказывает ли вам реальную помощь в вашем творчестве такая общественная организация, как Союз писателей?" были даны ответы: "это – общественная баня", "место уничтожения творческой энергии", "нет никакой помощи, эту организацию следует распустить". Среди ответов на вопрос, отражает ли содержание журналов "Сяошо юэбао" и "Сяошо сюанькань" реальное состояние и развитие современной китайской литературы, самыми мягкими были, что "они отражают самое худшее из существующей литературы" и "два дерьмовых журнала". Вопрос о значимости и авторитете премий им. Мао Дуня и им. Лу Синя дал следующие ответы: "Их объективность как премий за самое скверное современное произведение неоспорима", "две эти премии, по сути, выгребная яма, правда, весьма претенциозно оформленная". Объясняя причины проведения данного анкетирования, один из инициаторов, писатель Чжу Вэн, заявил, что он ставил единственную цель – показать всем, что в одно и то же время в одном и том же пространстве (сегодня в КНР) существует совершенно иная литература (имеется в виду, созданная писателями, осуществляющими свою литературную деятельность вне "Союза писателей").

Одновременно с результатами анкетирования, в журнале "Бэйцзин вэньсюэ" была опубликована статья одного из участников анкетирования, Хань Дуна, который пояснял, что, расхождения в оценке литературы не означают отрицания всего старого и утверждения всего нового, их цель всего лишь показать, что существует литература, не укладывающаяся в прокрустово ложе сегодняшнего литературного порядка. "Эта литература не ставит целью творить и развиваться внутри данного порядка, напротив, она всегда будет оставаться идеалистической... Мы продолжаем революционные, новаторские традиции, традиции истинного искусства".⁸ Хань Дун назвал в качестве творческих единомышленников группы "новое поколение" таких писателей, как Ван Сяобо, Ху Куань, Ю Сяовэй, Ши Чжи, Ма Юань. Вне списка симпатий остались Ван Мэн, Лю Синью, Цзя Пинва, Хань Шаогун, Чжан Вэй, Мо Янь, Ван Шо, Лю Чжэньюнь, Ю Хуа, Шу Тин (фактически, все наиболее известные и именитые современные литераторы КНР), а также отрицательно оценивались "литературы шрамов", литература "поиска корней" и авангардная проза.

После того, как материалы анкетирования были обнародованы, последовала незамедлительная и очень бурная реакция литературных кругов КНР. Тяньцзиньский писатель Линь Си подверг резкой критике данное анкетирование, указав, что "писателям следует больше внимания уделять творчеству, а не заниматься подобными низостями". Шанхайский писатель Пэн Жуйгао на творческом совещании выступил с докладом, в котором выразил удивление и несогласие по поводу негативной оценки роли критики. Нанкинский писатель Чэнь Цяошэн считает, что нападки молодых писателей на Лу Синя абсолютно беспочвенны, нелогичны и нереалистичны, а некоторые заявления Хань Дуна о собственной исключительности считает проявлением душевного кризиса. С точки зрения Чэнь Цяошэна, при смене молодого и старого поколений надо следовать двум основным принципам: критичности и широты взглядов. Критика должна быть справедливой, не противоречить реальному положению дел и логике, а широта взглядов – это вообще единственный путь здорового развития общечеловеческой культуры.

1 ноября 1998 г. в газете "Вэньлунь бао" были опубликованы некоторые выдержки из анкет, критически комментируемые Чжао Чжопином и Цан Цэ. Чжао Чжопин считает, что само название "окончательные разрыв" не более

чем “игра в бисер”, равно как и ответы. Цан Цэ сетует на то, что никак не может понять, в чем же состоит та “революционность и новаторство”, о которой ведут речь “Хань Дун и компания”.

Однако не все критики реагировали резко и болезненно на это анкетирование. Гэ Хунбин, к примеру, счел это проявлением юношеского максимализма и идеализма. Линь Чжоу сам принимал участие в анкетировании. Чжан Нин в целом поддерживает идею анкетирования, ему понравились отдельные ответы, но некоторые (он не конкретизирует — какие) “глупые ответы портили все впечатление”.⁹

Проведенное анкетирование и полученные результаты интересны и симптоматичны. Они свидетельствуют о том, что представители молодого, нового поколения независимых китайских литераторов не согласны со сложившейся в литературной сфере системой и жаждут ее реформирования. Отсюда упор на оценку роли Союза писателей, литературно-художественных изданий, системы премирования, деятельности ведущих литераторов КНР. Анкетирование показало, что данная группа писателей выступает не против имеющихся литературных традиций и художественных методов, а против унификации художественного творчества и системы государственного регулирования литературным процессом. Отвечая на вопросы, многие неоднократно подчеркивали, что они не отрицают значения литературного наследия, однако, судя по ответам, очевидно, что они выступают против сложившихся стереотипов оценки творчества художника. Говоря о своей революционности и новаторстве, они, похоже, прежде всего подразумевали свободу литературы не только от политики и идеологии, но и от требования быть “социально ориентированной”, “полезной обществу”. Намеренный уход писателей нового поколения от тем, касающихся социальных проблем, демонстративное погружение в собственное “я”, по сути стали способом самоутверждения в хорошо отлаженной литературной системе. Творческие изыскания молодых писателей свидетельствуют об изменении роли индивида в системе общественных отношений в целом и роли творческой личности (писателя) в частности. Похоже, это не всегда встречает понимание китайских литературоведов и критиков. Критик Фан Вэй, к примеру, выражает беспокойство по поводу того, что писатели нового поколения выступают за “гипертрофированную роль индивида”, что “наносит мощный удар по традиционным формам общественным сознания (и системе ценностей) и даже уничтожает их”.¹⁰ Критик Чан Це, считает, что “предпринятый демарш писателей “нового поколения” против литературы мэйнстрима загоняет их в тупик, ибо теперь им предстоит либо навечно остаться на “обочине” китайской литературы, либо вернуться в русло мэйнстрима, потеряв при этом лицо”.¹¹

Отголоски дискуссии по поводу проведенного анкетирования, хоть и приглушенные, были слышны даже в 2000 году. Вышеупомянутый критик Фан Вэй опубликовал на страницах газеты “Вэнь бао” статью, озаглавленную “Прощай, индивидуалистическая литература”. Анализируя эстетическую позицию писателей “нового поколения” и особенности их творчества, критик с одной стороны признает стремление писателей обращаться к читателю от себя лично как одну из внутренних закономерностей развития литературы. С другой стороны, Фан Вэй негативно оценивает публичные заявления писателей нового поколения об “окончательном разрыве” с официально признанной общественной культурой, считая, что подобные заявления доказывают ее социальную не востребованность. По мнению критика, “положительная роль” этой литературы с легкостью нивелируется ее сознательной пассивностью в “диалоге” с общественной культурой и читателем. Писатели намеренно избрали такой тип художественного самовыражения, который был бы оторван от реальной жизни и нужд общества. В связи с этим критик задает вопрос: может ли /писатель/ вести полноценный диалог с обществом и читателем, если он отрицает свой долг перед обществом и остается индифферентным по отношению к истории и проблемам общества? По мнению Фан Вэя, современная литература должна демонстрировать гармоничное сочетание “индивидуально-

го" и "общественно необходимого", лишь тогда она получит признание общества и проявит свою жизнеспособность.

Каков бы ни был "официальный приговор" творческой деятельности писателей "нового поколения", само их появление на литературной сцене КНР и публичное выступление в форме анкетирования свидетельствует о серьезных изменениях в литературной ситуации КНР. Во-первых, молодое поколение писателей осмысляет себя частью общемирового литературного процесса, отсюда – требование оценивать их творчество согласно критериям мировой литературы. Период, когда китайские литераторы ощущали свою оторванность от мира и даже некоторую ущербность, сегодня, похоже, благополучно пройден. Знание современной теории и практики мировой культуры и литературы, свободное владение информацией позволяет новому поколению китайских писателей постепенно избавляться от комплексов "вращения" в общемировой процесс. Все это дает право говорить о позитивном развитии китайской литературы и действительном разнообразии не только тем, но и эстетических концепций творчества. Во-вторых, хотя писатели нового поколения не совершили революции в области формы, однако, "незнакомое", заключавшееся в презентации их индивидуального опыта, придавало вид "незнакомки" и форме повествования, что, в свою очередь, обуславливало эстетическую ценность произведений. Писатели нового поколения не ставили целью создание целостной творческой группы, но информация, которую каждый из них стремился донести до читателя, при сохранении индивидуальной эстетической позиции, создавала впечатление общности практических целей и идей. По большому счету, это было единственно реальное проявление их творческой "непохожести", достаточное для того, чтобы привлечь внимание общества и даже завоевать популярность. В третьих, хотя писатели нового поколения, судя по их заявлениям, вовсе не стремились оказывать влияние на общество или занимать "почетные кресла" в театре общественной жизни, каждый из них, тем не менее, смог разыграть на публике собственный моноспектакль и найти своего благодарного "зрителя", и таким образом реализовать свою всепоглощающую страсть к творчеству и жажду самовыражения.

Что же касается литературного будущего писателей "нового поколения", то это покажет время.

-
1. Вэнь и бао. 2000. 4 января.
 2. "Бэйцзин вэньсюэ". 1997. № 8. С. 70.
 3. "Гуанчжоу вэнь". 1999. № 6. С. 51.
 4. Там же. С. 50.
 5. Там же. С. 51.
 6. Дандай вэньсюэ яньцзю. 1999. №2. С. 4.
 7. Данные анкетирования приводятся по материалам аналитического обзора Вэнь Бо в "Дандай вэньсюэ яньцзю". 1999. №2. С. 2-7.
 8. Цит. по "Дандай вэньсюэ яньцзю". 1999. № 2. С. 3.
 9. Гуанчжоу вэнь. 1999. № 6. С. 55.
 10. Вэнь бао. 2000. 4 января.
 11. Гуанчжоу вэнь. 1999. № 6. С.55.

Научная жизнь

Передача архивных документов, связанных с образованием Компартии Китая, научным учреждениям КНР.

23 апреля в Китайском зале Института Дальнего Востока РАН состоялась церемония передачи копий архивных материалов, сборников документов, книг и статей отечественных авторов о зарождении коммунистического движения в Китае.

На церемонии передачи присутствовали: Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ У Тао и сотрудники Посольства КНР в Москве, Почетный председатель ОРКД и АКИТ академик Тихвинский С.Л., зам. академика-секретаря ОМО РАН д.э.н. Семенов А.И., начальник I Азиатского департамента МИД РФ Моисеев Л.П., заместитель руководителя федеральной архивной службы Тарасов В.П., зав. Отделом РГАСПИ Фомичев В.Н., члены ЦП ОРКД, российско-китайского комитета XXI века и ведущие ученые китаеведы РАН и МГУ.

В связи с передачей документов перед собравшимися выступили директор ИДВ РАН, член-корреспондент РАН М.Л.Титаренко и Посол КНР в РФ У Тао. М.Л.Титаренко, в частности, сказал: "В этом году в Китае будет отмечаться 80-летие образования Компартии Китая. Российская общественность также будет отмечать эту знаменательную дату. Примечательно, что эти мероприятия пройдут накануне визита государственного и партийного лидера Китая, председателя Цзян Цзэминя, в Москву.

Мы — друзья Китая в России — отмечаем 80-летие КПК потому, что именно эта политическая партия выступает за развитие и углубление дружбы, равноправного, взаимовыгодного сотрудничества и стратегического партнерства между нашими странами ради построения многополярного мира, где права и достоинство каждой страны, каждого народа будут уважаться и учитываться вне зависимости от того, насколько большой и малой является страна и ее народ.

Российская общественность, активисты ОРКД, отмечая эту дату, выражают свое восхищение блестящими успехами Китая. Вызывает глубокое уважение то, что руководство КПК после тяжелых дней "культурной революции" нашло в себе силы смело и критически переосмыслить пути развития страны и выдвинуть долгосрочную политику глубоких реформ.

Общество российско-китайской дружбы, исходя именно из понимания роли КПК в строительстве и развитии дружеских отношений между Китаем и Россией, между народами наших стран, наметило целую серию мероприятий.

Нынешняя церемония — первое среди них. В Москве и крупнейших городах РФ в связи с этой датой состоятся торжественные собрания обществен-

ности. За этим последуют несколько лекций и докладов об опыте реформ в КНР. В этом зале будет прочитан цикл докладов о достижениях КНР. В Российской государственной библиотеке и Синологической библиотеке, а также здесь в Китайском зале ИДВ РАН будут организованы выставки книг, посвященных достижениям китайского народа. Научные сотрудники ИДВ РАН при спонсорской помощи Государственного унитарного предприятия ОКБ "Сухой" готовят перевод и издание 2-го тома воспоминаний Дэн Маомао "Дэн Сяопин — мой отец: в годовщину "культурной революции". Мы надеемся, что книга об этом выдающемся сыне китайского народа, "архитекторе китайских реформ" Дэн Сяопине, выйдет накануне юбилея КПК.

А теперь кратко о том, чему посвящена сегодняшняя церемония. Передаваемые архивные материалы в большинстве своем касаются начального периода становления социалистического и коммунистического движения в Китае, активную роль в котором играла китайская молодежь.

В Пекине, Ухане, Тяньцзине, Шанхае, Гуанчжоу и других городах Китая в 1920-1921 гг. возникли союзы социалистической молодежи, в которых прошли закалку многие выдающиеся деятели национально-освободительного и революционного движения Китая. Особый интерес среди передаваемых документов представляют отчеты о деятельности Уханьского союза социалистической молодежи, в создании и деятельности которого самое активное участие принимал будущий участник I съезда КПК, а в последующем — один из видных руководителей КПК и КНР Дун Биу. В отчете о первом организационном собрании кружка социалистической молодежи, которое состоялось 7 ноября 1920 г. в г. Ухане, приводятся пламенные слова молодого Дун Биу: "Со времени прекращения великой войны в научной области произошли большие изменения. На нас надвигается волна новых идей... Как мы поступим? Конечно, мы будем участвовать в движении, дадим миру новую цивилизацию. Долг китайской интеллигенции — приобщиться к этому движению. Мы должны отчаянно бороться со всеми несправедливостями, существующими в старом обществе, в котором мы живем". Предвидя создание общекитайской организации, которая возглавила бы борьбу за новый Китай, за освобождение, Дун Биу вселял уверенность в своих друзьях и говорил: "Крупная организация также создается из малых ячеек".

Вместе с архивными документами мы передаем также 3 тома (в пяти книгах) впервые опубликованных документов ВКП(б) и Коминтерна, относящихся к различным этапам национально-революционного движения в Китае. Упомянутые 3 тома охватывают период с 1920 по 1931 годы. Работа над подготовкой к публикации документов последующего периода продолжается. Это будут IV и V тома.

Передаваемые копии архивных документов выявлены ведущим научным сотрудником ИДВ РАН Шевелевым К.В. Они дополняют материалы I тома сборника документов "ВКП(б), Коминтерн и Китай (1920-1925)" и помогают более полно осветить процесс создания КПК.

Вместе с документальными материалами мы передаем ряд книг по истории революционного движения в Китае, подготовленных сотрудниками нашего института в последние годы и фотографию Г.Н.Войтинского, активно участвовавшего в создании первых коммунистических организаций Китая. Эти материалы, насколько нам известно, отсутствуют в китайских архивных и музейных коллекциях.

На наш взгляд, передаваемые сегодня китайским друзьям копии архивных документов, а также книги и другие материалы позволят более полно и объемно представить историю распространения социалистических и комму-

нистических идей в Китае, роста и консолидации тех сил, которые затем стали родоначальниками КПК и ее будущими лидерами”.

В заключение М.Л.Титаренко выразил благодарность руководителю Федеральной архивной службы РФ, члену-корреспонденту РАН Козлову В.П., директору РГАСПИ, профессору Андерсону К.М., которые поддержали инициативу ИДВ РАН передачи китайской стороне этих материалов.

Выступивший с ответным словом Чрезвычайный и Полномочный посол КНР в РФ У Тао сказал:

“Дорогие друзья!

В связи с приближающимся юбилеем - 80-й годовщиной со дня создания Коммунистической партии Китая Институт Дальнего Востока РАН передал нам в дар часть архивных материалов по истории Коммунистической партии Китая. Для нас это - драгоценный подарок. Пользуясь случаем, я от имени Центра документации ЦК КПК, Музея истории китайской революции, Шанхайского Дома-музея I съезда КПК, а также от имени Посольства Китая в России выражаю сердечную благодарность директору Института Дальнего Востока РАН Титаренко и всем российским друзьям-ученым, которые добросовестно потрудились над поиском и сбором вышеуказанных документов.

Коммунистическая партия Китая скоро завершает свой 80-летний путь. Соответствующие организации КПК чрезвычайно внимательно следят за сбором и изучением материалов по истории Коммунистической партии Китая. Архивные документы, подаренные нам Вашим Институтом, являются чрезвычайно интересными для этой работы, они станут интересными дополнительными экспонатами Музея истории китайской революции и Шанхайского Дома-музея I-го съезда КПК.

Одновременно мне хотелось бы отметить, что предоставление нам сегодня в дар архивных документов открывает также новую страницу сотрудничества в области культурно-исторических обменов. При этом я хотел бы выразить уверенность в том, что в последующем сотрудничество и обмены в этой области будут продолжаться и будут играть активную роль в деле укрепления дружбы между двумя странами - Китаем и Россией, между народами двух наших стран”.

Перспективы межкорейского диалога, его внутренние и внешние аспекты

Вышеназванная тема была вынесена на обсуждение пятой научной конференции корееведов. Конференция состоялась 21-22 марта 2001 г. в Институте Дальнего Востока РАН. Организатором этого традиционного научного форума был Центр корейских исследований ИДВ. В работе конференции приняли участие ученые Института Дальнего Востока, Института востоковедения, ИМЭМО, ИМЭПИ, ИНИОН РАН, МГУ, Дипломатической академии, МГИМО, представители МИД РФ, средств массовой информации, бизнеса и других структур, занимающихся практическими связями с Севером и Югом Кореи.

Межкорейский диалог, поднявшийся в 2000 г. на уровень встречи высших лидеров Севера и Юга, рассматривался на конференции в историческом аспекте. Первые встречи представителей обеих сторон начались практически в 1972 г. и с большими перерывами продолжались в 1985, затем в 1991, 1994 годах. Далеко не все эти контакты оказались эффективными, тем не менее в процессе общения Север и Юг нарабатывали собственный опыт общения и достижения взаимопонимания.

Процесс сближения двух корейских государств, по мнению российских ученых, носит объективный характер. В их докладах обосновывалась историческая неизбежность этого процесса, вытекающая как из общего прошлого корейской нации, так и современных вызовов, которые существуют и могут возникать на пути ее прогресса в будущем. Конечно же, речь не идет об объединении Кореи сегодня или завтра. После долгих лет отчуждения Север и Юг не могут в одночасье объединиться в единое государство. Видимо, прежде они должны пройти этап сближения. Лишь затем на базе добытого опыта сотрудничества оба государства смогут принимать решение об объединении.

Важную роль на этом этапе, как отмечалось на конференции, будет играть тактика взаимных уступок. Уже сейчас обе стороны идут на существенные компромиссы. Отмечалось, что самый главный компромисс на этот раз, по видимому, состоял в том, что Север фактически согласился на присутствие американских войск на территории Республики Корея. Правда, существует и иная точка зрения на этот счет. Ряд ученых полагает, что Пхеньян не стал оспаривать позицию Сеула, чтобы не обострять переговоры на нынешнем этапе.

Тем не менее, по общему мнению участников встречи, в данный момент соотношение внешних и внутренних факторов в процессе сближения корейских государств заметно меняется. Теперь Север и Юг координируют свои усилия не с внешними силами, а друг с другом. Это, однако, не значит, что влияние извне не может поколебать процесс межкорейского сближения. В частности, высказывалось мнение о том, что приход к власти в США новой администрации уже начинает отрицательно влиять на этот процесс.

На конференции рассматривался также социально-политический ракурс межкорейского диалога. Говорилось, что пока существуют большие различия между социальными условиями жизни населения Северной и Южной

Кореи, трудно достигнуть единого мнения в обществе относительно темпов и направлений сближения. Заметно отличается образ жизни в обеих частях полуострова, правовые нормы в сфере труда, социальной защиты отдельных слоев населения, демократических свобод.

Участники конференции рассмотрели перспективы влияния внутренних политических процессов на межкорейский диалог. В частности представил интерес обмен мнениями по поводу того, как может измениться отношение Сеула к Северу после прихода к власти на Юге новых политических сил, или как будет развиваться межкорейский диалог в условиях, если на Севере начнут проводиться экономические реформы китайского типа. Не все достаточно ясно, когда речь заходит о реальном влиянии военных кругов на политику Севера и Юга страны.

Состоялся довольно обстоятельный обмен мнениями по поводу роли России в процессе межкорейского сближения. Результаты визитов президента РФ В.В.Путина в Северную, а затем и в Южную Корею, подписанные им в Пхеньяне и Сеуле декларации дают представление как об интересах России в этом регионе, так и о той линии, которой Россия намерена придерживаться в процессе межкорейского урегулирования. В двух словах она состоит в следующем:

- Россия считает, что корейские проблемы должны и способны решать сами корейцы;
- указанные проблемы необходимо решать путем переговоров;
- объединенное корейское государство должно быть дружественным по отношению к РФ.

Прагматизм, как отмечалось на конференции, может помочь в межкорейском диалоге. Сам диалог стал возможен во многом благодаря этому качеству. Высказывались предположения, что философской основой межкорейского сближения могут стать не только заимствованные на Западе теории, типа конвергенции, но и собственные учения, возникшие на основе развития своей цивилизации, на базе конфуцианства, буддизма. В этой связи, как отмечалось на конференции, каждое поколение корейцев, например, находит в идеологии "чучхе" (субъективности) новый смысл, созвучный вызовам своего времени.

Материалы научной конференции предполагается издать в виде сборника.

Париж и русская эмиграция на Дальнем Востоке

С 18 по 20 января 2001 г. во Франции прошла конференция «Париж и русская эмиграция. Культура в изгнании и культура изгнанничества», которая была посвящена 125-летию библиотеки им. Тургенева в Париже. История этого книжного собрания весьма примечательна. Великий русский писатель И.С.Тургенев основал библиотеку как интеллектуальное пристанище для русских студентов и политических эмигрантов в Париже, в котором, по словам писателя, они могли бы «укрыться от одиночества в большом городе». Первый читальный зал библиотеки открылся на пожертвования, собранные на благотворительных вечерах, где читали свои произведения Иван Тургенев, Эмиль Золя, пела Полина Виардо. До Второй мировой войны Тургеневская библиотека была одним из духовных центров русской эмиграции в Париже. В сентябре 1940 г., когда ее разграбили немцы и около 100 тысяч томов вывезли из Франции, деятельность библиотеки прекратилась. В 1945 г. часть собрания была обнаружена Советской армией на территории Германии. В конце 1950-х гг. библиотека получила частично возмещение убытков и была возрождена благодаря энтузиазму ее почитателей. Они-то и стали инициаторами проведения данной конференции.

Конференция проходила в Люксембургском дворце под патронажем президента Франции господина Ширака. Представительный форум открыла президент ассоциации друзей Тургеневской библиотеки госпожа Сабина Бернард. Благодаря ей в Париж смогли приехать ученые со всего мира. Впервые собрались вместе исследователи, изучающие эмиграцию в различных частях света, включая и Дальний Восток. Это стало возможным в результате того, что профессор славистики С.Бернард объехала многие страны, в том числе побывала в Китае и во Владивостоке, знакомясь с уровнем исследований русской эмиграции.

Тема дальневосточной эмиграции звучала в выступлениях на всех секциях. В первый день конференции Марлен Ларюэль из Парижа прочла свой доклад, посвященный евразийству. Это движение имело весьма широкий спектр действия — от славянофильства до небольшевизма. Докладчик выдвинула идею, что возрожденное евразийство имело в своей основе треугольник «Париж, Прага, Харбин». По ее мнению, одним из деятелей этого движения в Китае был известный литератор и поэт Всеволод Никанорович Иванов, автор публицистической книги «Мы». Этот вывод представляется мне лично спорным: хотя книга получила многочисленные одобрительные отзывы деятелей евразийства в Европе, причислять к нему Иванова можно с натяжкой. В то же время госпожа М.Ларюэль не рассказала о тех дальневосточных эмигрантах, которые как раз разделяли некоторые идеи евразийства.

Большое число докладов на конференции было посвящено деятельности русских диаспор. Кстати, во время дискуссии возник вопрос о термине «русский». Один из ее участников аргументированно доказал, что под этим

термином надо подразумевать не только представителей этой национальности, но и вообще говорящих на русском языке, который объединял всю эмиграцию из России. Среди исследователей широко распространено мнение, что русская эмиграция на Дальнем Востоке не имела каких-либо тесных связей с Европой. На самом деле это было далеко не так. С окончанием гражданской войны участники белого движения оказались разбросанными по всему миру, причем одной из характерных черт русской эмиграции было то, что выходцы из России стремились обосноваться поближе к родине. Так и возникли большие русские колонии в Чехословакии, странах Балтии и Китае. Уже потом центры эмиграции стали появляться во Франции и Америке. Несмотря на то, что история русской эмиграции первой волны достаточно полно рассмотрена в современных работах, взаимные связи между колониями россиян в разных странах исследованы пока слабо.

Весьма насыщенным статистическими данными и фактами о русской эмиграции в Японии был совместный доклад парижанки Дэни Савелли и Юки-то Ито из Токио. Он был в основном построен на материалах, почерпнутых в архивах Японии, и ценность его заключается в точных цифрах о количестве русских эмигрантов в различных городах Японии. В 1918 г. здесь жили семь тысяч человек, на следующий год — оставалось четыре тысячи, а в 1920 г. — три тысячи. 60 процентов общего числа русских проживали в Иокогаме. Была в докладе дана информация и об эмигрантских общественных организациях в Японии, хотя к сожалению и краткая, так как сведения взяты только из полицейских отчетов. Докладчики не знакомы с русскими эмигрантскими изданиями, и это существенно сузило их исследование.

Достаточно любопытным было сообщение старшего научного сотрудника института истории Хэйлунцзянской академии общественных наук Ли Шусяо. Он рассказал о музыкальной жизни эмиграции в Харбине. Китайский ученый скрупулезно исследовал тему, в основном концентрируя свое внимание на личности музыкантов. В частности, он сообщил, что В.Л.Гершгорина окончила гимназию М.А.Оксаковской в Харбине (1918) и консерваторию в Париже (1925). По возвращению в Харбин в 1926 г., где жили ее братья и сестры, Гершгорина занималась музыкальной педагогической деятельностью, много лет была директором Харбинской музыкальной школы. Упоминается о влиянии русской эмиграции на музыкантов Китая. Кстати, Ли Шусяо является автором-составителем интереснейшего альбома «Старые фотографии Харбина». Большинство этих уникальных снимков опубликовано впервые и посвящено русской эмиграции.

Выступление автора этих строк было посвящено образовательным и культурным связям русского Китая и Парижа. Множество русских, осев в Китае, выбрали местом жительства Харбин, бывшую столицу Китайско-восточной железной дороги (КВЖД), и Шанхай, наполненный иностранцами из многих стран. Уже в начале 20-х гг. Харбин, имевший хорошие типографии, стал издавать детские книги, на которых указывалось: «Отпечатано по старой орфографии, по заказу Товарищества объединенных издателей в Париже». Эти издания пользовались большой популярностью.

Тесные литературные связи, существовавшие между Харбином и Парижем, можно продемонстрировать на примере журнала «Рубеж», который был одним из самых массовых и популярных изданий в русском зарубежье в Китае. С 1928 г. в него посылал корреспонденции из Парижа писатель и журналист В.Унковский. К первому десятилетию журнала свои поздравления редакции прислали многие писатели русского зарубежья, включая И.А.Бунину. М.А.Алданов написал: «Я всегда удивляюсь, как удалось создать такое ценное культурное дело далеко от центров». М.А.Осоргин поддержал его: «Я считаю,

что каждое литературное предприятие за границей есть подвиг. Особенно приветствую всякие журналы чисто культурные, не занимающиеся политикой». А.М.Ремезов конкретно обозначил свои пристрастия: «Очень люблю смотреть картинки и разбирать подписи под ними. Десять лет «Рубежной» изобретательности. Каких только знаменитостей и сцен из театральной и уличной жизни я ни навиделся».

Особо примечательным в редакции журнала был огромный редакторский кабинет, стены которого были почти полностью покрыты фотографиями с автографами всех знаменитостей, отмеченных «Рубежом». Когда советская армия в 1945г. пришла в Маньчжурию, почти вся редакция «Рубежа» была арестована и отправлена в лагеря, а уникальный архив журнала пустили по ветру.

Члены многих литературных объединений в Харбине внимательно следили за творческой жизнью русской эмиграции в Париже. В «Молодой Чураевке» и других кружках заслушивались доклады и сообщения о литературных новинках русского Парижа. В книжных магазинах и библиотеках Харбина, как, впрочем, и в других городах Китая, всегда можно было познакомиться со всеми произведениями русских эмигрантов, живших в Европе.

Образовательным и научным центром не только Харбина, но и всего русского Китая, был Юридический факультет. Его руководство, понимая, что нужно обязательно повышать профессиональный уровень своей профессуры, отправляло преподавателей повышать квалификацию в Париже. Среди них был юрист В.В.Энгельфельд, который защитил перед Русской академической группой в Париже диссертацию «Очерки государственного права Китая» на степень магистра государственного права. В 1929 г. другой профессор Юридического факультета Г.Н.Гинс защитил там же свою магистерскую диссертацию. Хотя ему предлагали остаться и продолжить научную карьеру в Париже, ученый предпочел вернуться в Харбин.

Японская оккупация Маньчжурии в 1931 г. и образование Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ) многое изменили в жизни русских эмигрантов. Часть русской профессуры была вынуждена уехать в другие города Китая или переехать в другие страны. Тогда руководители ряда вузов Харбина обратились к коллегам в Европе с предложением приехать на работу в Харбине. Откликнулся только профессор права и богослов К.И.Зайцев, сыгравший огромную роль в культурной жизни эмиграции в Китае. До этого, в 1925 г., он жил в Париже и редактировал вместе с П.Б.Струве известную в то время газету «Возрождение».

В 30-е гг. в Харбин приезжало немало ученых из Франции, которые всегда находили здесь дружественный прием у своих коллег.

Литературный Шанхай тоже имел тесные связи с русскими писателями и поэтами в Европе, среди которых было немало выходцев с Дальнего Востока. Примером сотрудничества литературных кругов Парижа и Шанхая является совместное издание журнала «Русские записки». Дешевые издательства в Шанхае — «Эмигрантская библиотека», «Дракон», «Vega» и другие — привлекали внимание некоторых русских авторов, живших в Америке или Европе, поскольку охотно печатали книги эмигрантов-писателей. Нередкими были и гастролы в Китае артистов-эмигрантов из Европы. Так, весьма успешно выступал на шанхайской сцене А.Н.Вертинский, приезжавший на гастролы из Франции.

Хотя русские колонии в других городах не имели таких тесных связей с Парижем, как Харбин или Шанхай, и там были люди, самым прямым образом связанные с русской эмиграцией во Франции. Так, в Пекине жила жена бывшего начальника КВЖД К.А.Хорват, дочь художника А.Н.Бенуа. Она занималась живописью и неоднократно устраивала выставки. В свое время по ее предложению в Харбине была устроена одна из первых выставок французских

художников. К.А.Хорват написала очень интересный роман, посвященный памяти своего брата А.А.Бенуа, жившего в ее доме. Некоторые русские художники из Китая смогли побывать в Париже и получить там образование.

После окончания Второй мировой войны, когда перед многими эмигрантами в Китае встала проблема дальнейшего обустройства жизни, большая часть их, в основном сотрудники французских учреждений в Шанхае, уехала в Австралию или Америку. Некоторые эмигранты, успевшие оформить французское гражданство, переехали во Францию. Нашли приют в Европе, в том числе и во Франции, больные хроническими заболеваниями, которым был запрещен въезд почти во все страны.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что связи представителей интеллектуальных кругов русской эмиграции в Китае и во Франции были весьма устойчивыми. Отмеченные выше случаи — это далеко не полный перечень примеров взаимоотношений русской эмиграции двух стран, их было гораздо больше.

На секции «Периодическая печать» выступила известный ученый, профессор Торонтского университета Ольга Михайловна Бакич, составитель и издатель журнала «Россияне в Азии». Свое выступление О.М.Бакич начала словами: «В истории китайского города Харбина, основанного около тысячи лет назад одним из маньчжурских тунгусских племен, есть интересная русская страница». Дав краткую периодизацию деятельности русской эмиграции в Харбине, она исчерпывающе осветила историю русскоязычной периодической печати в этом городе. Тщательно проанализировала направления большинства газет, дала немало статистических сведений. Большинство исследователей, занимающихся дальневосточной эмиграцией, знают О.М.Бакич как лучшего знатока истории Харбина. В этом году выходит в Америке ее библиография, посвященная харбинской теме. На конференцию О.М.Бакич привезла новый номер своего журнала «Россияне в Азии», страницы которого наполнены уникальными материалами, впервые опубликованными на русском языке.

Очень оживленно прошла на конференции дискуссия, посвященная эмигрантским архивам, их розыску и изучению, сохранению культурного наследия. Одной из главных тем стало обсуждение идеи возвращения в Тургеневскую библиотеку части ее книжной коллекции, находящейся в России. Весьма эмоциональным было выступление большой энтузиастки собирания эмигрантской литературы Н.В.Рыжак, заведующей отделом Российской государственной библиотеки.

В рамках конференции было много и кулуарных встреч и бесед. В них наиболее полно отразилась идея диалога русской культуры в эмиграции с культурами разных стран, приютивших изгнанников. Запомнилась встреча с голландским профессором Ж.П.Хиндриком, большим знатоком творчества харбинского поэта Валерия Перелешина и автором нескольких книг о нем. В 1997 г. он опубликовал каталог материалов и книг В.Перелешина в библиотеке университета Лейдена.

Весьма примечательной была встреча с доктором славистики Рене Герра, который выступил с докладом «Русская зарубежная культура в одной лекции». Этот парижанин, собравший огромную коллекцию архивных материалов, книг и картин русских эмигрантов из Европы, занимается сбором материалов и о русских в Китае. Сейчас во Франции живет одна из последних участниц литературной и артистической жизни русского Китая Л.Н.Андерсен, автор интересного поэтического сборника, вышедшего в Шанхае в 1940 г. Случайно узнав о том, что господин Герра интересуется ее архивом, я спросил его о возможности поработать с ним. Подтвердив, что архив действительно у него, коллекционер подчеркнул: «Я убежденный и многолетний антикоммунист». И

попросил у меня соответствующих рекомендаций. Я потерял дар речи: его слова очень напомнили мне недавние советские времена, когда для работы в архивах требовались официальные бумаги.

Сегодня нередки случаи, когда исследователям бывает закрыт доступ к частным коллекциям, владельцы которых в силу своих политических пристрастий значительно ограничивают возможности изучения эмигрантской темы.

Примером того, как современные ученые выходят на эмигрантскую тему, расширяя рамки своего основного исследования, является профессор из Москвы Л.А.Мнухин. Не так давно вышла в свет его статья «Марина Цветаева и российские поэты Китая» («Россияне в Азии». 2000. № 7. С. 285-299). Сегодня Мнухин и его коллеги заканчивают многотомное исследование «Русское зарубежье: хроника научной, культурной и общественной жизни». Об этом он также рассказал на конференции.

Инициаторы конференции смогли организовать для ее участников и небольшую культурную программу. Мы побывали в доме, где скончался И.С.Тургенев. Запомнилось посещение знаменитого русского кладбища Сент-Женевьев-де-Буа, где похоронены и некоторые известные дальневосточники. Недалеко от входа мы увидели могилу Л.А.Зандера, автора философских работ, изданных в Китае и во Франции. Эмигрировав в Маньчжурию, он стал преподавать историю философии права на Юридическом факультете в Харбине. В 1923 г. Л.А.Зандер переехал в Чехословакию, затем жил во Франции. Он был близок к философу С.Булгакову, рядом с которым и похоронен.

На этом кладбище мы побывали и на могиле контр-адмирала Ю.Старка, который увел в 1922 г. корабли Сибирской флотилии из Владивостока. Не прошли участники конференции и мимо могилы знаменитого поэта К.Д.Бальмонта, опубликовавшего в Харбине свой поэтический сборник. На одном из экземпляров Бальмонт сделал помету: «Эти два последних стихотворения помещены издателем помимо Поэта и не имеют никакого отношения к книге. К.Д.». Их автором был вовсе не Бальмонт, а, вероятно, издатель его книги в Харбине В.В.Обольянинов.

Хотя на Парижскую встречу смогли приехать далеко не все авторитетные ученые, изучающие русскую эмиграцию, конференция впервые поставила вопрос о том, что тему эмиграции нужно исследовать не в отдельно взятых регионах, а в совокупности всех ее аспектов.

Рецензии

Ткаченко. В.П. Корейский полуостров и интересы России. М.: Восточная литература РАН, 2000. 207 с.

Автор книги, за плечами которого десятилетия кропотливой и напряженной дипломатической, партийно-государственной и академической работы, впервые предложил широкому кругу читателей свой солидный монографический труд, созданный на базе кандидатской диссертации. И надо сказать, что первый блин отнюдь не получился комом. Четкая структура, необычайное богатство исторического материала, широкая опора на достигнутый уровень корееведческих и международных исследований, глубокие и оригинальные суждения все это придает работе В.П. Ткаченко не только целостный и законченный характер, но и обращенность в прогностическое будущее Корейского полуострова.

В главе первой, посвященной периоду от начала 60-х до середины 80-х гг., В.П. Ткаченко шаг за шагом анализирует сложнейшие перипетии во взаимоотношениях между СССР и КНДР. Крупным политико-дипломатическим событием этого периода стало подписание союзнического договора между СССР и КНДР, сыгравшего немаловажную стабилизирующую роль в регионе, особенно в период корейского кризиса 1968 г., последовавшего вслед за интернированием северокорейской стороной у своего побережья военно-разведывательного корабля «Пуэбло». Несмотря на чрезвычайную напряженность, США и СССР довольно настойчиво избегали столкновений из-за Кореи и приобрели определенный опыт взаимодействия в кризисной обстановке» (с. 40). Вместе с тем стало очевидно, что Корейский полуостров с резким противостоянием двух государств, безудержной милитаризацией и яростной психологической войной представляет наиболее опасный очаг военного конфликта не только регионального, но и мирового масштаба.

Целый ряд малоизвестных исторических сведений (по материалам личного

архива автора) впервые публикуется в главе II-й (как впрочем и в других главах), посвященной ситуации на Корейском полуострове в переходный период от "холодной войны" к разрядке. Внешнеполитическое влияние СССР к этому периоду значительно ослабевает, и в обеих частях Кореи возникают самостоятельные сценарии воссоединения страны ("конфедеративного государства" на Севере и "национального сообщества" на Юге (с. 84-85).

Республика Корея и КНДР с диаметрально противоположных позиций трактуют свои подходы к возможному процессу восстановления государственной целостности нации. Глубокая пропасть в двух подходах хорошо известна. Но тем важнее суждение автора о том, что «объединительные концепции Севера и Юга Кореи не отличаются друг от друга настолько, чтобы их невозможно было превратить в общекорейскую платформу по воссоединению страны» (с. 101).

Разумеется, поиски общекорейского консенсуса, особенно в сфере социально-политического устройства, требуют громадных усилий, а главное — длительного переходного периода. Как уже говорилось на одной из академических дискуссий в ИДВ РАН, переходной платформой подобного сближения могут стать идеи конвергенции, неправомерно отвергаемые до недавнего времени леворадикальными авторами. Социально-философское и экономическое тяготение Ким Дэ Чжуна и других южнокорейских лидеров к теории и практике конвергенции хорошо известно. Но подобные идеи, по всей вероятности, можно отыскать в глубинах северокорейского общества. Несомненный интерес представляет в этой связи основанное на источниках свидетельство В.П. Ткаченко о том, что в начале 80-х гг. выяснилось, что Пхеньян стал тяготеть к политическому курсу, «...который мог привести к утрате элементов социализма на Севере Кореи.

Руководители Кореи делали заявления, что они больше ценят национализм, нежели коммунистические идеи». Думается, что реверанс в сторону националистического, общекорейского интереса сыграл немалую роль в подготовке и проведении сенсационного общекорейского саммита между Ким Чен Иром и Ким Дэ Чжуном 15 июня 2000 г.

В III-й главе рецензируемой книги «Региональный аспект безопасности на Корейском полуострове...» обстоятельно анализируются узловые проблемы безопасности в США, международные аспекты корейской проблемы, а также специфические интересы России на Корейском полуострове.

С интересом читаются обобщающие суждения автора, посвященные в целом стратегическим перспективам урегулирования корейской проблемы. В наступившем XXI столетии Северо-Восточная Азия продолжает оставаться узлом острых, как глобальных, так и региональных, противоречий и конфликтов. Ослабление фронтального биполярного соперничества не нашло пока адекватного отражения в региональной ситуации, хотя оба корейских государства весьма близки к общему пониманию неприемлемости нового военного пожара, как способа межкорейского урегулирования.

И, вероятно, это одна из причин того, что, по сравнению с прошлым, геополитическое и стратегическое значение Кореи как «узла противоборства внешних сил» существенно снизилось и ослабло. «Великие державы, — отмечает автор, — в значительной мере утратили интерес к использованию Корейского полуострова в целях оказания давления друг на друга» (с. 161).

Соответственно вырисовываются и стержневые аспекты политики держав, в первую очередь США, Японии, КНР, а также России, на корейском направлении. Для Вашингтона Корейский полуостров — это своего рода дополнительный сегмент стратегического треугольника США — Япония — Тайвань, призванного сыграть ключевую роль в «сдерживании» континентального Китая. В этом же контексте следует рассматривать несколько затянувшуюся дипломатическую полемику между Вашингтоном и Пхеньяном. В целом же США вполне устраивает длительное статус-кво на полуострове или же поглощение Севера Югом Кореи (с. 160-162).

Не испытывают каких-либо позитивных эмоций по поводу различных сцена-

риев объединения Кореи и официальные круги Японии. «Единая Корея, как полагают японские ученые, может стать серьезным соперником Японии, экономическим конкурентом, вторым после Китая военным государством в регионе», — пишет автор монографии (с.163). Соответственно Япония в сфере внешнеполитической стратегии ориентируется на параллельное развитие отношений с двумя Кореями, хотя всерьез встревожена развитием ракетно-ядерной технологии в КНДР. Судя по всему, Токио, особенно в условиях нарастания его международного статуса, будет всеми мерами противодействовать одностороннему дрейфу Корейского полуострова в направлении какой-либо одной державы.

Весьма примечательно, что в сохранении нынешнего геостратегического баланса между двумя Кореями во многом заинтересована и КНР, которой, по оценке В.П. Ткаченко, удалось в последние годы существенно укрепить свои позиции и влияние на полуострове, стать одним из основных гарантов безопасности, своего рода дипломатическим арбитром в налаживании прямого диалога между Сеулом и Пхеньяном. КНР, официально связанная с КНДР военной статьей о взаимной военной помощи, тем не менее форсирует свои экономические, технологические и политические взаимоотношения с Югом Кореи. В целом же, Пекин «не заинтересован в нарушении статус-кво в Корее», поскольку ему пока не удалось реализовать свои ключевые стратегические задачи в субрегионе, к числу которых относится, прежде всего, возвращение Тайваня в состав Китая.

В сопоставлении с линией других держав российская политика на корейском направлении оказалась наиболее противоречивой и сложной. Не без горечи автор отмечает, что по вине некоторых наших стратегов трансатлантической ориентации Москва в начале 90-х гг. пошла на необоснованное свертывание отношений с КНДР, допустила просчеты в разворачивании деловых отношений с Югом Кореи, что, в условиях резкого снижения ее военного присутствия на Тихом океане, «повлекло за собой перераспределение баланса сил в регионе не в пользу России. Вернуть утраченные позиции будет не простым делом. Для этого ей потребуются новая политика на корейском направлении...» (с. 163).

События в Северо-Восточной Азии уже после выхода рецензируемой книги

(заключение нового Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР, визит Президента РФ В.Путина в КНДР и Республику Корея, первый межкорейский саммит Ким Дэ Чжун и Ким Чен Ира, разработка проекта открытия Транскорейской железнодорожной магистрали, состыкованной с Транссибом и ряд других акций) — это свидетельство практической реализации модернизированного курса Москвы на корейском направлении.

При этом вряд ли обоснованы утверждения некоторых зарубежных аналитиков о том, что якобы Москва стремится на принципах некой «равноудаленности» «маневрировать» и «балансируют» между Сеулом и Пхеньяном. «Север и Юг, — отмечает в этой связи автор книги, — это разные государства, с каждым из которых у нас сложились разные отношения. Их невозможно уравнивать или сбалансировать. Другое дело — ориентация на общекорейские интересы, когда речь идет о принципиальных вопросах обеспечения мира и безопасности на полуострове» (с.166).

В заключительной части книги, со ссылкой на авторитетные суждения ряда других ученых-международников, российская внешнеполитическая линия на корейском направлении оценивается как «политика *позитивного нейтралитета*, предпочитающая видеть Корею независимым государством, партнером по сотрудничеству» (с. 167).

Однако автор не обрывает на этом свою весьма интересную и плодотворную

идею. Обращаясь к международному статусу потенциально воссоединенной Кореи, он приходит к выводу, что вряд ли можно опираться на какие-либо военно-блоковые отношения, например, военные альянсы — Вашингтон—Сеул, Пекин—Пхеньян и др. Единственной реальной альтернативой тупиковой ситуации могла бы быть политика конструктивного и гарантированного нейтралитета. «Нейтрализация Корейского полуострова могла бы стать благоприятным фоном для установления доверия между Севером и Югом». И далее: «Соседи Кореи предпочитают сохранить статус-кво на полуострове. Если же объединение все же произойдет, то их устраивала бы нейтральная или, по крайней мере, независимая в политическом и военном отношении Корея» (с.162). Не может быть сомнений в том, что к этой идее еще раз будет приковано внимание участников дипломатических баталий в межкорейском диалоге. (Родившаяся впервые около столетия назад идея международной нейтралитации Кореи вновь обретает свою практическую значимость).

Российское востоковедение пополнилось весьма содержательным, оригинальным и ценным трудом, написанным в лучших традициях теории и методологии современных международных отношений. Единственное сожаление можно высказать по поводу отсутствия в книге библиографии и предметного указателя. Хотелось бы пожелать автору учесть данное замечание при подготовке доработанного издания книги на иностранных языках, прежде всего, английском и корейском.

© 2001

Вл. Ф. Ли,
профессор, доктор исторических наук,
заслуженный деятель науки РФ

Лузянин С.Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911 — 1946 гг.

М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000, 268 с.

Демократизация общественной жизни России избавила отечественных историков от идеологических императивов, обеспечила открытие многих, ранее засекреченных архивных фондов и повысила требовательность к объективности подходов к изучаемым сюжетам. Эти преимущества в полной мере использованы историком-востоковедом С.Г.Лузяниным в рецензируемой работе, посвященной, по определению автора, "сложной, запутанной, а порой и трагической истории взаимоотношений двух государств — России и Китая — с относительно небольшой Монголией, расположенной между своими великими соседями." (с. 3).

Как на протяжении нескольких предшествующих столетий, так и в настоящее время российский — монголо — китайские отношения продолжают оставаться одним из важных индикаторов состояния и динамики международной ситуации на Дальнем Востоке. Спецификой исследования С.Г.Лузянина является оригинальный авторский подход: в нем прежде всего рассматривается борьба Монголии за государственную независимость, но через призму самого активного участия в решении этой проблемы ее двух соседей, исходящих при том из собственных интересов. Автор справедливо утверждает, что явления недавних десятилетий и события более отдаленных времен конца XIX — начала XX вв., такие, как движение за объединение всех монгольских племен в одно государство (попытка реализации идей панмонголизма), традиционное русско-китайское и советско-китайское соперничество из-за Монголии, в той или иной степени проецируются на состояние российско-монгольских и монголо-китайских отношений и поныне.

Данная рецензия не претендует на исчерпывающую оценку монографии С. Г. Лузянина. Ее задача — рассмотреть этот труд с точки зрения анализа сегодняшних процессов в рамках геополитического треугольника Россия - Монголия — Китай, при понимании, однако, что не только по-

литическая конъюнктура актуализирует исследование С.Г.Лузянина. В частности, укрепление российско-монголо-китайских связей способно стать определенным барьером на пути поползновений к дальнейшему усилению влияния США в Азии, снижающему самостоятельную роль регионов и входящих в них стран как субъектов глобальной и региональной политики и экономики.

В первую очередь следует отметить, что в отличие от ряда других, более ранних трудов, в той или иной степени уже касавшихся вопросов, затрагиваемых в данной монографии, последняя является результатом изучения большого количества неопубликованных архивных материалов и малоизвестных печатных трудов. Об этом дает представление не только общее содержание работы, но и наличие в ней главы, специально посвященной анализу источниковедческой базы и представляющей самостоятельный интерес для исследования смежной тематики, например, о характере политики России в Северо-Восточной Азии в первой половине истекшего века. Историком подняты материалы, многие из которых являются надежными источниками, из доброго десятка хранилищ, в том числе из Архива внешней политики Российской империи (АВП ИИ), Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Российского государственного военно-исторического архива (РГ ВИА) и особенно — из Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИД-НИ), который до 90-х гг. был в основном закрыт и мало доступен для исследователей. Дополняют и расширяют понимание российско-китайских и российско-монгольских отношений материалы и документы региональных архивов, в первую очередь — Государственного архива Иркутской области (ГАИО), а также те, что хранятся в архивах Монголии. Внимание к источникам, их тщательный отбор и критическая оценка придают исследованию необходимую историческую достоверность.

Конструкцию монографии составляют три круга основных и взаимосвязанных проблем, на которых сосредоточены творческие усилия автора. Коротко перечислим их содержание.

Первый круг включает в себя оценку положения Монголии в системе международных отношений с начала XX в. по 1924 г., изучение его эволюции в ходе таких событий, как провозглашение независимости Монголии, формирование известной Кяхтинской тройственной системы 1911-1915 гг.¹, свершение в 1921 г. Монгольской национально-демократической революции и появление первого опыта международно-правового оформления Монголии в связи с провозглашением Монгольской Народной Республики в 1924 г.

Второй круг охватывает вопросы международных отношений, в которых МНР развивалась в 20-30-е гг. XX столетия, включая превращение классического "треугольника" "СССР — МНР — Китай" в новую систему "СССР — МНР — Китай — Маньчжоу-Го", которая отличалась большей конфликтностью и противоречиями, усилившими общую напряженность в регионе. Сюда же отнесен анализ японской внешней политики на Дальнем Востоке, одной из движущих идей которой было создание "автономного буфера" из МНР, Внутренней Монголии и части Маньчжурии.

Третий круг — это проблематика, связанная с основными этапами борьбы СССР за международное признание МНР в 1937-1946 гг., завершившейся окончательным международно-правовым оформлением статуса Монголии как независимого суверенного государства, полноправного субъекта международных отношений.

Таким образом, все исследование построено вокруг ключевой проблемы — обретения Монголией полноценной государственной независимости. Важно отметить, что Монголия при этом рассматривается не только как объект внешней политики России и Китая, но и как страна, стремившаяся проводить самостоятельную внешнюю политику, направленную на завоевание государственности. В этом плане интересы России и Монголии практически совпадали: первой, несомненно, было выгоднее иметь в своем так называемом дальневосточном подбрюшье миролюбиво настроенное по отношению к ней государство, нежели замкнуть значительный отрезок своей границы непосредственно на

Китай, раздираемый в то время внутренними противоречиями и междоусобицами. Вторая стремилась выйти из-под руки Поднебесной, и в этом ее союзником, способным оказать реальную помощь, могла быть и действительно была только Россия.

Политика Монголии, направленная на международное признание, исследуется в работе в тесной взаимосвязи с развитием внешней среды. Первое десятилетие прошлого века было отмечено широким противостоянием России и Китая, имевшим как территориально-историческую, так и более широкую межцивилизационную значимость, так как судьбы малых народов попадали в непосредственную зависимость от характера этого исторического спора. Поражение России в русско-японской войне послужило дополнительным стимулом активизации монгольской направленности внешней политики Пекина для ослабления влияния России во Внешней Монголии. Автор показывает, что Внешняя Монголия в то время не только не была пассивным объектом политики Китая, но и проводила соответствующий внешнеполитический курс в ответ на угрозу китайской ассимиляции. В монографии дано четкое определение существа этого курса: использование российско-китайских противоречий, сложной обстановки в самом Китае (развал Цинской империи, начало Синьхайской революции), выработка правящими монгольскими кругами линии на полное отделение Внешней Монголии от Китая, традиционно-приоритетная ориентация на Россию (с. 43). Упомянутая в связи с этим, что феномен монгольского общественного сознания заключался в большей близости к "западной" России, чем к "восточному" Китаю, автор в качестве возможной причины этого явления указывает на "генетическую" память монгольского народа, имевшего отчасти и "русские корни с периода господства Золотой Орды на Руси" (с. 80). Автор считает также, что именно благодаря самостоятельному политическому курсу Внешней Монголии, халхаская элита, вопреки советам российской дипломатии, направленной на поддержку Внешней Монголии, но без полного разрыва последней с Китаем, провозгласила независимость страны, а 29 декабря 1911г. было создано монгольское теократическое государство. Отметим этот момент в поведении России относительно вопроса о полной самостоятельности Внешней Монголии. Очевидно, что в тот момент, подобно

тому, как она поступит и несколько позднее, Россия была вынуждена считаться с политикой своего непредсказуемого великого соседа. Но с другой стороны, ей было невыгодно отдавать Монголию в полную власть Китая. И уже в следующем, 1912 г., она решительно воспротивилась военной агрессии Китая против Внешней Монголии: российское правительство заявило, что вступив в конфликт с Монголией, Китай автоматически вступит в конфликт с Россией (с. 53). В конце концов, Кяхтинское тройственное соглашение между Россией, Внешней Монголией и Китаем от 25 мая 1915 г. определило международно-правовое положение монгольского государства как "автономное... в составе Китая". Автор делает, на наш взгляд, верный вывод о том, что "по форме Кяхтинское соглашение было компромиссом между Россией, Монголией и Китаем, а по сути, это была победа России, сумевшей, несмотря на неблагоприятную военно-политическую ситуацию, отстоять и укрепить свои позиции в Монголии и поддержать монгольскую государственность в рамках широкой автономии" (с.60).

Действительно, Кяхтинская система, с одной стороны, отразила сложившийся баланс сил между Россией и Китаем, а с другой — уровень возможной самостоятельности Внешней Монголии.² Таким образом, международно-политические события, развернувшиеся вокруг Внешней Монголии в 1915-1919 гг., подтвердили возможность независимого существования монгольского государства, но только как вероятность, так как оно вновь оказалось под властью Китая. Причинами этого служил целый ряд внутренних и внешних факторов: политическая ситуация в России, переживавшей переломный этап своей истории, не позволивший ей стать на защиту монгольской автономии; китайское давление и разрушение Кяхтинской системы; обострение политического кризиса в самой Монголии, вызванное противостоянием представителей светской и духовной власти и т.д.

Кроме того, упразднение монгольской автономии Китаем в 1919 г. в монографии увязано с тем, что официальная Урга (впоследствии — Улан-Батор) в отношении Советской России придерживалась политики ее непризнания.³ Официальная позиция автономного правительства оставалась неизменной вплоть до ликвидации монгольской автономии в ноябре 1919 г. Мы упоминаем это как мало из-

вестный факт, свидетельствующий о не просто складывавшихся отношениях Монголии и России после победы Октябрьской революции, — несмотря на свое неустойчивое положение и сложные отношения с Китаем, Монголия в то время не менее опасалась незнакомому ей новому советскому режиму и не собиралась следовать российскому примеру. Несколько позднее, касаясь причин разногласий между представителями левых и правых сил в монгольском руководстве по поводу выбора пути развития страны накануне VI съезда правящей Монгольской народно-революционной партии (1927), автор подробно анализирует корни и аспекты политики правых, считавших необходимым "постепенное освобождение от политического влияния СССР" (с. 146).⁴

Авторским вниманием не обойден еще один острый вопрос советско-монгольских отношений, связанный с подписанием Москвой и Пекином Соглашения об общих принципах урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой от 31 августа 1924 г. Известно, что ст. 5-я этого документа определяла Внешнюю Монголию как "составную часть Китайской Республики"⁵. В известной степени этот факт все еще служит предметом дискуссии в самой Монголии. С.Г.Лузянин считает, что признав суверенитет Китая над Внешней Монголией, "советское правительство, таким образом, решало свои задачи, связанные с подготовкой китайской революции 1925-1927 гг." (с. 121). Признавая правомерность такого вывода, мы все-таки полагаем, что его одного недостаточно для разъяснения вопроса о том, почему советская сторона, фактически признавшая независимость Монголии в 1921 г., согласилась официально считать Монголию частью Китая. Видимо, этот вопрос заслуживает дальнейшего изучения. В качестве предварительного замечания отметим следующее. В вышедшей в Пекине в 1993 г. коллективной монографии китайских авторов "Тайна независимости Внешней Монголии" (частично переведена на монгольский язык) приводится китайская версия переговоров между Москвой и Пекином незадолго до подписания Соглашения 1924 г. Согласно этой версии, советская сторона еще накануне этого события пыталась убедить китайскую сторону в необходимости признания независимости Монголии, приводя следующие аргументы: Монголия не была исконной территорией Китая и вошла в его состав

лишь при последней, маньчжурской династии; борьба монгольского народа за независимость увенчалась только установлением самоуправления; ныне Монголия готовится принять конституцию и др.

Однако генерал Фэн Юйсян расценил просьбу советского правительства, переданную советским послом в Пекине, как оскорбление: "Монгольский вопрос это внутреннее дело нашей страны, и кроме Китая полноправие Внешней Монголии никого не касается и в вашей России отношения не имеет!" В противном случае (то есть, если в течение месяца российская армия не будет выведена из Монголии), пригрозил генерал, Китай будет вынужден прибегнуть к жестким мерам.⁶ Ясно, говорится в книге, что вмешательство Советского Союза в монгольскую проблему могло не только сорвать предстоявшие переговоры, но и привести к более широкомасштабному китайско-советскому конфликту. Следовательно, если китайские авторы правы, то очевидно, что Китай прибегнул к угрозе военного столкновения — аргумент, более чем весомый. Россия уступила, но уступка была формальной. Так считают и сами китайские историки, признав, что 5-я статья советско-китайского соглашения 1924 г. обернулась победой не Пекина, а Москвы. Уступка оказалась мнимой, поэтому впоследствии китайская сторона вновь и вновь напоминала Москве, что для достижения своей цели Китай применит насилие.⁷

Монография С. Г. Лузянина вносит ясность по многим другим мало изученным вопросам советско-монгольских отношений, в том числе относительно секретного "Соглашения Об основных принципах взаимоотношений между СССР и МНР" от 27 июня 1929 г., текст которого впервые был опубликован в Монголии в начале 90-х гг. (с. 153-155). Само заглавие Соглашения свидетельствует о том, что оно заключалось между двумя самостоятельными суверенными государствами, а не между СССР и Внешней Монголией как частью Китая, хотя и пользующейся некоторыми отличными от такого положения правами. Тем не менее, как пишет автор, МНР накануне и в период Второй мировой войны, находилась в двойственном международно-правовом положении: будучи, с одной стороны, несомненно, субъектом международных отношений в рамках двусторонних советско-монгольских связей, с другой — она юридически оставалась "частью" Китая. Окончательно

вопрос о международно-правовом статусе Монголии был решен в 1946 г. в результате победы СССР во Второй мировой войне. Ялтинские договоренности союзников по монгольскому вопросу, советско-китайский договор и нота от 14 августа 1945 г., итоги всенародного плебисцита в МНР и признание его результатов и независимости МНР правительством Чан Кайши 5 января 1946 г. привели к ликвидации противоречия де-юре — де-факто в международном положении Монголии (с. 233).

Таким образом, монография С. Г. Лузянина представляет собой широкое историческое полотно, на фоне которого отчетливее выглядит сегодняшнее состояние взаимоотношений России, Монголии и Китая. Монголия вышла из зоны советского влияния еще накануне распада СССР и проводит вполне самостоятельную внешнюю политику. Российско-монгольские отношения определяются новым договором 1993г., а монголо-китайские — договором 1994 г. На первый план в отношениях трех стран выступили торгово-экономические связи. Соответственно по-прежнему ставится проблема национальной безопасности Монголии, которая лишилась союзнических отношений с Россией и может рассчитывать лишь на ее добровольную поддержку в случае вовлечения страны в какой-либо существенный региональный конфликт, угрожающий ее суверенитету. Вместе с тем открытость внешней политики, провозглашенная Россией, Монголией и Китаем, ведет к более широкому участию этих государств в процессах регионального и глобального сотрудничества. Это дает им определенные преимущества, но одновременно повышает уровень взаимозависимости, а следовательно, и уязвимости, из чего возникают и новые проблемы в отношениях между тремя странами. Все еще далек от возможного уровня торгово-экономических связей между Россией и Китаем, Россией и Монголией; открытыми остаются вопросы монгольской задолженности России; медленно решаются тремя сторонами общая для них проблема установления приемлемых железнодорожных тарифов и т.д. Но все эти вопросы не выходят за рамки нормального межгосударственного общения и не порождают непримиримых разногласий, хотя в монгольском обществе еще сохраняется память о многих болезненных для него сторонах истории российско — монголо — китайских политических взаимоотношений в 1911-1946 гг.

Оценивая монографию С.Г. Лузянина, как существенный вклад в развитие отечественного востоковедения, считаю, однако, что под исследованием проблем политических взаимоотношений на линии Россия — Монголия — Китай подводить черту рано. Так, видимо, предстоит поднимать и осваивать неизвестные или мало известные китайские и монгольские архивные источники, которые могли бы внести дополнения и уточнения в изучение данной проблематики. Целесообразно принять во внимание и современные работы российских японоведов, указывающих, в частности, на отдельные ошибки в переводе известного «меморандума Танаки», особенно в той его части, которая относится к политике Японии в Монголии.⁸ Наш взгляд, большой научный и практический интерес для России представляют

вопросы, которые в рецензируемой книге сформулированы в положениях о том, что «можно прогнозировать дальнейшее усиление китайских позиций в Монголии» (с. 238), что «монгольский фактор не является и не будет являться препятствием на пути становления и углубления российско-китайского стратегического партнерства...» (с. 239). Так что историкам и политикам скорее всего предстоит еще не один раз обращаться к проблемам политических взаимоотношений России, Монголии и Китая первой половины XX в., особенно с более широким прицелом на современность. Но справедливо будет констатировать, что монография С.Г. Лузянина по праву заняла место в ряду заметных фундаментальных исследований востоковедов, занимающихся изучением проблем политической истории стран Дальнего Востока.

© 2001

Г. Яскина
доктор политических наук,

1. Речь идет об отношениях России, Китая и Монголии на основе Тройственного соглашения, подписанного в г. Кяхта 25 мая 1915 г., в соответствии с которым Россия и Китай признавали автономию Внешней Монголии как части китайской территории.
2. В свою очередь монгольское руководство, подписав Кяхтинское соглашение 1915 г., рассчитывало в перспективе пересмотреть его отдельные статьи и добиться полной независимости Внешней Монголии от Китая.
3. Ссылаясь на архивные данные, автор пишет, что в мае 1918 г., когда советское правительство пыталось в очередной раз обеспечить прибытие своего представителя в Ургу, монголы направили ноту китайскому сановнику с просьбой «вести батальон китайских солдат» для защиты границы и вывести его сразу после «исчезновения большевистской угрозы» (С. 73).
4. Вмешательство Коминтерна, чьи представители принимали участие в работе пленума ЦК МНРП и VII съезда МНРП (1928), во внутренние дела Монголии обеспечило победу левых сил страны, выступавших за некапиталистический путь развития.
5. Советско-китайские отношения. 1917-1957. Сборник документов. М., 1958. С. 83.
6. Ваймэнгу дули нэйму. (Тайна независимости Внешней Монголии) // Жэньминь чжунго чубаньша. Бэйцзин. С. 1993. С. 278. См. также: Хятад Оросын харилцааны туухэн дэх Монгол Улс (XX зуун) (Монголия в отношениях России и Китая. XX век. Отрывки из трудов китайских историков). Перевод с китайского. С. 61-62.
7. Там же.
8. См.: Черевко К. Федот, да не тот...(вокруг «меморандума Танаки») // Знакомьтесь — Япония. 2000. №28. С. 44, 47.

Ахметшин Х.М., Ахметшин Н.Х., Петухов А.А. Современное уголовное законодательство КНР. М.: Муравей, 2000. 432 с.

В настоящее время китайское государство переживает период законодательного бума, который затрагивает все без исключения отрасли права и в первую очередь направлен на правовое регулирование осуществляемых в стране экономических преобразований. Не является исключением и уголовное право Китая, которое в течение длительного времени занимало центральное место в правовой системе страны. По общему правилу, главным нормативным документом, определяющим содержание уголовно-правовых институтов какого-либо государства признается Уголовный кодекс. Однако, УК КНР был принят китайским законодателем лишь в 1979 г. Хотя его принятие несомненно явилось знаменательной вехой в истории китайского права, тем не менее нормы, в нем содержащиеся, были настолько несовершенны и абстрактны, что представляли правоприменителю неограниченные возможности для их толкования в свою пользу.

По мере успешного осуществления экономических реформ, дальнейшей демократизации китайского общества назрела необходимость в изменении существующих уголовно-правовых норм, которые переставали отвечать духу времени. Все это привело к тому, что на пятой сессии ВСНП восьмого созыва 14 марта 1997г. в действующий УК КНР были внесены изменения, которые ознаменовали собой новый этап в истории уголовного права современного Китая.

Принятие Уголовного кодекса в новой редакции нашим великим соседом привлекло самое пристальное внимание со стороны российских теоретиков и практиков. Однако, до определенного времени в отечественной правовой науке, за исключением отдельных статей, не было попыток монографического исследования современного уголовного законодательства КНР. Именно рецензируемая работа и призвана восполнить существующий пробел в знаниях отечественных юристов относительно ныне действующих новелл в уголовном праве Китая.

Монография доктора юридических наук Х.М. Ахметшина, кандидата истори-

ческих наук Н.Х. Ахметшина, аспиранта А.А. Петухова состоит из подробнейшего комментария всех закрепленных в Кодексе уголовно-правовых норм и приложения, в котором даются авторский перевод УК КНР в новой редакции, а также Постановления ПК ВСНП О наказании за приобретение обманным путем, утечку за границу и незаконную торговлю иностранной валютой (от 29.12.98), принятых на 13-м заседании ПК ВСНП девятого созыва 25 декабря 1999г. Поправок к Кодексу и Разъяснения ПК ВСНП к ч.2 ст. 93 УК КНР, опубликованных в Жэньминь жибао 30 апреля 2000г. В конце работы приведен перечень литературы, положенный в ее основу.

Рецензируемая книга является первым и пока единственным в российской юриспруденции исследованием, посвященным комплексному изучению и анализу современного уголовного права Китая. Ее большое преимущество заключается в комментарии каждой из статей Уголовного кодекса с опорой на историю, практику и сравнительный анализ. В ней читатель найдет не только положения УК, но и ссылки на ныне действующее уголовно-процессуальное, гражданское, административное, таможенное, налоговое и иное законодательство. Монография изобилует яркими примерами из китайской действительности, не забывая, впрочем, и про историческое наследие. Так, авторы через анализ нормативной базы прошлых десятилетий показали основные параметры эволюции уголовного законодательства и юридической мысли, позитивные сдвиги в правовой культуре китайского общества. Особое внимание было уделено адекватности перевода китайского текста на русский язык, в ходе которого был учтен опыт предыдущих лет (перевод УК КНР 1979 г. Н.Х. Ахметшиным), национальная специфика юридической терминологии китайского языка, а также понятийный аппарат ныне действующего УК РФ 1996 г.

Несомненный интерес у отечественных юристов вызовет в первую очередь комментарий к основным положениям Общей части УК КНР, который дает целост-

ную картину о немногочисленных, но весьма существенных новшествах в фундаментальных институтах уголовного права Китая. В частности, хотелось бы отметить законодательно установленный отказ от применения уголовного закона по аналогии (ст. 3), которое имело место раньше (ст. 79 УК КНР 1979 г.). В статье 4 впервые установлен принцип равенства всех граждан перед законом, не обойден вниманием и принцип справедливости, закрепленный ст. 5. Китайский законодатель в очередной раз предусмотрел возможность привлечения иностранных граждан к уголовной ответственности как за преступления; совершенные на территории КНР, так и за ее пределами, если они направлены против КНР или ее граждан (ст. 8). В то же время особо оговаривается, что вопрос об уголовной ответственности иностранных граждан, обладающих дипломатическими привилегиями и иммунитетом разрешается дипломатическим путем (ст. 11).

В комментарии ко 2 главе Общей части УК КНР делается акцент на несколько измененное материальное определение понятия преступления, под которым законодатель призывает понимать все деяния, наносящие вред суверенитету, территориальной целостности и безопасности государства, ведущие к расколу страны, свержению власти демократической диктатуры народа и социалистического строя, подрывающие общественный и экономический порядок, посягающие на государственную или коллективную собственность трудящихся масс, частную собственность граждан, права личности, демократические и другие права граждан, а также наносящие вред обществу деяния, за которые в законе предусмотрено уголовное наказание (ст. 13).

Особое место в рассматриваемой главе уделено институту уголовной ответственности совершивших преступления физических лиц. Так, за умышленные преступления лицо подлежит обязательному привлечению к уголовной ответственности, тогда как за совершение преступлений по неосторожности ответственность наступает только в случаях, прямо предусмотренных законом (ч.2 ст. 14 и ч.2 ст. 15). Например, ч.2 ст. 115 Особенной части УК КНР предусматривает уголовную ответственность за совершение по неосторожности поджога, затопления, взрыва, отравления или иным опасным способом причинение тяжкого телесного повреждения, смерти человеку или нане-

сения крупного ущерба общественной, частной собственности. Однако за совершение умышленного убийства (ст. 232), умышленного причинения вреда здоровью, повлекшее тяжкое телесное повреждение или смерть потерпевшего (ст. 234), изнасилование (ст. 236), разбой (ст. 127, 263), торговлю наркотиками (ст. 347), поджог, взрыв и отравление (ст. 114, 115) лицо подлежит уголовной ответственности даже с шестнадцати лет.

Авторы монографии совершенно справедливо обращают внимание читателя на то, что в нынешнем варианте Кодекса при определении возраста уголовной ответственности и решении других вопросов, связанных с возрастом лиц, совершивших преступление, законодатель указывает на достижение "полных лет" того или иного возраста в отличие от УК 1979 г. По их мнению, это обусловлено существующими у различных народов Китая специфическими традициями в определении возраста. Поэтому, что бы у правоприменителя не возникало сложностей в ходе возложения на виновное лицо мер уголовной ответственности и был введен указанный термин.

Несомненным достижением китайского права является законодательное закрепление института уголовной ответственности юридических лиц в нынешнем варианте Уголовного кодекса. Хотя возможность возложения на юридическое лицо мер уголовной ответственности впервые получила свое отражение в проекте Дополнительного постановления ПК ВСНП О наказании за коррупцию и взяточничество и проекте Дополнительного постановления ПК ВСНП О наказании за контрабанду, разработанных китайскими юристами еще в далеком 1982 г. (а затем принятых в 1988г.), однако, лишь сейчас она устанавливается непосредственно УК. Таким образом, по мнению комментаторов, появление такой нормы свидетельствует о стремлении законодателя поставить заслон широкому распространению в стране организованной преступности в области промышленного производства, кредитно-финансовых и валютных операций, таможенного контроля и т.п.

В комментарии к 3 и 4 главам УК КНР содержится краткая характеристика уголовного наказания и условий его применения. Необходимо отметить, что особых изменений в содержании института уголовного наказания не произошло. Как и прежде, оно делится на основное и до-

полнительное. К основным видам наказания отнесены надзор, арест, срочное лишение свободы, пожизненное лишение свободы и смертная казнь. Дополнительные виды наказаний составляют штраф, лишение политических прав и конфискация имущества. К иностранным гражданам, подлежащим уголовной ответственности за совершенные преступления, в качестве основного или дополнительного наказания может применяться высылка из страны. В данном разделе монографии читатель найдет нормы Уголовно-процессуального кодекса, посвященные процедуре возложения и исполнения наказания в отношении признанного виновным в совершении преступления лица. Особый интерес вызывает анализ закрепленных в ст. 67 и ст. 68 явку с повинной и искупление вины заслугами, а также сроков давности уголовного преследования (ст.87-89).

Комментарий к Общей части УК КНР завершает краткая характеристика главы 5, в которой содержится законодательное определение общественной собственности, частной собственности, государственных работников, юридических работников, нарушения государственных установлений, руководителей преступлений и т.д.

Наибольшее внимание авторы монографии уделили нормам, закрепленным в Особой части УК КНР. Комментарий к ней чрезвычайно обширен, что объясняется прежде всего увеличением норм, в ней закрепленных, практически в несколько раз. В комментарии к главе 1 был сделан акцент на изменение китайским законодателем прежнего названия главы "Контрреволюционные преступления" на "Преступления против государственной безопасности", указано на их повышенную общественную опасность, что и явилось основанием для постановки их на первое место среди других преступлений. На страницах работы читатель узнает, как китайский правоприменитель борется с сепаратизмом, предательством, различного рода подрывной и разведывательной деятельностью. Небезинтересна будет информация о приведении в исполнение смертной казни в отношении генерал-майора Лю Лянькуня и старшего полковника Шао Чжэнчжуна за активное сотрудничество с тайваньской разведкой.

Анализ главы 2 "Преступления против общественной безопасности" также характеризуется обилием ссылок на историю и современность, сравнительный ана-

лиз с положениями, ранее закрепленными в рассматриваемой главе. Особое внимание уделено актуальной как для современного Китая, так и современной России террористической деятельности. Наибольшую опасность для общества, по мнению авторов, представляет террористическая деятельность мусульманских организаций в северо-западном Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Члены этих организаций проходят специальную подготовку в диверсионных центрах зарубежных стран и принимают участие в различных вооруженных конфликтах, в том числе и в Чечне. Интересен для юристов будет комментарий ст. 122 в плане совершения преступниками морского пиратства под прикрытием сотрудников управления по борьбе с контрабандой и последующего их осуждения

Исключительно обширна в ныне действующем УК КНР глава 3 "Преступления против социалистического рыночного экономического порядка", которая содержит 92 статьи (ст. 140-231). В связи с тем, что китайское руководство уделяет самое пристальное внимание экономическому развитию страны, было принято решение об ужесточении на законодательном уровне ответственности юридических и физических лиц за совершение различного рода преступлений в экономической сфере. В комментарии к данной главе авторы сделали попытку раскрыть сущность закрепленных в ней преступлений, обратив особое внимание на налоговые, кредитно-финансовые преступления, контрабанду. Так, был сделан акцент на то обстоятельство, что самые суровые приговоры в Китае выносятся за контрабанду не только наркотиков, но и других видов товаров. Например, в октябре 1998г. к смертной казни были приговорены два бизнесмена за нелегальную переправку через таможенную границу, включая автомобили и бытовую технику, на сумму более чем в 4,5 млн. долларов. В разъяснениях к статьям рассматриваемой главы широко используются нормы, закрепленные в Дополнительном постановлении о наказании за контрабанду 1988г., Дополнительном постановлении о наказании за уклонение, отказ от уплаты налогов и Постановлении об усилении наказания преступников, виновных в похищении, обмане с целью продажи, захвате в качестве заложников женщин, детей 1991г., Дополнительном постановлении о наказании за подделку торговых марок и Постановлении о нака-

зании за производство, сбыт поддельных и некачественных товаров 1993г. и многих других.

В главах 4 "Преступления против прав личности, демократических прав граждан" и 5 "Преступления против собственности" прописаны в отдельности 38 и 12 составов преступлений. Значительное место в главе 4 уделено уголовно наказуемым деяниям, связанным с похищением, обманом с целью продажи женщин, детей. Подобного рода преступления до сих пор еще очень распространены в современном китайском государстве, о чем через призму фактического материала, подробно рассказывается в монографии. Санкции статей, объединенных в главе 5, предусматривают уголовное наказание за такие преступления, как разбой, кража, грабеж и т.п. Рост преступности, связанной с использованием высоких технологий, обусловил и появление в главе новой для китайского уголовного права лексики. Так, ст. 265 устанавливает уголовную ответственность за тайное подсоединение к принадлежащей другому лицу линии связи, дублирование принадлежащего другому лицу телекоммуникационного кода или использование заведомо тайно подсоединенного, дублирующего телекоммуникационного оборудования, установок с целью извлечения выгоды.

Глава 6 "Преступления против общественного порядка и порядка в управлении" по числу статей уступает лишь главе 3, однако превосходит ее по количеству составов преступлений (всего 119). Наиболее проработанным в данной главе оказался параграф 7 "Контрабанда, торговля, перевозка, производство наркотиков". В то же время особое внимание привлекает комментарий авторов, данный к параграфу 2 "Преступления против правосудия", параграфам 8 и 9 "Организация, принуждение, вовлечение, размещение, сводничество в занятии проституцией" и "Производство, торговля, распространение порнографических предметов". Знание закрепленных в них норм было бы очень полезно для занимающихся правотворческой деятельностью российских граждан, ратающих за нравственное возрождение страны.

Отличительной чертой комментария к главе 7 "Преступления против интересов обороны" является его тесная взаимосвязь с комментарием к главе 10 "Преступления военнослужащих против воинского долга". Авторы совершенно справедли-

во рассматривают закрепленные в этих главах нормы в тесной увязке друг с другом, а также проводят параллели с ранее действующим и ныне действующим законодательством КНР в сфере военной службы. Особо обращается внимание на преимущество положений, закрепленных в главе 10 с нормами, содержащимися во Временном положении о наказании военнослужащих за преступления против воинского долга от 1981г.

Особое место в нынешнем УК КНР занимают глава 8 "Коррупция и взяточничество" и глава 9 "Преступления против интересов государственной службы". Субъектами большинства преступлений, закрепленных в этих главах, выступают государственные работники, под которыми законодатель понимает лиц, выполняющих служебные обязанности в государственных органах и работники государственных органов. Для китайского государства проблема коррупции и взяточничества во все времена была наиболее актуальной. Несмотря на устоявшиеся стереотипы, правоприменительные органы продолжают вести борьбу с этим порочным явлением. Подтверждением сказанного могут служить приведенные авторами монографии примеры привлечения виновных в совершении указанных преступлений лиц к уголовной ответственности. Так, авторы не обошли своим вниманием нашумевшее и беспрецедентное дело Чэнь Ситуня - бывшего члена политбюро ЦК КПК, секретаря пекинского горкома партии и мэра столицы, приговоренного народным судом к 16 годам лишения свободы.

Рецензируемая монография несомненно представляет собой значительный вклад в отечественное китаеведение и юриспруденцию. Вместе с тем ей присущи некоторые недостатки. Так, не во всех случаях можно было бы согласиться с авторским переводом закрепленных в У1 КНР норм (чего авторы и сами не отрицают). Например, если быть до конца последовательным, то при переводе видов основного наказания следовало бы говорить о срочном и бессрочном лишении свободы (УК 1979г.) либо о лишении свободы на определенный срок и пожизненном лишении свободы (УК РФ). Хотелось бы также, что бы комментарий к Общей части УК был более полон, нежели на самом деле. Ведь нормы, в ней закрепленные, имеют первостепенное, фундаментальное значение, а некоторые институты этой части законодательно вообще не известны уго-

ловному праву России (например, уголовная ответственность юридических лиц). Особо хотелось бы сказать несколько слов о приведенной авторами библиографии. В ней указан далеко не исчерпывающий перечень литературы, цитаты из которой читатель может встретить на страницах работы. Не лишним было бы также указать в библиографии перечень нормативно-правовых актов и их источников (особенно это было важно в плане уяснения,

первоисточником или переводом пользовались авторы при ссылке на закон).

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что рецензируемая монография представляет собой колоссальный труд, в котором в доступной для читателя форме комментируются современные новеллы в уголовном законодательстве КНР и хотелось бы выразить надежду, что данная работа дойдет до самого широкого круга российских читателей.

© 2001

П. Трощинский, юрист

Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Биобиблиографический словарь: Издательство Дальневосточного университета. Владивосток, 2000. 384 с., илл.

В последние десять лет специалисты по российскому зарубежью получили целый ряд справочных изданий*.

Вышедший недавно Биобиблиографический словарь А.А.Хисамутдинова, посвященный малоисследованной дальневосточной ветви русского зарубежья, очень своевременно дополняет этот список.

Составитель Словаря уже знаком читателям, интересующимся дальневосточным русским зарубежьем, по ряду статей, опубликованных за последние годы в различных изданиях, в том числе и в ПДВ. Эти публикации, как и рецензируемый Словарь, являются результатом его исследовательской работы в рамках четырех грантов — от Гавайского университета, IREX, FCTR. MacArthur, а также неоднократных научных поездок в США в 1996-1999 гг. Это дало возможность А.А.Хисамутдинову использовать неизвестные материалы из архивов США (Федерального архива в Вашингтоне, его регионального филиала в Сиэтле, Бахметьевского архива Колумбийского университета, архива Гуверовского университета и Музея Русской Культуры в Сан-Франциско). Естественно, что им были привлечены и материалы из открывшихся архивов в Хабаровске и других городах России.

Даже простое ознакомление с таким перечнем источников впечатляет и не может не вызывать глубокого интереса у любого читателя, открывающего эту книгу.

Словарь содержит 2000 персоналий со справками о представителях российской диаспоры на Дальнем Востоке — главным образом в Китае и меньше — в Южной Америке. Помимо основных фактов (дата, год, место рождения и смерти, образование и др.), как это и принято в

подобного рода изданиях, указываются «Источники и литература» и при наличии трудов — «Сочинения». Не в каждой статье представлены все данные по этой схеме, но там, где они есть — информация точная и подробная. В текст некоторых персоналий составитель включил интересные сведения из старых источников, как бы дополняющие штрихи к портрету человека.

В конце книги даются 33 фотографии некоторых людей и снимки надгробий русских кладбищ в Сиэтле и Сиднее.

Как известно, одним из кардинальных вопросов при составлении подобного рода работ справочного характера является критерий отбора персоналий — по принципу профессиональной деятельности (художники, литераторы и т.д.), территориальной принадлежности, временным параметрам и т.д. А.А.Хисамутдинов ограничил себя «территориальным признаком» (Азиатско-Тихоокеанский регион и Южная Америка), и задался целью включить в словарь всех, кто имел или имеет хоть какое-либо отношение к этим регионам: строителей КВЖД, первопроходцев Маньчжурии, эмигрантов из России (живших в Китае, Корее и Японии, а ныне живущих по всему земному шару), гастролеров — певцов, музыкантов, спортсменов. В Словарь включены даже авторы книг, издававшихся в Харбине и Шанхае, не имеющие отношения к этому региону, а также представители второго поколения, ныне живущие в разных странах, и в ряде случаев просто лица, бывшие в тех краях проездом или жившие там короткое время.

Такой подход к составлению Словаря по региону, через который в свое время прошли тысячи выходцев из России,

Писатели Русского зарубежья. Т. I: Литературная энциклопедия Русского зарубежья (1918-1940). М., 1997; Т. II: Периодика и литературные центры. М., 2000; Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Художники русской эмиграции (1917-1941). Биобиблиографический словарь. СПб, 1994; Алексеев А.Д. Литература русского зарубежья. Книги. 1917-1940. Материалы к библиографии. СПб, 1993. Сведения о зарубежных русских писателях включены также в биобиблиографический словарь «Русские писатели 20 века». Под ред. проф. П.А.Николаева. М., 2000.

вий по охране биологического разнообразия", "Исследование Управления по охране городской окружающей среды в сфере загрязнения вод и проблемы твердых бытовых отходов", "Китай: проблемы и политика контроля над выбросами, вызывающими парниковый эффект", "Программа лесной промышленности Китая на XXI век", "Морская программа Китая на XXI век", "План озеленения Китая с перспективой на следующий, XXI век", "План контроля над объемами основных загрязняющих выбросов" и др.

Решающее значение в изложении концепции "Устойчивое развитие" придается проблеме народонаселения. В концепции отмечается, что абсолютно критическая величина народонаселения Китая может быть оценена примерно в 1,6 млрд чел.

В третьей главе решается, в частности, проблема определения экологической эффективности. Ее оценка сопряжена с большими трудностями. В качестве простейшей приводится следующая формула.

$$1/ \text{СЭОЭФ} / 2/ \text{РЭДСО} - 3/ \text{СЭ},$$

или отношение 2:3,

где СЭОЭФ - это социально-экономическая оценка экологической эффективности, РЭДСО - результаты экономической деятельности, использующей среду обитания, СЭ - совокупный результат потерь в среде обитания от экономической деятельности.

К сожалению, такой метод применим только к самым простейшим оценкам и прогнозам. Он основан на субъективных характеристиках происходящего в сфере экологии, а их отрицательная сторона всегда занижается. В китайской литературе нередко говорится, что "Человеку свойственно заоблачно высокомерие". Так, поверхностная оценка ущерба от непродуманной вырубki лесных массивов может быть невелика, а реальные долгосрочные последствия гораздо более серьезны и сводятся не только к оскудению природных ресурсов, но и к деградации основ жизненной среды и распространению тяжелых болезней.

Необходимо форсировать пропаганду научных знаний об экологическом балансе и взаимосвязях биологических видов. До сих пор большинство населения Китая не знает, какие виды животных и растений не подлежат отстрелу и сбору.

Главная проблема, выдвинутая в четвертой главе "Природные ресурсы и устойчивое развитие", — это недопустимость терминологического разделения окружающей природной среды и природных ресурсов, в результате чего стано-

вится возможным одновременно требовать сохранения природы и интенсификации потребления природных ресурсов, хотя на деле одно несовместимо с другим. При этом надо тщательно разделять возможность интенсивного освоения возобновляемых природных ресурсов от хищнического потребления не возобновляемых ресурсов, на чем, к сожалению, основано шаткое благополучие многих стран с высоким жизненным уровнем.

Ключевое значение в монографии имеют главы о продовольственной проблеме и землепользовании. Приводится китайская поговорка: "Питание нации есть приговор небес". Хотя в Китае и достигнут внушительный рост производства продовольствия, тем не менее окончательного решения продовольственной проблемы дело сложное. Авторы к тому же справедливо упрекают общество в недооценке значимости земли не только как кормилицы, но и главного объекта приложения человеческого труда, а значит не менее важного фактора существования, чем научно-технический прогресс и нахождение своей ниши в международном разделении труда. Необходимо углублять знания о землепользовании, использовать опыт всех стран в этой области, отношение к нововводимым в оборот продуктивным землям должно быть как к "драгоценному дару".

В главе о водных ресурсах подчеркивается необходимость учета не только незначительности учета объема водных ресурсов Китая на душу населения (по этому показателю Китай находится сейчас на 88-м месте в мире), но и фактор гигантского объема загрязнения бытовыми и промышленными стоками. В 70-е гг. ежегодный объем этих двух видов загрязнения вод оценивался в 30 млн. т, в 80-е годы в 75 млн. т, а к концу 90-х годов превысил 100 млн. т.

Принципиально важное значение имеет глава об энергетике и экологии. В ней дается общая характеристика важности энергоресурсов для экономического и социального развития и экологической изнанки их массового потребления. То, что Китай богат энергоресурсами, а по запасам угля занимает первое место в мире, имеет свою обратную сторону: сжигание ежегодно почти миллиарда тонн твердого топлива наносит окружающей природной среде Китая колоссальный ущерб.

В конце 1995 г. научно-исследовательский центр изучения жилищно-бытовых проблем университета Цинхуа выполнил ряд актуальных разработок, в ко-

торых показал, что неконтролируемая и развивающаяся в неверном направлении жилищно-бытовая сфера является едва ли не самой большой угрозой природе и среде обитания.

В Китае размах процесса урбанизации колоссален, и он уже вошел в противоречие с программой ускоренного экономического роста и задачами охраны окружающей среды. В 1980 г. в стране насчитывалось 223 современных городов с общим населением в 191 млн. чел., в 1990 г. - 463 города, среди которых число городов с миллионным населением достигло двадцати, в 1995 г. было зарегистрировано 640 городов с населением 352 млн. чел., что составило 28,85% населения страны. По предварительным оценочным данным, число горожан в Китае в 2000 г. достигло 450 млн. чел., то есть 35% общей численности населения, а в 2010 г., по прогнозам, эти показатели составят, соответственно, 630 млн. чел. и 45%.

В этом случае общая площадь городского жилья современного типа, которую необходимо будет построить, должна будет возрасти до впечатляющей цифры - 3,35 млрд. кв. м., а вместе с современными постройками на селе - около 5 млрд. кв. м. Ежегодно необходимо воздвигать не менее 500 млн. кв. м. Это означает колоссальное давление на окружающую среду, сравнимую с влиянием основных отраслей промышленности и превышающую воздействие сельского хозяйства и транспорта вместе взятых. При этом возникают сопутствующие проблемы радикального характера. Например, пока неясно, как можно обеспечить такое количество городских квартир питьевой, а главное - технической водой.

Авторы справедливо замечают, что бессмысленно добиваться успешной реализации стратегии "Устойчивого развития" без изменения философии восприятия окружающей природной среды. Первоначально сформировалось сознание человека как носителя права бесконтрольного хозяина природы, а "Устойчивое развитие" - это философия наиболее ответственного отношения к природе. Сегодня очевидно, что человек несет громадную ответственность за загрязнение атмосферы, появления кислотных дождей и парникового эффекта, разрушение озонового слоя и общее отравление среды обитания на планете.

Особенность нынешнего этапа развития экономики заключается в том, что процесс потребления - это прежде всего производственное потребление. В правительственных кругах Китая неоднократно обсуждалась проблема изменения модели потребления. В 1996 г. на Всекитайском совещании по проблемам охраны окружающей среды мнение специалистов было единодушным: если не изменить ориентиры производства и потребления, то только этого будет достаточно, чтобы ввергнуть Китай в глубокий и многосторонний экологический кризис.

В главе о влиянии сельского хозяйства на экологию отмечается, что модель экологического сельского хозяйства начала внедряться в Китае относительно недавно, однако уже достигнуты известные успехи. Некоторые китайские экологически чистые деревни вошли в число лучших в мире по итоговому официальному реестру экспертов-экологов ООН. Задача состоит во всемерном распространении их организации и опыта.

Знаковой в монографии является заключительная глава "Стимулировать "Устойчивое развитие", опираясь на научно-технический прогресс". Решить экологические проблемы Китая на низкой технологической базе невозможно. Однако это вполне возможно сделать на самой передовой научной основе. У Китая есть все предпосылки для мощнейшего научно-технического прорыва и решения таким образом экологических, демографических и социальных проблем.

Монография содержит два приложения: "Теоретические указания Цзянь Цзяминя относительно "Устойчивого развития"" и "Хронология основных событий формирования концепции "Устойчивого развития"".

Необходимо отметить, что рецензируемая монография представляет собой исключительно ценный материал в работе по изучению состояния и динамики охраны окружающей среды в КНР. Необходимо помнить, что Россия и Китай находятся, с некоторыми оговорками, в одной зоне среды обитания. Углубленное изучение взаимных концептуальных основ государственной экологической политики - это важная предпосылка плодотворного российско-китайского сотрудничества.

Коварж И. Азия — динамичный континент: главные факторы и магистральные направления роста: Каролинум. Карлов университет. Прага, 1999. 343 с. (на чешском языке)

В последние годы заметно возрос интерес к социальному, политическому и экономическому развитию Азии — этому огромному континенту, очень дифференцированному во всех отношениях — в этническом, социальном, экономическом и историческом. И тем не менее И.Коваржу удалось воссоздать комплексную картину общественного развития этого обширнейшего региона.

Рецензируемая книга состоит из восьми глав. Первая глава содержит географическое определение азиатского пространства, причем особое внимание уделяется вопросам демографии, национальному составу населения, языкам и религиям. Хорошо отображен процесс взаимодействия религии и политики.

Во второй главе автор акцентирует внимание на политических системах азиатских стран, процессе демократизации в некоторых странах азиатского континента, раскрываются причины, характерные черты и последствия демократизации отдельных государственных и негосударственных структур в странах Азии.

Материал о правах человека изложен кратко и написан слишком обобщенно. По-видимому, больше внимания могло бы быть уделено отношению азиатских обществ к проблеме прав человека, отношению международных сообществ, особенно Европейского союза и международных организаций, к вопросам соблюдения прав человека на азиатском континенте.

В четвертой главе рассматриваются условия и ход быстрого экономического роста некоторых стран Азии и процессы в сферах геополитики и геоэкономики континента. Автор анализирует на основе статистических данных положение в основных отраслях экономики. Заслуживает внимания и раздел о регионализации

Азии. И. Коварж описывает здесь историю образования различных региональных ассоциаций (напр., АСЕАН), анализирует перспективы развития общеазиатского и трансрегионального сотрудничества.

В пятой главе автор анализирует позиции отдельных стран Азии в международной политике, исследует их положение во время холодной войны, и в особенности после ее окончания.

Глава шестая на основе хорошо документированных источников и литературы знакомит читателя с проблематикой безопасности Азии.

Глава седьмая посвящена экономическому кризису в Азии, его последствиям и поиску выхода из него. Автор начинает эту часть изложением причин конца японского экономического «чуда» на переломе 80-90 гг. и объяснением явлений, сопровождающих спад японской экономики. Далее следует анализ современного положения азиатского хозяйства и прогноз дальнейшего развития экономики, не исключаяющий новый подъем.

Восьмая глава посвящается истории и современному состоянию торговых, культурных и прочих отношений между странами Азии и Чешской Республикой.

Книга имеет ряд приложений: хронологию основных событий новейшей истории Азии и список литературы и источников по тематике книги.

Достоин сожаления то, что автор не использовал некоторые последние работы по тематике своего исследования, например, многопрофильные монографии члена-корреспондента Российской Академии наук профессора М.Л. Титаренко «Россия и Восточная Азия» (М., 1994 г.), «Россия лицом к Азии» (М., 1998 г.); «Современное право КНР», в написании которой участвовали чешские востоковеды и юристы Л. Кржижковский, В. Влаха, Я. Ортман и др.

(М., 1985 г.); «Политическая система Тайваня» профессора Л.М. Гудошника и кандидата исторических наук К.А. Кокарева (М., 1997 г.).

В книге И. Коваржа не нашли отражения и оригинальные работы чешского исследователя М. Томашека «Правовое регулирование зарубежных капиталовложений в Китае» (Прага, Ученые труды ЧСАН.* Вып. 20. 1990) и «Использование иностранного капитала в Китайской Народной Республике в свете теории конституционного права». Прага, 1988.

Публикация И. Коваржа является весьма содержательной работой, основывающейся на результатах новейших исследований по вопросам азиатского кон-

тинента. Вместе с тем нельзя не выразить сожаления, что автор не уделил должного внимания юридическим аспектам темы. Проблема прав человека, хотя она и является очень важным вопросом, в публикации И. Коваржа рассматривается несколько изолированно от юридических аспектов. Он мог бы уделить больше внимания также и дальнейшему развитию конституционного права и правовым нормам в области экономики и торговли. Правовое регулирование экологии также оказалось несколько в стороне.

Тем не менее, работа И. Коваржа является существенным вкладом в исследование аспектов социально-экономического и политического развития Азии.

© 2001

*К. Адамова,
доктор юридических наук.
Факультет права Карлова университета в Праге*

* ЧСАН — Чехословацкая Академия наук.

Юбилей ученого

Академику В.С. Мясникову – 70 лет

Китайское и вообще восточное направление отечественной исторической науки выдвинуло большую плеяду выдающихся исследователей, ставших гордостью Российской Академии Наук. Нельзя, однако, не отметить, что среди крупных фигур синологии звания действительного члена РАН за 275 лет удостоились только шесть ученых – Г.З.Байер, В.П.Васильев, В.М.Алексеев, Н.И.Конрад, С.Л.Тихвинский и В.С.Мясников. Этот факт ярко высвечивает весомость вклада юбиляра в развитие российского китаеведения и, прежде всего, в изучение истории отношений российского и китайского государств.

В.С.Мясников прошел все ступени академической лестницы – от аспиранта до действительного члена РАН, от должности научно-технического сотрудника Института китаеведения АН СССР до поста заместителя директора Института Дальнего Востока РАН и заместителя

академика-секретаря Отделения истории РАН. Последняя руководящая иподстасть юбиляра – безусловное свидетельство его научного авторитета в кругах российских историков. Об этом же свидетельствует и его выдвижение на пост руководителя секции всеобщей истории Экспертного совета Российского гуманитарного научного фонда и председателя редколлегии «Научного наследия» РАН.

К очередной «круглой» юбилейной дате академик В.С.Мясников подошел, существенно пополнив список своих опубликованных научных трудов. И хотелось бы надеяться, что в недалеком будущем наиболее важные из работ, написанных им за четыре с половиной десятилетия, появятся в печати по крайней мере в виде нескольких томов избранных произведений, ибо концепции, идеи, обширный и во многом уникальный исторический материал, содержащиеся в них, имеют фундаментальный характер и научную ценность, не поддающуюся девальвирующему влиянию времени.

За долгие годы работы в различных структурах АН СССР и РАН В.С.Мясников опубликовал свыше 250 научных и научно-публицистических трудов, в числе которых несколько монографий. Часть из них была переведена на иностранные языки и издана за рубежом.

Процесс становления и развития качественно новых отношений между российским и китайским государствами, развернувшийся в 90-е годы, т.е. в период глубочайших и кардинальных перемен во всем глобальном международно-политическом и социально-политическом ландшафте планеты, в период крутого поворота вектора общественного развития России, еще более актуализировал необходимость подлинно творческого подхода к научному обеспечению политики Москвы на восточном направлении. Этот подход в полной мере проявился в соответствующих научно-практических разработках Института Дальнего Востока РАН, осуществлявшихся в 90-е годы или лично академиком В.С.Мясниковым или под его руководством или при его самом активном участии.

В этой связи следует особо подчеркнуть, что вообще с самого начала своей научной деятельности и по сей день Владимир Степанович теснейшим образом увязывает свои фундаментальные исследования истории Китая и российско-китайских отношений с решением существующих и назревающих задач политики нашего государства на китайском направлении. И, пожалуй, точнее будет сказать, что он даже подчиняет им выбор основной проблематики своих научных изысканий. В этом смысле академик В.С.Мясников являет собой тип ученого-патриота, убежденного в том, что научное знание, наука, в особенности историческая, должны прямо и непосредственно высвечивать наиболее рациональный путь движения своего народа, своей страны к достойному месту и роли в вечно меняющейся, а ныне крайне динамичной, системе государств, все более быстро превращающейся в тесно взаимосвязанную и взаимозависимую целостность. Поэтому вполне закономерно, что В.С.Мясников долгое время, начиная с 1969 года, состоял экспертом Советской правительственной делегации на переговорах в Пекине по пограничным вопросам.

Как нам представляется, и, полагаем, что вполне обоснованно, одним из наиболее важных научных свершений академика В.С.Мясникова является развернутая по его инициативе совместно с д.и.н. Л.И.Думаном и академиком С.Л.Тихвинским в конце 50-х годов и продолжающаяся поныне работа по выявлению и публикации архивных документов, связанных с российско-китайскими отношениями в XVII – XX веках. Предпринятая впервые в практике отечественного китаеведения, эта работа вылилась в многотомную серию публикаций «Русско-китайские отношения в XVII- XIX веках. Документы и материалы», ставшую бесценным подспорьем для всего международного сообщества ученых, изучающих проблематику многовековых отношений двух великих держав. Естественно, что большой интерес эта поистине капитальная работа вызвала в КНР, где она переведена на китайский язык.

И в указанной серии, и в ее продолжении, охватывающем документы XX века, академик В.С.Мясников выступает не только в качестве организатора и научного руководителя коллектива документалистов, но и как основной составитель и автор обширных аналитических предисловий, а также комментариев ко всем уже опубликованным шести объемистым томам.

Неустанная на протяжении десятилетий работа с архивными материалами, подкрепленная скрупулезным изучением обширной русской, китайской и западной литературы по Китаю, касающейся его внутреннего развития и всего комплекса его международных отношений, специфических особенностей его дипломатии, сформировавшихся в лоне уникальной китайской цивилизации, стала надежной базой, на которой В.С.Мясниковым написаны монографии и множество статей, эссе, рецензий, научных докладов и принципиальной

важности аналитических записок, отражающих широкий спектр его научных интересов. В частности, нельзя не отметить увлеченность юбиляра углубленным изучением российской истории вообще и истории российской дипломатии в особенности. Изыскания в последней области позволили ему опровергнуть устоявшееся и подкрепленное авторитетом таких ученых, как В.О.Ключевский и А.И.Капустин, мнение о том, что зарождение отечественной дипломатии относится к началу XV века. Это мнение, по хорошо обоснованному утверждению В.С.Мясникова, начисто игнорирует многовековой опыт взаимодействия древней и средневековой Руси с ее соседями, т.е. перечеркивает весьма протяженный период истории русской дипломатии. Восстановление подлинной картины развития этого аспекта долгой жизни российского государства представляется важным вкладом академика в закрытие объективно возникших или искусственно созданных «белых пятен» отечественной истории.

И все же, подчеркивая широту спектра научных интересов юбиляра, нельзя не отметить, что для его творческого стиля характерна жесткая сосредоточенность на проблематике российско-китайских отношений и, прежде всего, на пограничной тематике, в которой профессионализм ученого, без малейшего преувеличения, доведен до высшей точки совершенства. Эта сосредоточенность более всего отражена в его монографических исследованиях, к числу которых относятся: «Империя Цин и Русское государство в XVII веке», «Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы». За последний труд юбиляр был удостоен академической премии имени Н.И.Кареева.

Эти работы обстоятельно обосновывают концепцию автора, заключающуюся в том, что национально-государственные интересы двух государств объективно никогда не были антагонистическими и что возникавшие между ними проблемы и трения сглаживались и устранялись дипломатическими средствами. Именно поэтому на протяжении почти четырех столетий своего взаимодействия две соседние великие страны ни разу не находились в состоянии объявленной широкомасштабной войны. Между тем, в тот же период подобные конфликты с другими, ближними и даже очень дальними, соседями были и у России, и у Китая. Традиции добрососедства, налаботанные сторонами в ходе долгого и не всегда простого взаимодействия, — это, как справедливо полагает В.С.Мясников, надежный фундамент конструктивного сотрудничества и стратегического партнерства двух великих держав на длительную перспективу, несмотря на то, что тенденции современного мирового развития чреваты разного рода поворотами, способными так или иначе в каких-то частностях негативно влиять на конкретное течение российско-китайских отношений.

Как историк-международник и политолог с огромным исследовательским опытом В.С.Мясников в последние годы концентрирует свое внимание на вопросах, связанных с формированием новой политической структуры мирового сообщества и с конкретными проявлениями этого процесса в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В многочисленных статьях по этим вопросам, опубликованных в отечественной и зарубежной печати, и в докладах и выступлениях в том числе на международных научных и общественно-политических форумах, в которых В.С. Мясников в 90-е участвовал особенно активно, в высшей степени достойно представляя российскую науку, он скрупулезно рассматривает объективные основы и перспективы развития стратегического партнерства России и Китая, а также становления «стратегического треугольника» Россия-Китай-Индия и неизбежного расширения и возрастания роли «Шанхайской пятерки» как международных структур, способных укрепить конструктивное начало в строительстве нового мирового политического и экономического порядка. Продуктивная и впечатляюще активная работа юбиляра в этой

сравнительно новой для него области побудила МИД РФ включить его в качестве эксперта в состав Комиссии по проблемам Азиатско-Тихоокеанского региона. Нарботанный за десятилетия подвижнического труда на китаеведческой ниве научный и общественный авторитет В.С.Мясникова послужил основанием для выдвижения его на пост заместителя председателя российской части Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития, избрания заместителем председателя Общества российско-китайской дружбы и председателем Ассоциации китаеведов РАН.

На протяжении последних десятилетий своей академической деятельности В.С.Мясников особенно много сил и внимания уделял подготовке научных кадров и как руководитель исследовательского коллектива, и как наставник аспирантов и докторантов, и как профессор Института стран Азии и Африки при МГУ и Московского государственного института международных отношений МИД РФ. Питомцы созданной академиком научной школы ныне трудятся во многих НИИ и ВУЗах России и стран СНГ, от Санкт-Петербурга и Москвы до Владивостока, от Киева до Ташкента и Алма-Аты.

Научная и общественная деятельность юбиляра отмечена почетными академическими премиями, а также орденом «Дружбы» и другими правительственными наградами.

Свое семидесятилетие Владимир Степанович встречает в полном расцвете творческих сил и преисполненный большой человеческой мудрости и «многия знания», в которых, увы, таятся и «многия печали». Но с присущими ему волей и энергией, неизбывной целеустремленностью он продолжает и в нынешних, далеко не лучших для российской науки в целом, условиях упорно трудиться во имя сохранения традиционно высокого уровня отечественного китаеведения и, в частности, этим также подтверждая свою изначальную преданность науке и изначальную верность патриотическому долгу.

Становление и рост Владимира Степановича как ученого, гражданина и личности в самых разных ее проявлениях и измерениях происходили на наших глазах. И многолетнее самое тесное общение с ним как в профессиональном, так и чисто человеческом плане было и остается чрезвычайно плодотворным и, что не менее важно, светлым фактом наших биографий.

От себя лично и от имени коллектива сотрудников Центра «Россия и Китай» и всего Института Дальнего Востока РАН мы сердечно поздравляем Владимира Степановича Мясникова со славным юбилеем и желаем ему крепкого здоровья, новых творческих свершений и всяческого благоденствия на долгие годы.

*Член-корреспондент РАН М.Л. Титаренко,
профессор А.Г. Яковлев*

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.*

Сдано в набор 15.04.2001 г. Подписано к печати 15.05.2001 г. Формат бумаги 70x100 $\frac{1}{8}$
Офсетная печать. Усл.печл. 15,6. Усл. кр.-отт. 15,0 тыс. Уч.-издл. 14,7 Бум. л. 6,0
Тираж 944 экз. Зак. 2079

Свидетельство о регистрации № 0110158 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32, тел. 124-09-02

Оригинал-макет © 2001 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6